

СТОЛИЦА

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ:

Грядет суровая зима,
нависла тень голода,
забастовок,
возникнут волнения в
солдатских
казармах.
И в это время
нынешние лидеры
ничего не могут
предложить народу.
А я все дам. И сделаю
это просто: введу
войска в бывшую ГДР
— полтора миллиона
человек, побряцаю
оружием, в том числе
ядерным, и все
появится.

Август, 1991 год.

Адольф ГИТЛЕР:

Надо отказаться от
идеи о том, что
решать проблемы
можно лишь
применяясь к
обстоятельствам.
Необходимо
приспособить
обстоятельства к
нашим требованиям.
Без вторжения в
чужие государства и
присвоения чужой
собственности это
теперь уже
невозможно.

Август, 1939 год.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

МММ

ЭТО ИМЕННО ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО
СЕГОДНЯ!

КРУПНЕЙШИЙ В СТРАНЕ ПОСТАВЩИК
ИМПОРТНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ
И ОРГТЕХНИКИ, РАСШИРЯЕТ СФЕРУ
УСЛУГ

ТОВАРЫ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА!
ПО САМЫМ НИЗКИМ РЫНОЧНЫМ
ЦЕНАМ ЗА РУБЛИ БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ

МЫ МОЖЕМ: элегантно и модно одеть; оборудовать квартиру и дачу; предложить современную бытовую технику (холодильники, пылесосы, микроволновые печи, аудио- и видеотехнику, автомобили —

СЛОВОМ, ВСЕ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ТРУД ЭФФЕКТИВНЫМ, А ЖИЗНЬ КОМФОРТНОЙ

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

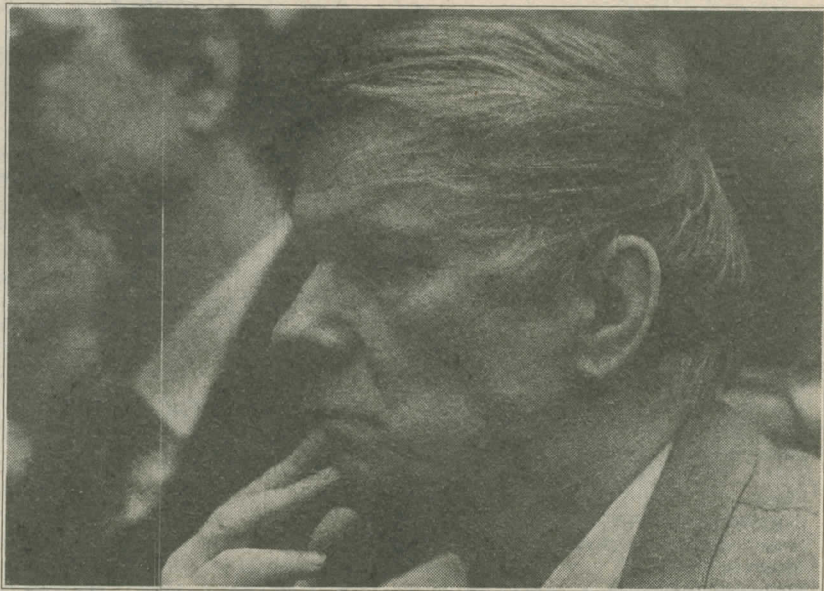
Наш адрес: 109518, Москва, ул. Газгольдерная, д.10, ☎ /095/171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90
Проезд: метро «Текстильщики», автобусы №№29, 725, остановка «Вычислительный центр»

Василь БЫКОВ:

Успокаиваться рано. Необходим суд над компартией

Василь Быков, народный писатель Белоруссии. Родился в 1924 году, живет в Минске. Автор произведений о Великой Отечественной войне. Народный депутат СССР. Во время апрельской политической стачки в Белоруссии первым из интеллигенции поддержал забастовщиков, чем навлек на себя гнев правящей номенклатуры.

Фото А. Гостева

— Ваша оценка ситуации в стране до и после путча. Его итоги и уроки. Каковы могут быть перспективы?

— К моменту путча обстановка в стране действительно стала критической. Я имею в виду прежде всего экономику, которая, кстати, остается в прежнем своем состоянии, то есть в состоянии скольжения по наклонной вниз, к полной катастрофе.

Ведь, насколько я понимаю, обязательной предпосылкой любого, самого захудалого рынка является товар, которого у нас производится все меньше и меньше. Производство замирает. Какой же рынок? Натуральный обмен вряд ли является оптимальным условием развития рынка. И никакой путч, никакие пиночеты здесь не помогут. Производительные силы общества находятся в состоянии прострации, путч многих шокировал, затем обострил общественные эмоции, но не повысил заинтересованности в труде. Страх, как традиционный стимул нашего хозяйствования, блеснул на

горизонте и исчез вместе с исчезновением ГКЧП. Конечно, новый путч может залить страну кровью, но вряд ли заставит кого бы то ни было работать. Социалистическая экономика на коленях, а иной у нас нет — не сложилась и не привилась.

Говорят, что КПСС умерла, кончила жизнь самоубийством в августе нынешнего года. Я так не считаю — этот дракон бессмертен. Особенно в атмосфере вдруг вспыхнувшей жалости к нему со стороны демократов. Слушая высказывания виднейших либеральных депутатов, общественных деятелей, трудно отделиться от мысли, что нынче главной проблема общества — не обидеть кого из «ни в чем не повинных», «простых», как рыба молчавших до путча и во время одного рядовых членов КПСС. Недавняя номенклатурная рать, быстро оправившись от первого шока, с готовностью подхватила этот тезис, успешно упрятивая за него прежде всего собственную неблагоприятную роль в путче и задолго до него. И спрячет, оправдает, будьте увере-

ны, способностей для того у нее достанет, опыта тоже. В ход пущена вся отточенная за десятилетия демагогия, методы подмен и подтасовок.

Главный аргумент: если мы стремимся к правовому государству, то за выражение мнений нельзя привлекать к ответственности. А все эти решения в поддержку путчистов, обращения партийных инстанций к народу представляются как выражение их мнений, а вовсе не совершенные деяния. Значит так: руководящие парторганы всех степеней выражали собственное, искреннее мнение, но не допускали никаких предосудительных действий, кроме снятия трубки с телефонного аппарата. Те же, кто допускал активные действия (армия, КГБ, ОМОН), неподсудны, ибо действовали не по собственной инициативе, а выполняли приказ. Что же из этого следует? То, что, кроме известной восьмерки, виновных нет, привлечь к ответственности некого. Не это ли с небывалой, доходящей до истерики горячностью внушали стра-

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМЕРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Факс: 41.21-311.45.11
Тел.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Номер подписан в печать 13.09.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков — 95 к.)
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате
142300, г. Чехов Московской области. Зак. 15 09

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Успокаиваться рано.
Необходим суд над компартией
В.Быков

ВЛАСТЬ

5. «Система, которую они
защищали, была дерьмом»
И.Заславский

ЖИЗНЬ

- 11 Куда податься партократу?

ВЗГЛЯД

- 18 Сон в летнюю ночь
А.Тимофеевский

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА

- 20 Мой сосед Жириновский
А.Мальгин

МЫ

- 28 Ужо тебе, монументальная
пропаганда?
Н.Малинин

ОТТУДА

- 34 «Живи не ложью — все будет
по божью»
Н.Артемов

АРХИВ

- 42 На далеком Севере.
Россия. 1925 год
М.Крлежа

РАССКАЗ

- 60 Сочинение
Г.Островский

Внимание!
Специально для подписчиков
редакция журнала «Столица»
проводит лотерею, с.39

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
В.Цыбульский
А.Пружинина
И.Мельникова

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

8 Белова нельзя воротить
и печалиться не о чем...
.....
А все-таки жаль

13 Празднование великой победы
обычно сопровождается довольно
шкурной дележкой трофеев.
В нашем случае — тоже.

54 Юлия Нейман
Об Арсении Тарковском

не депутаты Верховного Совета на его последней сессии?

КПСС — партия особого рода, коммунисты — люди особого склада, мы это слышали с детства, и, как ни странно, это правда. Такой партии не знала современная цивилизация. И эта партия никогда не примирится с роспуском, с потерей неограниченной власти, с крушением комфортного положения в обществе. Неудачный августовский путч, надо полагать, не последний. Надо ждать новых. На этот раз более коварных и более кровавых.

Только решительные действия руководства страны и всего народа могут нейтрализовать эту партию. И здесь без международного трибунала над ней (вроде Нюрнбергского) никак не обойтись. Чем раньше мы осознаем необходимость этого, тем лучше — для нас и для всего мира.

— **Насколько глубоко, по-вашему, путч затронул толщу обывательского сознания?**

— Обывательское сознание потому и обывательское, что изменяется крайне медленно. Обыватель прежде всего соображает по принципу «а что я буду с этого иметь?». И если ничего, он тут же отворачивается от самых прекрасных идей и самых справедливых решений. Далеко идущие меры, долгосрочные программы его не устраивают, он уже сыт ими по горло. Путч, по-моему, никак не затронул его сознания. Вот если бы водка подешевела на пятачку или к зарплате накинули по полсотне, он бы восторжесливо на время. Но только на время. Апрельское повышение цен вывело на улицы Минска десятки тысяч возмущенных трудящихся. Такой же действительно исторический акт, как объявление независимости республики, — несколько сот минчан, преимущественно из числа национальной интеллигенции. Обыватель, разумеется, не пошел за путчистами, но и победа над ними не вызвала у него восторга, демократы не его любимцы. Единственное, что он уважает (не любит, но именно уважает), так это сила — сталинская ли, гитлеровская или янаевская, но обязательно прочная, грозная сила, от которой и самому можно пострадать. Бойтся, но уважает. Или именно потому и уважает, что боится. Поэтому демократы для него пустой звук, он их не замечает.

— **Как вы сами реагируете на события? Что изменилось в ваших собственных настроениях и взглядах (скажем, на народ, интеллигенцию, на политических деятелей, на демократическое движение)?**

— Как и многие, этот путч я пред-

чувствовал и говорил о том, изо всех сил стараясь не верить собственным предчувствиям, страстно желая ошибиться. Потом длительное опасение ослабло, казалось, пронесло. И именно тогда он и грянул. Как всегда, впрочем, когда меньше всего ждешь. В отличие от расхожего мнения, что путч победить не мог, потому что народ был против, я считаю, что он потерпел поражение по чистой случайности. Прежде всего было упущено время, путчисты прозевали Ельцина, а группа «Альфа» не пошла на потери. Вовсе не потому эти спецназовцы не пошли на штурм «Белого дома», что такие уж демократы и законники. Просто двух-трех сотен даже хорошо вооруженных людей все-таки было недостаточно для того, чтобы сокрушить самостоятельную, безоружную, но достаточно многочисленную оборону.

Если говорить об уроках путча, то главный для меня состоит в осознании того, как непрочно, уязвима и неорганизована наша демократия. Разброс мнений в демократической среде огромен, порой чудовищен, касается ли дело экономики, морали или текущей политики. Разве что в моменты смертельной опасности она может кое-как самоорганизоваться. Но вот победа достигнута, и развал взаимоотношений в лагере демократов пуще прежнего. Впрочем, тут уж ничего не сделаешь — таков ее общественный менталитет, такова природа ее функционирования, особенно в посттоталитарном обществе. Это консерваторы-реакционеры сплачиваются так, что не разольешь водой, по железным законам воровской шайки. Демократам это не дано, и, по-видимому, с этим необходимо считаться. Хотя бы во избежание грядущих разочарований.

— **А как вы думаете, нынешнее поколение увидит другую жизнь?**

— В ближайшие 10—20 лет, я думаю, ничего хорошего нам не светит. Перемены к лучшему могут произойти лишь за пределами физического существования нынешних поколений. Когда окончательно уйдут из жизни те, кто безнадежно отравлен ядом большевистской идеологии, неистребимым страхом перед властями. Когда не только не останется ничего, напоминавшего о последних резолюциях очередного съезда, но и ни одного деда или бабки, хранящих память о дефицитах, репрессиях, коллективизации. Пока будет жива угроза голода и царства талоннов, творческую инициативу в народе не пробудишь никакими призывами и никакими идейными заклинаниями. Необходимо изжить генети-

ческую память о таких позорных вещах. По-видимому, Моисей был человек умный, недаром же он водил свой народ по пустыне 40 лет, а не четыре года.

— **Подходит к концу XX век, наверное, можно уже говорить о его политическом, историческом, нравственном, художественном опыте для нашей страны. Что бы вы могли сказать в связи с этим о судьбе интеллигенции?**

— В наше время, по-моему, весьма заметно изменились как сама роль интеллигенции, так и ее роль в обществе. По своему менталитету интеллигенция эта стала иной, нежели была, например, в прошлом столетии. Ныне ее весьма условно можно назвать интеллигенцией, ибо она почти утратила свойственные ей интеллигентские качества. Если содержание жизнедеятельности рабочего или крестьянина в основном осталось прежним (производство материальных благ), то интеллигенция давно перестала быть производителем духовных ценностей. Производство этих ценностей еще недавно было прерогативой КПСС. (Я не касаюсь того, какие это «ценности», скорее — антиценности.) Для интеллигенции же отводилась элементарная функция иллюстратора этих ценностей, бездушной их исполнительницы, чем она и занималась более 70 лет. Это относится не только к людям творческих профессий, но также и ко всем другим, в том числе и к технической интеллигенции. Пропагандистские космические программы, интеллектуально-военно-промышленный комплекс — все они занимались реализацией партийных программ в рамках безудержной гонки вооружений. Так называемая народная интеллигенция — сельское и городское учительство, работники культуры, медицины давно и крепко усвоили, что учить и лечить — отнюдь не самое важное в их деле. Важнее — поспешать с претворением в жизнь многочисленных политических требований райкомов, горкомов, обкомов, ЦК, пленумов и съездов. Находясь в полной зависимости от местной партийной власти, эта интеллигенция на протяжении десятилетий тянула на себе ярмо агитаторов, пропагандистов вздорных идей, занималась подпиской на заем, повышением надоев, улучшением урожайности. Многолетняя работа на партию и ее суматошные требования исказили духовный мир народной интеллигенции, которая в конце концов превратилась в один из рычагов коммунистического владычества.

— Эти упреки можно отнести и к литературе?

— Что касается нашей недавней литературы, то ее нынче зло и заслуженно ругают. Но все-таки наливаются в ней и кое-что достойное похвалы. В теме войны, деревенской теме... Удивительно, что создано это было в годы, может быть, наименее благоприятные для творчества, для реализации народной правды. Сейчас же, когда в литературе появилось гораздо больше возможностей, — настала пауза, своеобразный творческий вакуум. Похоже, литература оказалась не готовой к свободному творчеству, к новому мышлению. Наверно, произросшая в атмосфере несвободы, она долго еще будет нести на себе печать этой несвободы: в недомолвах, в нежелании говорить о рискованном и непривычном. Неизбежно какая-то существенная часть духовной жизни народа останется не реализованной искусством, а то и не востребованной обществом. Казалось бы, пришло время все наверстывать, заполнить вакуум, но литература не торопится это делать. Впрочем, может, и правильно, что не торопится. Особенно, если она к тому не готова...

— А ваше собственное творчество?

— Для меня, похоже, все темы уже исчерпаны. Может быть, со временем вернусь к прежним замыслам, но для этого должен закончиться определенный процесс в общественном сознании. Да и в моем личном тоже. Самое худшее, что может быть для художника, — это тягостное ощущение безвременья. Когда обстановка никак не способствует душевной собранности, лишает возможности сосредоточиться, сесть за стол.

О войне я не пишу, и вот почему. Еще недавно трудно было себе и представить, что люди, с которыми прошла моя молодость, о которых я столько писал, превратятся ныне в такую мрачную, консервативную силу. Конечно, не все, есть исключения. Но мои личные контакты, наблюдения на различных форумах, газетные публикации такого рода вызывают большую печаль. И, как ни странно, парализуют творческие замыслы. Когда я представляю привычные образы фронтовиков, моих ровесников, то уже не могу абстрагироваться от того, во что они превратились спустя полвека, эти мои современники. И почему? Что тому причиной? Неужели какие-то жалкие привилегии в виде куска колбасы, которую не станет есть и бродячая собака, сделали это? По существу они стали

опорой самой реакционной силы общества, что столь красноречиво подтвердил и неудавшийся путч.

— Больно, что люди, борющиеся с немецким фашизмом, примиряются с существованием подобных вещей в нашей стране.

— Если бы только примирялись! Ведь они в большинстве своем — убежденные сталинисты, активные сторонники нынешнего консервативного генералитета, верные служаки коммунистической номенклатуры.

— Скорее, это их беда, а не вина. Многим из них представляется, что сейчас рухнет все, что они защищали, и они пытаются в меру своего понимания спасти страну.

— Но если бы это было их личное или даже сословное дело. Ведь влияние этих людей на общественную жизнь довольно значительно, их представители заседают в парламентах. Что же касается войны, то здесь произошла довольно хитрая политическая подмена. Партия и Сталин с некоторых пор стали отождествляться с безусловными понятиями, какими являются народ, родина. Паразитируя именно на этих понятиях, партия и въехала на пьедестал действительно великой народной победы над немецким фашизмом и устроилась там не только рядом, но даже и впереди народа. Но с тех пор прошло много лет, в мире стряслось столько событий — можно же кое-что понять из пережитого, а поняв, поумнеть. Нет, для многих из ветеранов прожитые сталинские годы остались без пересмотра.

— Не кажется ли вам, что тот литературный вакуум, о котором вы говорили, образовался еще и по причине увлечения писателей политической деятельностью? Не целесообразнее ли предоставить это занятие профессионалам, а самим заняться собственно литературой?

— Вполне возможно. Но занятие политикой — дело вынужденное. В политику писатели включились не от хорошей жизни и не в добрый час. Наверно, то же произошло не только с писателями.

У нас стало привычным поносить эмоциональность. «Захлестнули эмоции», «эмоции толпы», «митинговые эмоции». Эмоции становятся опасны, неуправляемы, и это очень заботит тех, кто семь десятков лет силой и ложью правил народом, постоянно опасаясь проявления отрицательных реакций с его стороны. Но живые и честные сердца людей, сначала диссидентов, а потом и многих других, горячо поддержали

перестройку, выступили против прогнившего режима.

В то же время хладнокровные и «умные для себя» и поныне хранят нейтралитет и взирают со стороны, ожидая результата схватки. Этим не угрожают излишки эмоциональности, но мои симпатии не на их стороне. Они на стороне, например, замечательного писателя, ученого и мыслителя Алеся Адамовича, который бросился в политику, как смелый человек на пожаре, — безоглядно, самоотверженно, рискуя карьерой и благополучием. Афанасьев, Попов, Собчак, Травкин, Руцкой — наверно, не самые политичные или пронизательные в стране люди, но если их что и выбило из состояния молчаливой покорности, бросило в бучу перестройки, то, на мой взгляд, это прежде всего их неравнодушные, неочерствевшие, человеческие сердца, чувство гражданской причастности к всенародной беде. Наверно, это же можно сказать и о Яковлеве с Шеварднадзе, и о многих тысячах тех интеллигентов и рабочих, в которых даже наш многолетний тоталитаризм не смог засушить, вытравить, парализовать их человеческую совесть и сопряженную с ней эмоциональность...

Хотя, разумеется, в идеальном обществе каждый должен заниматься своим делом, а писатель — писать.

Если политики, ученые, оказавшись в экономической западне, продолжают отстаивать «социалистический выбор», то что же делать писателям? Если люди честные, то всеми доступными средствами будут доказывать несостоятельность этого «выбора», его пагубность для жизни народа — основываясь на примерах выморочной судьбы крестьянства, на трагических явлениях нашей истории.

— Вы ведь тоже сделали такой выбор?

— И вовсе не потому, что жажду участия в политической жизни. Скорее, я испытываю труднопреодолимое отвращение к политике, особенно той, что столько лет господствовала в стране. Но что делать? Так или иначе в ней приходится участвовать — опосредованно в своей прозе, напрямую — в органах власти, в печати. Конечно, это участие не всегда безошибочно и редко приносит моральное удовлетворение. Вот, собрал книгу публицистики из написанного за последние четыре года. Пытаюсь издать. Хотя и сейчас это очень не просто. Как и всегда, впрочем. Таков, видно, удел нашей литературы...

Беседу вел Александр НИКОЛАЕВ

Илья ЗАСЛАВСКИЙ:

«СИСТЕМА, КОТОРУЮ ОНИ ЗАЩИЩАЛИ, БЫЛА ДЕРЬМОМ»

Илья Заславский. Народный депутат СССР и Октябрьского райсовета Москвы. Член Межрегиональной депутатской группы. Полномочный представитель мэра города Москвы.

Итак, правый путч позади. Кажется, последние полтора-два года все — по крайней мере публицисты и политики — только и муслировали тему переворота: будет — не будет, возможно в принципе — невозможно, кто его вероятный инициатор?.. Илья Иосифович, как вы восприняли известие о начале путча? Было ли оно для вас неожиданным? Не предвещало ли что-нибудь подобное, скажем, накануне?

— Накануне — точно нет! Знаете, самое удивительное — то, что тот день, 18 августа, воскресенье, я вспоминаю как один из глубоко мирных дней, которых за всю мою депутатскую жизнь у меня было, может быть, всего-то пять или шесть, не больше. С самого утра я решил навестить свою маленькую дочь, что делал в последнее время, каюсь, нечасто. Она в эти дни отдыхала за городом, и меня просто каким-то магнитом потянуло туда. Вообще день этот для меня оказался абсолютно нетипичным: в этой всегдашней, плотно забитой заседаниями, переговорами, встречами, бумагами суматохе — непривычно тихим. Позвонил одному нашему бывшему исполкомовцу, договорился о встрече... Набрал номер Киры Прошутинской, из авторского ТВ, выразил ей свое расположение, сказал всякие хорошие слова, а она мне говорит: «А ты знаешь, Илюша, уезжаем завтра отдыхать, а сегодня мы устраиваем перманентный прощальный обед с утра до вечера, приезжай!» Сказал, что вот съезжу к ребенку, а оттуда — к вам.

То есть это был тот редчайший день, когда я не занимался никакой политикой, никакими общественными делами, уникально спокойный день... Все так и получилось: съездили с женой к ребенку, потом заскочили к Кире, а по дороге домой встретились с тем самым бывшим исполкомовцем, переговорили с ним в машине. И вот его лицо, как вскоре выяснилось, было последним м и р

Фото Б. Кремера

ны м лицом, которое я видел в то воскресенье, 18 августа...

А наутро... Знаете, до этого в течение нескольких дней мне ни разу не удавалось как следует выспаться, так как почти каждый раз около половины восьмого раздавался какой-то дурацкий телефонный звонок, приходилось вскакивать, брать трубку и т.д. И в это утро, представьте, в то же самое время опять раздался нелепый телефонный звонок, но на этот раз я твердо решил: не буду брать трубку. Буду спать. Не хочу подходить... А он все звонит и звонит, как назло! Спросонья подхожу, снимаю трубку с единственной целью отругать звонившего, но...

— Илья Иосифович, — очень хладнокровно, как только он это умеет, говорит в трубку Дмитрий Иванович Катаев, депутат Моссовета, в прошлом координатор моей выборной кампании. — Военный переворот...

— Какой еще переворот?! Где?

— У нас, Илья Иосифович, где же еще. Включите телевизор.

Включаю. А там — мать какая-то: мы, мол, решили взять власть, чтобы предотвратить анархию в стране, и прочее. Список фамилий меня, мягко говоря, не вдохновил. И сам собой возник вопрос — что делать?.. Еще звонок: активист нашего движения, «Дем.России», предлагает срочно ехать к Попову, а оттуда — на радио «Эхо Москвы», чтоб призвать народ к неповиновению. Ну, как же, думаю, жди-дождись. Попов наверняка уже арестован, радио, естественно, закрыто, а за мной еще просто не успели прийти. Поэтому на «Эхо Москвы» решил не ехать, до Попова не дозвонился. А когда стали один за другим раздаваться звонки от нашего актива, я стал диктовать им директивы о призыве всех трудящихся-москвичей к забастовке. Это первое и самое естественное, что пришло мне в голову. Я еще не знал, что происходит в «Белом доме», где Ельцин, на свободе ли он...

Пытаюсь вызвать машину, как обычно, из гаража Верховного Совета, чтобы срочно ехать в «Белый дом», машин, оказывается, нет... Звоню своему знакомому, медику (звоню естественно, не со своего, а с другого телефона, чтоб его не подводить), прошу немедленно приехать. А он, разумеется, еще спит, ничего не понимает: «А что случилось-то?» Я ему так конспиративно, прямо как в плохом детективе: «Дело в том, что

заболел главный начальник»... Ну, он, как я узнал потом, решил, что заболел Гавриил Харитонович Попов и надо его срочно лечить. Поэтому, чертыхаясь, отправился в душ, а потом уже, узнав по радио о перевороте, тут же прикатил ко мне. Пока он ехал, я набрал номер «Эха Москвы», так, на всякий случай, просто чтобы узнать, что там происходит. Было это в 8.05, услышав, что буквально до 8.00 они были в эфире, я стал проклинать себя за такой досадный «прокол»: вместо того, чтобы давать эти директивы по телефону, я ж мог, оказывается, выйти в прямой эфир!..

Тем временем подъехал медик, я забрал с собой из дома компьютерные диски (не хватало еще, чтоб они попали в руки путчистов), мы вывезли их в относительно безопасное место. Узнаем, что по Ленинскому проспекту нельзя проехать: он перекрыт, идут, дескать, воинские колонны. То ли вранье, то ли правда, пока неизвестно... Делаю тогда глупейшую вещь: звоню из автомата в гараж Моссовета, прошу машину, и она... приезжает! На этой машине мы благополучно прорываемся в «Белый дом». И первое, что я вижу: у «Белого дома» стоят иностранные машины с флажками посольств: значит, думаю, Ельцин жив. Уже огромное облегчение и моральная поддержка. Разумеется, все понимаем, что это единственный сейчас человек, способный повлиять на общественное мнение. Так начались эти три дня и три ночи... И все это время рядом со мной была Алла, моя жена.

— И все же — насколько неожиданно был путч? Для вас лично?

— Расскажу вам одну совершенно иррациональную историю. За несколько дней до 19 августа я давал интервью моему старому знакомому, журналисту Владимиру Станцо. На прощание уже, выключая магнитофон, Станцо говорит: «Слушай, а вот интересно, как ты себя будешь вести, если, не дай Бог, в стране случится переворот и к власти придут Лукьянов, Янаев, Крючков, Павлов?»... То есть, представляете, называет поименно всю эту компанию! А я ему отвечаю: «Ну, Владимир Витальевич, ты ж понимаешь, что это просто смешно: они же страну не кормят! Лукьянов, конечно, враг, но умный же человек. Крючков тоже враг, и тоже умный... Они же не могут пойти на такую заведомую глупость!»

И тут — на тебе! Все наяву: у вла-

сти, как и перечислено, — те самые Янаев, Крючков, Пугачев... Ну и еще Стародубцев! Мой друг Станцо этого предсказать не мог, и я, признаться, тоже. А вот Олега Бакланова, конечно, предсказать вполне можно было бы...

Так что путч неожиданным назвать нельзя. Взрыв просто не мог не произойти! Либо взрыв справа, либо взрыв неуправляемых масс слева, либо обязан был измениться Горбачев: нельзя было постоянно искать компромисс, пытаться совместить две несовместимые системы. Это реально приводило к совершенно трагическим событиям. Это не могло длиться вечно. Переживаемое нами время было какой-то естественной стадией (и, может быть, разумной) перехода от коммунизма к капитализму, но, когда ситуация оказалась такой подвешенной, это рано или поздно должно было кончиться катастрофой. Как в случае с космическим кораблем, который висит над землей, не взлетает и не садится. Либо двигатель взорвется от перегрева, либо горючее кончится, он упадет и разобьется. Это понимали и левые, и правые. И последние по-своему были правы и логичны, когда устроили этот путч: они пришли к выводу, что административная система, модифицируемая Горбачевым, априори работать не может. Просто не способна. Впереди — гибель и хаос. Значит, выбор у них был один: либо переходить к другой системе, что было для них принципиально неприемлемым, либо попытаться сохранить прежнюю. Они сыграли свою карту. И — проиграли. Слава Богу!

Потому что система, которую они защищали, была дерьмом. Потому что она сама по себе разваливалась и не могла накормить страну. Если бы ее удалось восстановить, страна бы рассыпалась и нам уже грозила просто-напросто утрата национальной независимости. Но, повторяюсь, по-своему, с позиции своей идеологии, они были правы. Они поступили логично. Это Горбачев поступал нелогично, говоря, с одной стороны, о социалистическом выборе и коммунистической перспективе, а с другой — о всех этих рыночных вкладышах в старую систему. Это же несовместимо! Либо — туда, либо — сюда. Третьего действительно не дано.

— То, что сейчас Горбачев говорит уже, так сказать, на совершен-

но другом, «демократическом», языке, высказывает мысли, от которых совсем недавно, до переворота, шарахался и отрекался, что это, по-вашему? Кардинальный пересмотр своей позиции, ломка его сознания или что-то иное? Может, капитуляция?.. Маневр?..

— Не знаю! Здесь может оказаться все, что угодно: такой уж Горбачев человек... Я, кстати, абсолютно солидарен с Юрием Карякиным, который, помните, задал свой прямой вопрос Михаилу Сергеевичу с трибуны последнего съезда: «Что это: тактика, вынужденный ход в политической борьбе или действительное прозрение, вызванное потрясением? Если так — одно, если нет — совершенно другое. У меня сегодня на этот вопрос ответа нет»... Вот и у меня тоже нет ответа. Меня это очень тревожит. И если окажется, что он был неискренним сейчас, то вновь придется требовать его отставки.

— Член МДГ Александр Оболенский, если помните, и на этом съезде потребовал отставки президента...

— И сделал глупость. И даже не столько потому, что требовал отставки Горбачева, сколько потому, что потребовал сохранения Съезда народных депутатов СССР. Такой съезд никому не нужен.

— На съезде вы сказали: «...неправильно говорить, что съезд поставили на колени. Он с них никогда не вставал. Уважение не дается свыше, его надо завоевывать». Что вы имели в виду?

— Понимаете, съезд за все эти годы отчетливо показал свое ничтожество. Прав, тысячу раз прав Карякин, который в том же своем выступлении сказал, что убежден: «будь не так, как произошло за те три дня, этот съезд проголосовал бы за хунту». И я тоже думаю, что депутаты послушно проштемпелевали бы все решения путчистов. На что они, между прочим, стопроцентно и рассчитывали: на съезд, который голосует так, как ему велит Главный Начальник. А если Главный Начальник заболел, то им для них автоматически становится тот, кто вместо Главного Начальника... Ведь, посмотрите, какой стыд: они, депутаты съезда, голосовали дружно за те решения, которые при Лукьянове на дух бы к себе не подпустили, отвергли бы с порога!.. Они в душе-то были против! Это просто показывает, что

громадное большинство народных избранников вообще никакой позиции не имело и не имеет. А действуют по той знаменитой простейшей формуле, которую сформулировал мой сантехник: «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак»...

— Но, может быть, они тоже решили искать с демократами компромисс и именно оттого так голосовали?

— О чем вы говорите, какой там компромисс! Это элементарная беспринципность, тот самый «сантехнический» принцип о начальнике и дураке, больше ничего. Это ж позор: они в свое время голосовали за выбор президентом Горбачева (а я, кстати, не голосовал за него, просто ушел из зала) и не смогли защитить того, за кого голосовали! Впрочем, вся эта компания — как и сами путчисты — поступила вполне покоммунистически, а значит, по преступному.

Я, кстати, полгода назад написал такую фразу, что с коммунистами не может быть никакого компромисса, как не может быть компромисса с дьяволом, поскольку компромисс-то — это всегда сделка, а цена сделки с дьяволом известна всем. И тогда на всех углах пинали меня за эту фразу: «Вот, мол, Заславский демократ, а не хочет идти на компромисс с коммунистами...» Но мысль оказалась совершенно правильной: достаточно вспомнить кровь Тбилиси, Баку, Вильнюса и Сумгаита и, наконец, кровь в Москве, у «Белого дома»...

И я убежден, что если настоящему расследовать эти преступления, то их нельзя рассматривать как отдельные преступления. Их надо расследовать как эпизоды в деятельности преступной группы, в которую — очень может быть — входят не только путчисты, но и те, кто в том августовском путче и не участвовал, а участвовал в предыдущих эпизодах. Ведь за все эти «эпизоды» никто не понес никакого наказания! Что совершенно необходимо не из соображений места, а во имя справедливости, чтоб никому впредь не повадно было совершать подобное. Безнаказанность рождает новое преступление. Это мы увидели на примере последнего путча.

— Я слышал, что вы тоже пытались вылететь в Крым, вызвать президента Горбачева. Это так?

— Да, было такое. Я действительно предложил свои услуги и считаю, что поступил правильно. Да, я идейный противник Горбачева, это так, все прекрасно знают мою позицию. Но Горбачев, президент, да просто гражданин, был незаконно захвачен, подвергнут аресту. Это же мой избиратель был незаконно захвачен, понимаете? Кто бы он ни был, как бы я ни был с ним не согласен в чем-то, но он мой избиратель! Мой долг был — освободить его. И мне очень жаль, что вместо депутата в тот самолет взяли военных. Хотя понимаю, что они могли в сложившейся ситуации оказаться полезнее...

— И последнее, Илья Иосифович. Как вы оценили решения съезда в части образования новых органов власти?

— Что ж... Эти органы власти ведь временные, на переходный период. Они и будут действовать, по-моему, полгода примерно. И думаю, что они вряд ли окажутся очень жизнеспособными: трудно сейчас из того же депутатского состава, из тех же самых 2250 человек, набрать полноценно работающий парламент, да еще на несколько месяцев... Они ведь должны будут бросить свою основную работу.

— Видимо, теперь республики, в частности Россия, получают возможность тщательно подбирать своих депутатов в новый Верховный Совет?

— Конечно. Теперь может произойти поляризация сил как бы в обратную сторону: если раньше из парламента путем разных манипуляций (в том числе и с помощью ротации) «вымывали» всех левых, то сейчас, Бог даст, будет «вымывть» все реакционеры и парламент будет более соответствовать позиции республик, позиции народа.

— То есть вы ожидали этих решений съезда?

— Да, в общем-то ожидал. Хорошо, что они приняты съездом, в противном случае их пришлось бы принимать все равно, но уже более сложным путем. Без этого, я убежден, нельзя было выжить. Что я, как вы помните, и сказал уважаемому съезду.

Григорий КРОШИН

Михаил ПОЗДНЯЕВ

В «ПОИСКАХ ЖАНРА»?

Василий Иванович Белов, о котором пойдет речь ниже, любит обращаться за примерами, подтверждающими его собственные слова, к словам Пушкина. Об этом тоже будет в дальнейшем сказано. А для почину — о Пушкине. И о словах — как таковых.

Это благодаря Гоголю мы знаем: «Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому:

За слова — меня пусть жлоблет,
За дела — сатирик читт...

сказал так: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела»...

Наш журнал частенько журят за публикуемые в нем «Силуэты». Прислал А.Авторханов памфлет о Рое Медведеве — так потом где только не была организована герою памфлета отповедь: Медведев, мол, в застойные годы за правду страдал на территории СССР, а Авторханов, изменник Родины и приспешник вражеских служб, отсиживался в Мюнхене! Очень тоже не понравился собственный «Силуэт» в «Столице» Альберту Беляеву — идейному вдохновителю гонений на творческую интеллигенцию при Л.И.Брежнев и редактору самой левой из самых правых (сиречь — коммунистических) газет при М.С.Горбачеве. Обиделся на зеркало, поднесенное к его носу, министр культуры Губенко. Я, грешный, попал в немилость, дерзнув написать политический портрет суперзвезды эфир митрополита Питирима.

Есть во всех этих сюжетах нечто общее. Авторы «Столицы» предлагали читателям поглядеть на примелькавшиеся лица, что называется, в неожиданном ракурсе. Это эффектно. Но, должен признать, в самом деле, очень обидно. Был ты диссидентом, клеймил Сталина — и вдруг выясняется, что сам до мозга костей сталинист. Или: молва утверждала о тебе, будто среди духовенства большего демократа не сыскать, — ах, в лучшем случае, ты — конформист.

Василий Иванович Белов — в совсем недавнем прошлом член ЦК КПСС и просто член партии с 35-летним стажем. Не вышедший из этих, основательно поредевших, рядов до самых августовских событий. Хотя, как скажет он на чрезвычайном пленуме правления Союза писателей СССР 31 августа, с ухмылкой по-матерински: «Была без радости любовь...»

Но ведь, ей-Богу же, не интересно, как-именно Василий Иванович был коммунистом все эти годы: лезть в протоколы собраний, копаться в цифири членских взносов... или беречь раны побольше — глумливо пересказывать самим же

Василием Ивановичем обстоятельно изложенную в печати историю про то, как вологодские «демократы» порешили экспроприровать у него четырехкомнатную квартиру (полученную, впрочем, не по писательской, а как раз по партийной линии)...

Неинтересно, скучно касаться и деятельности Василия Ивановича в качестве народного депутата СССР, члена Верховного Совета страны. Он и сам сознается: «Сидение в парламенте (как называют нынче Верховный Совет) — занятие не из легких. Завидовать нечему. Нормальному человеку скучно и тяжело, особенно при обсуждении поправок к законам. А тут еще эта труба, этот синеватый дьявольский глаз телекамеры. О, Боже! Кто придумал всю эту технику!»

Или взять письма, которые Василий Иванович не писал, как тот же Пушкин, а лишь подписывал в последнее время... Разве что «Слово к народу» не подмахнул — зато, после короткой, но все равно прекрасной эпохи ГКЧП, честно признался: счел бы за честь, тем паче — теперь!

Ведь все это к писателю Василию Белову как бы и не относится. Это — его дела. Так пускай, в согласии с державинским рецептом, делами коммуниста и парламентария Белова занимается сатирик. Или, наоборот, романтик — вроде Юрия Карякина, горячо добивавшегося от Белова на Съезде народных депутатов ответа: в кого он все-таки верит — в Бога или в КПСС...

«Слова поэта суть уже его дела».

Слова меня как-то больше интересуют.

Из речи В.Белова на пленуме правления СП СССР:

«Вы помните, наверное, что сказал Пушкин Александру I, когда его спросили, был ли он на площади с декабристами? Он сказал, что он был бы с декабристами... то есть путчистами, восставшими. (Смех, шум в зале.) Вы помните это? Это — исторический факт.

Так вот. Мне далеко до Пушкина, так же как далеко до полковника Пестеля генералу Варенникову... И тут много можно параллелей найти, с кем сравнить, например, Евтушенко... С кем можно сравнить Александра Николаевича Яковлева, боюсь даже сказать... (Выкрик из зала: «Со Сперанским!») Да нет... Александр Николаевич перешиб и Сперанского...»

Простим Василию Ивановичу — будем так считать — оговорку: упоминание имени императора Александра I вместо Николая I, с которым происходил памя-

Белова нельзя воротить.
И печалиться не о чем...

А все-таки жаль...

Из песни

Сбились мы...

Из хрестоматии

ный разговор Пушкина в Мокве, в Кремле, вскоре после коронации (когда государь Александр Павлович год уже как лежал в могиле). Будем считать — памятуя о том, как относится Василий Иванович к А.Н.Яковлеву, — что у него свой, особенный, взгляд на труды и дни М.М.Сперанского, прямо противоположный взгляду Пушкина («Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гений Зла и Блага». Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени». — Пушкин. Дневник. Запись от 2 апреля 1834 года). Стало быть, Белову — милее Аракчеев.

Но так ли хорошо он помнит разговор, о котором нам с вами напоминает?

Пушкин действительно признавался своему государю: да, был бы на площади с бунтовщиками. Но тут же и объяснил как дворянин, а не как вполне сочувствующий идее путча: «Все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем». По дружбе, стало быть, по делу чести, а не «подлости для!» Неужто Василию Иванович не слышит всей разницы между тем, что он сказал о Пушкине, и тем, что Пушкин сказал о себе? И не желает слышать того, чем Пушкин заключил свое признание: «Однако лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога». «Ты довольно шалил, — возразил государь, — надеюсь, что теперь ты образумился, и что размолвки у нас впредь не будут. Присылай все, что напишешь, ко мне, отныне я буду твоим цензором»...

Риторический жанр, безусловно, предполагает всякие там гиперболы, метафоры и экивоки... но не до такой же степени!

По всей логике выходит, что у писателя Белова первые друзья — кагэбэшник Крючков, омоновец Пуго, фальшивомонетчик Павлов и — Стародубцев, лютый враг крестьянства, о котором Белов написал столько трагических слов? И впридачу — опущенный алкоголик Янаев — это у пламенного трезвенника Белова?!

Верить в такую логику невозможно — и остается предполагать, что спич Василия Ивановича в Союзе писателей есть типичный пример «чистого искусства»...

От риторического жанра перейдем к беллетристике — циклу новелл в вышедшем за несколько дней до переворота седьмом номере журнала «Москва».

«Мировое кино, телевидение, радио, видео, эстрада, всевозможные клубы, партии, общества» — во всех этих местах прижились обманщики. «...» Премьеры и лидеры демократической Европы то и дело вмешиваются в наши государственные дела. «...» Агенты ЦРУ и других спецслужб провоцируют кровавые стычки. «...» Или взять такой термин, как «права человека». Опасно говорить о его лживости, потому что сразу такой вой поднимается, что не слышно будет твоего голоса и сразу угодишь ты в мизантропы и человеконенавистники».

Хотел того Василий Иванович или не хотел, а проговорился: страшится он, стало быть, того, что мы вдруг да не услышим его голоса.

Это — от скромности! Ибо читатели «Привычного дела» и «Плотницких рассказов» в последние годы стараются не пропустить ни слова, роняемого писателем Беловым. Они не верят своим ушам.

Правда, не все. Очень многие затворили слух после жемчужины соцреализма «Все впереди», вкупе с пасквилями Шевцова и Кочетова составившей трилогию «Кому на Руси? Жид — хорошо!».

Так что скромность ни к чему. У нас с вами, Василий Иванович, как в том мультфильме: «Заяц! Ты меня слышишь?» — «Слышу, слышу!»

Вот и в цикле новелл «Записки на ходу» «явственно слышится» (применяя фразеологию критиков любезных В.И.Белову изданий) «все та же тема».

Лидеры демократической Европы... агенты ЦРУ... деятели мирового кино... И еще — «машины с грузинскими номерами», вывозящие подчистую вологодскую сосну — ту самую, о которой так восхитительно страстно двадцать лет назад написал автор «Канунов»... И еще — молдаване, вначале запахавшие бескрайние поля помидоров, а затем оросившие свое «красное молдавское поле» уже «настоящей человеческой кровью» (русской)...

Кто там еще? Кто на нас — то есть против нас?

Разумеется — демократы (не европейские, а доморощенные). Ну, им-то нельзя не только «ихнего» (слово из стихов В.И.Белова, о которых — позже) поволить народу навязать, но и нашенского уступить:

«Ни театральные, ни газетные гении почему-то не могут обойтись без таких людей, как Александр Вампилов или Василий Шукшин. И вот демократический гений тиражирует свои домыслы о смерти Вампилова, а политизированная вдова читает стихи В.Шукшина на митинге демократов.

Цинизм и бесстыдство, бесстыдство и снова цинизм».

Тут я чего-то не понимаю. Если уж нельзя прочитать на митинге... допустим, Мандельштама... или Пастернака... про Галича и Бродского — вообще молчим... то Шукшина-то почему нельзя?!

* Забыта еще и аэробика, борьбе с которой В.И.Белов отдал столько сил. — Ред

Ведь не плохие стихи. Хорошие.

Это, знаете ли, смирение паче гордости. Ситуация, прямо обратная знаменитому цирковому анекдоту: весь зал — в белом, один я... в этом самом, которым молдавчане удобряют помидорные плантации.

Я — прошу не искать тени юмора — очень сердился на Татьяну Толстую, с чьего острого языка, звон как еще давно, сорвалось словечко, покоя до сих пор В.И.Белову не дающее: «человеконенавистничество». Ну, «женоненавистничество», ну, «иудеоненавистничество». Но не так же — огульно!

А теперь сам — читаю «Записки на ходу», скребу в затылке, пальцы загибаю — думаю: «А кто вообще хорош-то? Вроде все — плохи!»

Вот и парламент, где писателю Белову так скучно, — тоже один к одному.

«Хочется вслух сказать ему, очередному оратору, русскому депутату, не знающему, где право, где лево, залптанному дьявольской прессой народному депутату: «Разуй глаза!»...» Наивным и глупым политикам не терпится, им срочно хочется западного изобилия. Поэтому, не умея говорить по-русски, они лихорадочно заммствуют не только деньги, но и понятия и слова иностранные тоже заммствуют».

«Боже, как грустна наша Россия!» (это не мои слова и не В.И.Белова — а опять-таки А.С.Пушкина в записи Н.В.Гоголя).

А все же — хоть какой-то луч надежды есть?

Есть, успокаивает Василий Иванович и доверительно извещает матушку Русь:

«Один только Сухов и говорит в Верховном Совете по-русски»**

Да, крепкая беллетристика (публицистика? эссеистика?) выходит нынче из-под пера В.И.Белова.

Можно смело сказать: к своему 60-летию он идет походкой «мужчины в самом расцвете сил!»

Но ведь и этого — мало! Начинаящий когда-то со стихов, Белов вернулся сегодня к лирическому жанру.

...Шел я тут по улице, вечером. Вижу — газетный киоск. Одно, другое... «Мурзилку» для сынишки взял... Батюшки, а это что у вас — «День»? Он разве не закрыт? «А вы, что, — сразу холодно отвечает киоскерша, — т а к о е читаете?»

Ну, как же, объясняю. Это же будет библиографическая редкость: первый «День» после путча! А она мне: «Вы за целый день один и купили. Его и до перевода не брали. Я уж крутилась, как могла, — навязывают в нагрузку!»

Признаюсь: сил одолеть весь этот номер у меня не хватило. Но первую страницу прочел.

Алексий II, Патриарх Московский и Всея Руси: «Что подлинно потребно че-

**О том, как говорит по-русски член депутатской группы «Союз» Л.И.Сухов, предмет особой заботы комиссии поддпутатской этике, «Столица» подробно рассказала читателям в № 28 за 1991 год. — Ред.

ловеку...» — успокойтесь, не по заказу главного печатного органа ГКЧП написанный текст, но изрядно цензурированное интервью одному зарубежному университету, включенное в только что вышедшую книгу (ссылка на первоисточник — мельчайшим шрифтом, в уголок втиснута). Из текста — в искаженном его контексте — следует понимать: Ельцин — хуже ГКЧП.

Далее «Русские заговоры XVII-XX веков». Это не про колдунов-шептунов, а про государственные перевороты. Списочек такой. С многозначительным отточением в самом конце, после упоминания о «Заговоре «восьмерки» ГКЧП против Горбачева» (дэска́т, продолжение — следует). И с известным рисунком Пушкина: виселица. На ней, разумеется, не восьмеро — пятеро. Так, вроде бы, надо понимать, что «наше дело правое — мы победим!»

Что еще? Заметка скульптора Клыкова «Мой взгляд». Взгляд у него такой, что страну спасет и порядок в ней восстановит, равно как и разрушенные исторические связи народов, только святое триединство: «Держава — Родина — Коммунизм»***

В самом низу газетного листа — конечно же, оплот вождьделенного порядка: «Господа казаки» (фотоочерк).

Ну а в заглавии — там, где обычно печатались информационные сообщения о пленумах ЦК и заседаниях Политбюро, — «Молитва». Стихи Василия Белова.

Начинаются стихи хорошо:

О, Боже мой! В тиши лесов,

В безлюдье дедовских угодий

Освободи от праздных слов

И от назойливых мелодий.

От суеты и злобы дня

Спаси и впрямь, спаси меня...

«Слава тебе, Господи!» — думаю. Уехал Василий Иванович подальше от всего, что ему жить и творить не давало. Правда, да Пушкина ему впрямь далеко, как он и сам говорит, — но все равно стихи задушевные... и насчет «тиши лесов» и «дедовских угодий» тоже вроде как у Александра Сергеевича получилось...

Читаю дальше. И грустно враз:

Покуда в душах ералаш

И демократы жаром пшут,

Я обновлю колодец наш,

Я почию родную крышу.

Не дай устать моим рукам,

Еще... прости моим врагам...

Дело хорошее — хозяйство в порядок привести, но враги-демократы здесь причем? Самому надо было раньше думать, что крыша худая. Это, прямо скажу, неудачная строфа... Что там дальше?

От ихних премий и наград

Убереги в лесу угрюмом...

Тут, видимо, говорится про Евтушенку и его банду. Они, стало быть, очень хоят Василия Ивановича подкупить. Наградить. И премировать. Однако ж Васи-

*** Автор ошибается: у В.М.Клыкова написано: «Православие — Монархия — Народность». — Ред.

лий Иванович держит ухо востро! Послушайте, о чем он дальше просит Творца:

...Но вечевой Кремля набат

Не заслони еловым шумом!

Не допусти сгореть дотла.

Пока молчат колокола.

Кое-что, впрочем, неясно. Что именно должно сгореть дотла? Кремль? Еловый шум? Колокола? Сам поэт? И скажите, пожалуйста, молчат-таки колокола — или все же бьют набат?

Наверное, так: пока — молчат. Потом, когда демократы прекратят пыхать своим жаром и ералаш в душах пройдет, кто-нибудь залезет на колокольню Ивана Великого (скульптор Клыков или главный редактор «Дня» Проханов... или неприкаянная душа бедного Пуго) — и вот тогда держись! Только бы Господь дал Василию Ивановичу расслышать победный набат, а то ведь вокруг него постоянно такой вой насчет «прав человека», что и своего собственного голоса не расслышать...

Газета называется «День». Слово это

написано жирными черными буквами. Невольно вспоминаешь из старого-престарого беловского расказа: «На воротах амбара красовались три угловатые буквы русского алфавита. Традиционная надпись была сделана то ли дегтем, то ли колесной мазью, картину завершил внушительный восклицательный знак, поставленный уже мелом кем-то, вероятно, другим...»

Там, где до путча в газетном заглавии значилось: «Орган Союза писателей» — в заголовке теперешнего после ГКЧПистского «Дня» гордо выведено: «Газета духовной оппозиции».

Духовная оппозиция. То, что против общепринятого. Стало быть... бесовщина?..

Я не верю, что вот был редкий и светлый талант — и нету его.

Я не верю, что была душа, добрая, всему миру отзывчивая (и весь мир вторил ей!) — и оглохла, онемела. И вместо слов — скрежет зубовный.

Все, что происходит нынче с Беловым, я хочу верить, лишь поиски жанра. Дай Бог, к чему-нибудь они да приведут. Выведут...

И тянусь к ближней полке, и наугад разламываю зачитанный том — и сразу попадается «Привычное дело»:

«Ночью он долго, напряженно старался очнуться. Сквозь мглу из темных вершин колола прямо в лоб острая холодная звездочка. Она была одна, ее тут же затащило тучей, и Иван Африканович забыл про нее, и она стала деталью его сна. Но где-то в подсознании она оставила свой след, что-то помешало утопить ее в кошмаре бестолковых видений и образов.

Звездочка. Да, звездочка, и небо, и лес. И он, Иван Африканович, заблудился в лесу. И надо выйти из леса. Звезда, она одна, звезда-то. А ведь есть еще звезды, и по ним, по многим, можно выбраться, куда идти...»

Куда податься партократу

— Сергей Владимирович, для начала несколько слов о безработице и вакансиях в Москве...

— Сейчас в столице зарегистрировано 85 тысяч пустующих мест. Из них 85 процентов — рабочие специальности, остальные — вакансии для служащих, куда входят инженеры, врачи, бухгалтеры, люди с высшим и средним специальным образованием. Это — ситуация с предложением работы, а что касается высвобожденных москвичей, то картина прямо-таки зеркальная — 85 процентов безработных у нас поставлено на учет из категории служащих.

— Очевидно, немало было уволено с насиженных мест людей, которым оставалось дотянуть до пенсии 2 года?

— Недавно московское правительство сделало им подарок — выпустило в свет постановление о порядке оформления досрочного выхода на пенсию. Это очень гуманный шаг, потому что, на наш взгляд, именно они оказались наименее защищены перед законом — от них администрация избавлялась в первую очередь при сокращении штатов или при ликвидации предприятий. Но многие из них хотят еще работать, и мы ждем их на бирже со дня на день, кстати, вместе с потоком внезапно высвободившихся партократов.

— И сколько же коммунистов окажется «на улице»?

— Данные о численности партийных структур всегда были секретными, даже управление по труду ими никогда не располагало. По нашим независимым оценкам, количество партаппаратчиков едва ли превысит 6 — 7 тысяч человек.

— Но не все же они побегут на биржу труда...

— Конечно, я даже уверен, что большая часть номенклатуры будет устраиваться сама, используя старые связи, и ринется в новые экономические структуры — СП, малые предприятия, созданные ими же несколько лет назад. Это говорит лишь о том, что вопреки бытовательскому мнению среди руководителей от КПСС есть немало умных,

Первый признак рыночной экономики — наличие безработных. И они уже появились. Среди них немало бывших партаппаратчиков, в одночасье лишившихся кормушки. Перед ними встали классические российские вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?»

Ну, виноваты, положим, они сами. А что им делать — подскажет Московская биржа труда. Об этом и говорит заместитель генерального директора МБТ Сергей АБРАМОВ.

по-деловому хватких людей. Как нам известно, почти все бывшие сотрудники аппарата ЦК уже прекрасно устроены — ведь там трудились очень квалифицированные секретари со знанием иностранных языков, референты, консультанты. Такие специалисты сегодня идут на расхват. Кто же откажется от машинистки, свободно владеющей английским или немецким языком? В ЦК шел жесткий отбор на любую должность, вплоть до уборщицы. Так что из 1200 цекистеров к нам на биржу с протянутой рукой никто не придет.

— Вы только что говорили о сверхэлитном заведении на Старой площади, а сколько же большевиков более мелкого масштаба — районного — лишились кормушки? Что делать с ними и на какие средства их будет содержать Москва?

— Они пострадать не должны. Это обыкновенные совслужащие, и по отношению к ним необходимо соблюдать все требования трудового законодательства. Они имеют права на все социальные гарантии, на все компенсации, установленные для граждан, уволенных из ликвидированных организаций. По этому поводу уже есть распоряжение Ивана Силаева № 952-Р от 28 августа. Там четко оговаривается, что эти граждане увольняются по статье 33 КЗоТ (пункт 1) и этот глобальный «исход» должен быть закончен до 23 сентября. Специально для этого в каждом районе создаются ликвидационные комиссии, но дело движется крайне медленно, лишь в одном районе — Москворецком такая комиссия уже существует. Если и в будущем сохранятся такие черепаши темпы, то дискриминируется масса людей — они просто не будут получать выходное пособие.

— Кто имеет право на организацию этих комиссий?

— Например, исполкомы, префектуры, хотя, я считаю, в первую очередь этим должны заняться партийные структуры. Они семьдесят лет заботились о народе, а уж о себе порадеть — святое дело.

— А самая популярная в стране статья — 31 КЗоТ (по собственному желанию), она что, не применима в сложившейся ситуации?

— Ее пока никто не отменял, и любой человек, будь он кочегар или инструктор райкома, вправе воспользоваться ею, не дожидаясь, когда его уволят с другой записью в

трудовой книжке. Этот немаловажный момент тоже заложен в распоряжение № 952-Р. Но опять же, по собственному желанию увольнять будут те же ликвидационные комиссии. Ясно одно — в каждой организации, которая платила зарплату из партийного бюджета, должна быть создана такая комиссия.

— Сергей Владимирович, если все же бывшему райкомовцу не нашлось места ни на одном предприятии города, какова будет его дальнейшая судьба?

— Здесь всего два варианта. Или мы переводим его по истечении трех месяцев со дня увольнения в «профессиональные» безработные с выплатой пособия (60 процентов от среднемесячного заработка), или направляем его на переобучение. Для этого нам потребуется, по самым скромным подсчетам, не менее 25 миллионов рублей.

— Откуда же их взять? Городская казна и так трещит по швам...

— Вопрос по существу. По закону эту сумму должны предоставить ликвидированные структуры — то ли продать имущество с молотка, то ли «вскрыть» партийные кассы. Но имущество национализировано, счета «заморожены» — где выход? У нас есть предложение — попросить из внебюджетных фондов правительства небольшой заем — 10 миллионов и выплатить партиям пособие за три месяца, с гарантией того, что эти деньги вернутся в муниципальный бюджет с «замороженных» счетов большевиков. Таким же методом мы найдем средства для переобучения парткомов.

— Чему вы их собираетесь учить и как?

— У многих бывших работников райкомов есть гражданские специальности, другое дело, что они дав-

но утратили квалификацию. Мы не собираемся устраивать их в училища и институты, чтобы получить профессию каменщика или технолога. В каждом конкретном случае наша служба будет готовить человека под строго определенное место на предприятии, откуда пришла заявка. Еще раз повторяю — мы готовы оплатить учебу на курсах для того, чтобы человек как бы вновь обрел профессию.

— Вы сказали, что в Москве самый большой дефицит рабочей силы. Неужели бывшие функционеры согласятся встать к станку и являть собой тот самый класс, который они «представляли», — рабочий?

— Биржа труда обязательно будет предлагать кабинетным служащим рабочие специальности. Разумеется, не насильно. А согласиться или нет — это их личное дело. Если партработник откажется надеть спецовку — автоматически мы перестаем платить ему пособие по безработице. Правда, есть и третий вариант. Не секрет, что для деятельности КПСС привлекались и стягивались в столицу многочисленные кадры с периферии. Вот таким «кадрам», при условии, что они не найдут себе работу в Москве, мы предложим вернуться на «малую» родину. Может быть, их там ждут?

— Может, и ждут. Но вряд ли они захотят возвращаться туда, откуда они, приложив массу усилий, вырвались из карьеристских соображений...

— Таким «отказникам» биржа все равно будет советовать вернуться в «родные пенаты». И даже оплатит туда проезд.

— В одну сторону?

— Только в одну...

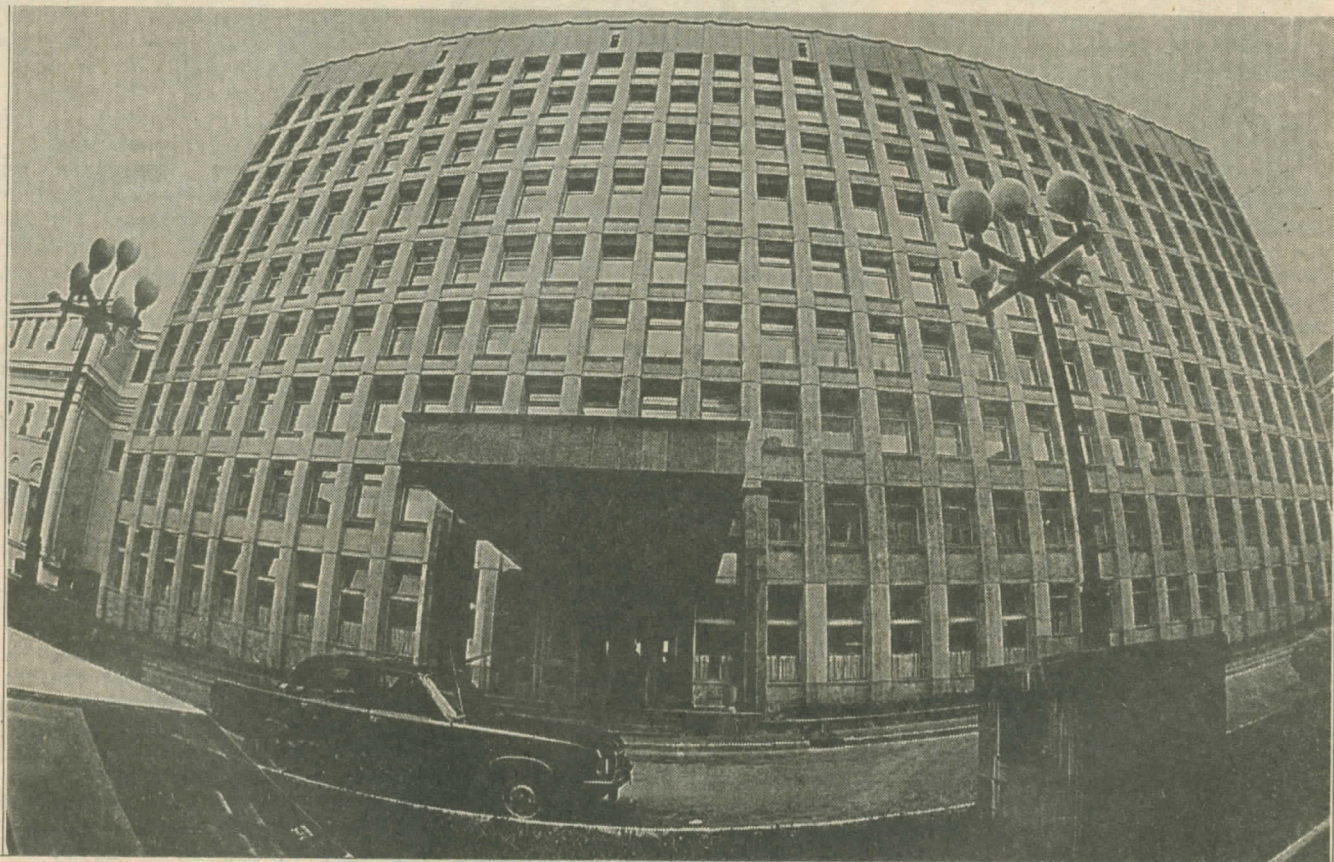
Интервью взял Михаил МАСЛОВ

Фото Э.Кудрявицкого

Кирилл РЫБАК

ЦИТАДЕЛЬ

Цитадель

Вниз по Петровке, не торопясь, катится милицейская машина с громкоговорителем на крыше. «Россияне! — спокойно вещает невидимый диктор. — Заканчивается эпоха владычества большевиков над нашей страной. Только что мэр Москвы распорядился опечатать бандитское логово на Старой площади. Граждане! Необходима ваша помощь. Нужно оцепить здания ЦК КПСС и не допустить выноса ценных документов. Сохраняйте спокойствие и выдержку. Не поддавайтесь на провокации...»

Толпа, следующая за авто, скандирует: «До-лой Ка-Пэ-Эс-Эс!!!» Это уже не митинговый лозунг. Это приговор. Цитадель на Старой площади обречена.

Вокруг зданий ЦК выстраиваются живые цепочки. Здесь много защитников «Белого дома» в пропахших дымом костров бушлатах, но большинство — «смельчаки», вышедшие воевать за демократию лишь тогда, когда из Москвы ушли танки. Наверное, поэтому «сохранить спокойствие и выдержку» на все сто не получается: и мата, и уг-

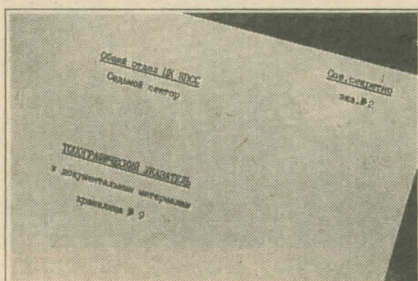

Эвакуация

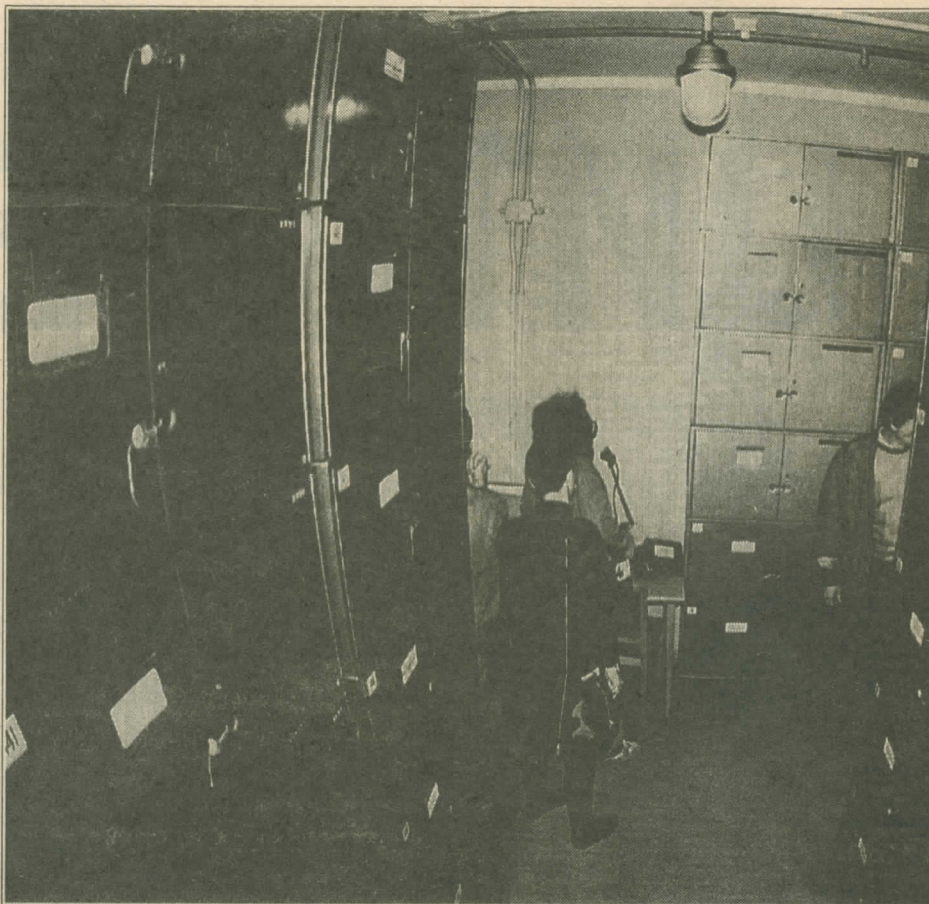
роз в сторону зашторенных цековских окон предостаточно. Одной «шишечной» «Волге» помяли кузов, другой — вышибли лобовое стекло. «Ты чего едешь?! А ну, показывай, что в багажнике!» Какой-то насупленный дедок едва не швырнул массивным болтом в стекло российского партийного дома — спасибо, успели схватить за руку те, что помоложе и политически подкованней. «Не надо, батя, оставь. Это теперь все наше!» — растолковывали дремучему «бате». Как тут не вспомнить ветхозаветное кинопредание: «Кто бабе руки отломал? Ноги поотрываю!» — указывая на статую Венеры Таврической, грозно вопрошает революционный матрос, только что ворвавшийся в Зимний.

За семьдесят лет мы стали несколько цивилизованнее. Так что обошлось без погромов и без загаженных гегемонами китайских ваз. И все же, когда толпа принялась по собственному почину обыскивать эвакуирующихся из зданий аппаратчиков, в голову полезли невеселые мысли. Тем более, что никаких «улик» таким образом не обнаружили.

Последние защитники Цитадели покидали свои кабинеты под свист и улюлюканье победителей. Цековцы уносили в тяжелых авоськах курей и какие-то свертки — последний привет, запоздалая улыбка уходящей эпохи в виде продуктового заказа. В 17.00 23 августа здания опечатали печатью мэрии. У ворот встали московские милиционеры. Препятствия охрана — батальон дивизии имени Дзержинского, забрав с собой все, вплоть до ковровых дорожек и фикусов в кадках и перебив в караульных помещениях то, что увезти было невозможно, отбыла в неизвестном направлении.

Хранилище архива

Хранилище текущего архива общего отдела

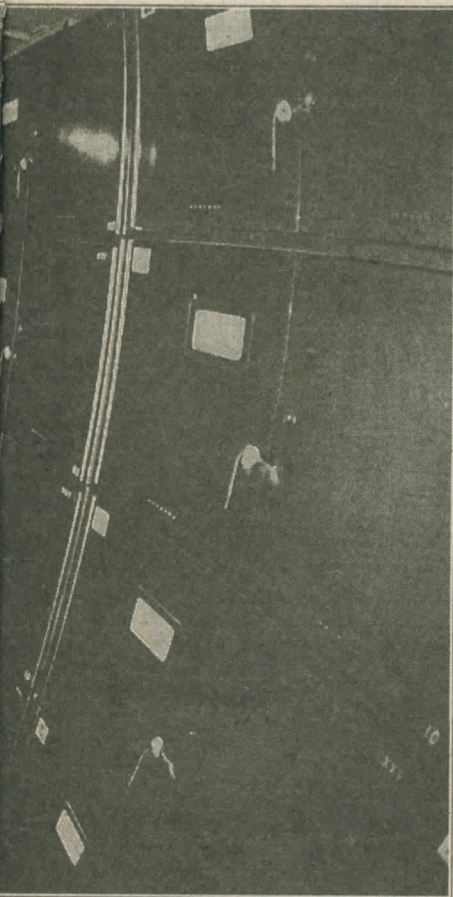
Империя рухнула. И ничего. Солнце, как положено, садилось на Западе.

Эту Цитадель по традиции называют «Старой площадью». На самом деле фасады, выходящие к Политехническому музею и памятнику героям Плевны, лишь малая часть айсберга. Комплекс зданий ЦК—МК—МГК представляет собой громадный, неправильной формы многоугольник, зажатый между улицами Куйбышева и Разина, Рыбным переулком и Старой площадью. Есть еще масса вспомогательных помещений в округе. Но главное — здесь. Цитадель — это полтора десятка зданий, буквально начиненных электроникой и всевозможными средствами связи, это 174 тысячи квадратных метров помещений, тысяча холеных аппаратчиков и семьсот человек обслуживающего персонала.

До октябрьского переворота здесь был обычный район Китай-города, с доходными домами, гостиницами, магазинчиками и церквями. В двадцатых годах Моссовет на-

чал потихоньку передавать здания Управлению делами ЦК (тогда еще ВКП(б)). Цитадель росла вширь и вглубь, подминая под себя кварталы, перегораживая решетками некогда оживленные переулки, вылучивая начинку из особнячков, возводя на месте старых зданий сверхсовременные офисы. Одну церквушку приспособили даже под электрощитовую... По Москве до сих пор ходят предания о том, что, дескать, на месте нынешнего парадного здания ЦК — того, что с колоннами и золотыми буковками над входом, — располагался когда-то престижный публичный дом и что под облицовкой этих самых знаменитых колонн скрываются стилизованные фаллосы. Чушь, наверное, но интересно...

А еще Цитадель называли до 23 августа «вторым Кремлем». Тоже заблуждение. Скорее, Кремль постепенно превращался в двойника Старой площади. Он красовался перед туристами диснейлендовскими башенками и зубцами, гремел сна-

ЦК КПСС

чала «продолжительными аплодисментами», а потом бесконечными дебатами, создавал имидж власти, но центром страны не был. И это не очередная метафора антибольшевистской прессы. Власть действительно давно переместилась к северо-востоку от Кремля, в Цитадель.

Сейчас трудно определить, когда Первый человек в государстве разместил свой кабинет на Старой площади. Может, в пятидесятых, когда Кремль открыли для туристов, может, позже. Во всяком случае, кабинет президента СССР и президентский аппарат оставались в унылом цеховском здании даже тогда, когда шестая статья Конституции канула в небытие, и даже после того, как президент на пленуме ЦК попросился в отставку с поста генсека... Именно в этих зданиях, точнее, под ними, располагаются бункеры, из которых должны были руководить страной в «экстремальных ситуациях». Быть может, именно здесь находится та самая кнопка, о

которой столько спорили в августе: выпускал ее из рук Горбачев, пока сидел в Форосе, или не выпускал?

Десятки подземных ходов связывают Цитадель с разными концами Москвы. Один из этих тоннелей ведет непосредственно в Кремль, другой, кажется, на Лубянку. Те, кто видел эти подземные коридоры своими глазами, не слишком словоохотливы: «Удобный такой тоннель, добротнo сработан. Широкий. По нему не то что ходить — ездить можно. На хорошей скорости». Большого выяснить не удается — тайна. Не партийная — государственная.

Наверное, и из-за этого тоже, а не только из уважения к цеховским «пиджакам», для охраны Цитадели выделили целый батальон хорошо обученных гвэзшников. Система обороны «в случае чего» была тщательно продумана, и этот батальон мог удерживать «объект» сколько угодно долго.

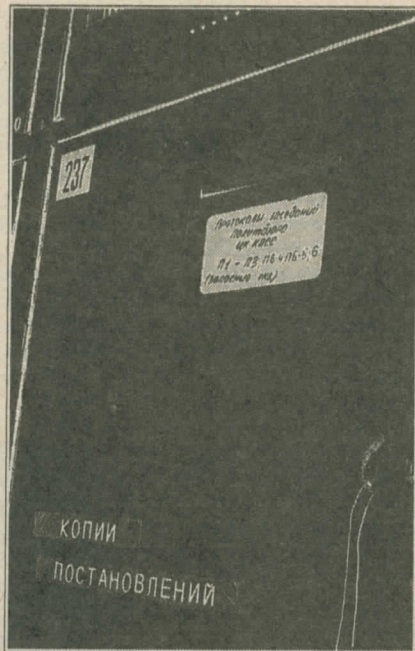
Но Цитадель сдалась в один день, почти без боя. Не оттого, что плохо защищалась. Просто не выдержала долгой осады, начавшейся намного раньше августовских событий...

Рядовые газетчики нечасто захлаживали в эти здания. А тот, кому доводилось быть вызванным на ковер, старался уйти отсюда поскорее, сопровождаемый взглядами бдительных охранников. До наблюдений ли тут... Так что покинутая прежними хозяевами и еще не занятая новыми, Цитадель представляла собой золотую жилу для любопытных журналистов.

Первое, что бросается в глаза, — необозримость партийного хозяйства: подъезды, калитки, дворики, переходы из здания в здание, километры коридоров, стройные ряды крепких дверей.

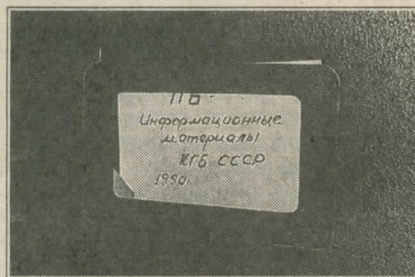
Таблички на дверях не просто фиксируют «Ф.И.О.» владельца кабинета, но неизменно добавляют каждый раз партийное «тов.»: «Тов. Дзасохов А.С.», «Тов. Ивашко В.А.» и так далее. Прочтешь — и сразу чувствуешь себя немного зябко: он-то, «тов.», занятой человек, а ты кто, зачем тут шляешься?

Проходим через дворик, принадлежавший караульному батальону. Вот тут все знакомое, все родное: куча мусора, какая-то арматура, в уголке свалены обрезки ржавых труб. Даже здесь, на собственном подворье, не могли порядок навести... Еще один дворик — поменьше.

Архив ЦК

Как объяснил комендант, сюда выходят окна президентского кабинета. И прямо под этими окнами — гора гравия, здоровенная застывшая плуха цемента — следы «незавершенки». М-да. Зато для президента есть особый лифт. Персональный. Его можно открыть лишь собственным ключиком. Народ

Хранилище архива

попроще ездил в лифтах «общего пользования».

А вот «изнанка» парадного подъезда ЦК КПСС. Последние защитники Цитадели, видно, готовились к худшему: в небольшой проем между двумя двустворчатными дверями буквально втиснута пара громадных сейфов. Представляю, сколько сил ушло у гвэзшников на сооружение этой баррикады...

Журналисты ищут в зданиях ЦК

чего-то «эдакого», декадентски-роскошного: янтарный бассейн с крокодилами, императорский трон в приемной или, на худой конец, персидский ковер на стене. Ничего «эдакого» не обнаруживается: крашенные стены, неброская мебель, довольно простые ковровые дорожки. Скромность почти что «ленинская»: не хватает лишь тарелок с отбитыми краями.

Но и в этой простоте чувствуется огромная сила. Такого количества телефонов зараз — с дисками, без дисков, с многозначительными гербами СССР — я, наверное, никогда в жизни больше не увижу. Начал считать в кабинете одного заведующего отделом — сбился на третьем десятке. Под стеклом на столе — бумажка: номера прямых телефонов и президента, и вице-президента, и министра обороны, и шефа КГБ.

Ознакомились мы и с «бытовой» частью апартаментов завотделом. Маленькая комнатка для отдыха, персональный вход с черной лестницы, туалет, умывальник — все сверкает чистотой. Теперь-то я знаю, каким одеколоном пользовался тот завотделом (фамилию не называю из этических соображений). Французским!

На каждом шагу может здесь ожидать небольшой сюрприз. Заходишь в какой-нибудь кабинетик из второразрядных и натыкаешься на «График движения автобусов, обслуживающих сотрудников ЦК КПСС и членов их семей, проживающих в дачных поселках». Всего таких поселков, оказывается, было тринадцать.

Двери, двери. Что за ними — поди знай. Слышу голоса телевизионщиков: «Во, без таблички дверь, снимай. Это у нас будет секретный подземный ход в Кремль!» — «Так там же сортир...» — «Ничего, мы немцам перегоним, для них сойдет». Бедные, доверчивые немцы!.

Довелось нам присутствовать и на вскрытии партийных архивов, переданных российским архивным службам. Архивы ЦК — их здесь столько, что не всякий специалист назовет половину. В каждом отделе — свой архив, есть сводные, большие. Часть документов расположена в каких-то суперсекретных хранилищах за городом. На то, чтобы исследовать все это богатство, уйдут годы.

Нас долго вели по каким-то коридорам и лестницам, останавливали у дверей, за которыми опять

обнаруживались коридоры. Наконец — железная дверь с надписью «Хранилище № 9». Хитрый замок с шифром, пломба. Председатель Государственного комитета по архивам при Совмине РСФСР Рудольф Германович Пихоя открывает запоры, мы входим в хранилище текущего архива Общего отдела ЦК. Внутри — постоянная температура +15. Железные опечатанные ящики высятся до самого потолка. При журнальных ящиках не вскрывают, а бдительная сотрудница (референт Общего отдела) следит, чтобы газетчики не особенно здесь хозяйничали.

Остается лишь догадываться, что находится в ящичке № 245 с надписью «Информационные материалы КГБ СССР», почему даже книжка-указатель к архиву помечена грифом «Сов.секретно». Еще одна загадка: ящик № 237 — «Протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС», а чуть выше — № 236 — «Подлинные протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС». Что бы это значило?

Сознаюсь по секрету: мы с фотокором Эдиком Кудрявицким стянули-таки в этом архиве пару бумажек — из тех, что лежали в коридоре. Выбрались на свет божий, стали разглядывать. И чуть не обхохотались. Из «сов.секретных» кладовых мы вынесли, оказывается, ксерокопии страничек детской книжки с описанием правил игры в лапту, бабки, городки и во что-то еще очень народное и забытое. Особенно понравилась аннотация к игре в кудачок: «...надо остерегаться не зашибить своим битком чужого». Может, это была хитроумная шифрограмма?

Когда начнут составлять тома про «великую августовскую революцию», обязательно упомянут Александра Соколова. Ему, майору запаса, заместителю генерального директора департамента мэра столицы, история отдела роль некого Антонова-Овсеенко новейших времен.

Вечером двадцать третьего августа он зашел на Старую площадь провести коллег по мэрии, опечатававших Цитадель. «А, — сказало одно ответственное лицо, — вот и хозяин появился». Соколову пришлось тут же принимать должность коменданта комплекса зданий ЦК.

В помощь ему выделили полсотни милиционеров из московского управления охраны, да еще полсотни

бравых ребят из правового объединения «Колокол». Первые сутки было довольно жутко: хозяйство огромное, незнакомое. Как за всем уследишь? «Тащили?» службу без сна, почти без еды. Но никто не пытался ни брать ЦК штурмом, ни проникать на территорию через канализационные колодцы. Скоро освоились настолько, что отпустили парней из «Колокола» по домам.

Собрали технический персонал, попросили их не бросать работу: если лифтовое, холодильное и прочее оборудование остается без присмотра, любое, даже самое ухоженное, здание начинает рассыпаться.

Цитадель продолжала жить нормальной жизнью — только без аппаратчиков. За все время, пока Соколов командовал здесь парадом, только один ответственный работник ЦК пришел и заявил, что у него в кабинете работа, которую нельзя бросать. Остальным, похоже, не очень-то и надо было.

— Двадцать девятого августа начался цирк, — рассказывает Соколов. — Мы уже знали, что «московскую» охрану будут менять на «российскую». Ждали смены караула. А они пришли молча и заняли пост. Сначала только один. Отпихнули автоматами моих ребят и встали там сами. Пытаюсь связаться с их начальством, приглашаю встретиться, чтобы передать объекты по актам, — отказываются... А утром на следующий день у нас с ними серьезный конфликт получился. Дошло до того, что я попросил своих парней растегнуть кобуры пистолетов. Еще через часок подъехали сто пятьдесят молодцов с «калашниковыми» наперевес. К обеду нас со всех постов выгнали...

Соколов был комендантом ЦК всего неделю. По его словам, увидел он там «все, что захотел увидеть». Может, узнал что-то лишнее? Во всяком случае, от его дальнейших услуг новые хозяева Цитадели отказались. Он не обиделся — в мэрии работы хватает, а комендантство — всего лишь «общественная нагрузка». Сдал должность и ушел домой — отсыпаться за всю неделю.

Пока Цитаделью «командовал» Соколов, мы успели осмотреть и сфотографировать многое. Соколов обещал показать еще самое-самое. Но — не успел. Поэтому дальнейшие переговоры пришлось вести с «российским» комендантом — Александром Ивановичем Колес-

никовым, руководившим, кстати, до недавнего времени гостиницей «Золотое кольцо».

Александр Иванович оказался очень занятым человеком. Мы долго созванивались, назначали дату встречи. А когда наконец добрались до кабинета коменданта в бывшем здании Управления делами ЦК КПСС, Александр Иванович сказал: «Здесь смотрите и фотографируйте на здоровье. В другие здания пропустить вас не могу».

Не знаю, что делалось в других зданиях, но в том небольшом и далеко не самом важном, где мы оказались, жизнь уже была ключом. В партийных кабинетах пили кофе и активно скучали мускулистые мальчики в темных костюмах, ответственные российские работники беспрестанно совещались, секретарши, перевезенные из «Белого дома», отвечали на телефонные звонки, по коридорам бегали озабоченные люди с папками «на подпись». Все это было, конечно, интересно, но немного не то, что просил сфотографировать редактор.

«Ладно, звоните завтра. Может, устрою вам небольшую экскурсию», — смилостивился заместитель коменданта, представляющий службу безопасности. Подумал немного и добавил: «Но чтобы нам продолжить разговор, вы должны показать мне все, что успели здесь наснимать. Все фотографии».

Мы подумали и решили воздержаться.

Празднование великой победы обычно сопровождается довольно шкурной дележкой трофеев. В нашем случае — тоже.

Не успели еще чернила просохнуть на Указе президента СССР о замораживании (не о национализации!) партийной собственности, как российская власть взяла Цитадель в оборот. Конечно, новые офисы нужны и судебным органам РСФСР (им отдали здание ЦК РКП), и Совету министров республики (перевезает в помещения ЦК КПСС), но... Уж слишком торопливо, почти воровато растаскивали победители наследство компартии. И руководствовались при этом порой весьма сомнительными с правовой точки зрения указами Ельцина.

Отстранили коменданта, назначенного мэрией, образовали общинную комиссию «по инвентаризации и приемке имущества ЦК КПСС» — сплошь из сотрудников ХОЗУ

Совмина — от директора столовой до начальника управления. Немалых усилий стоило «внедрить» в эту комиссию шестерых представителей обществу. Новые хозяева составляют длиннющие описи имущества (уже своего), где фиксируется все до последней скрепки, работают не покладая рук, спешат переехать в Цитадель до зимы.

Борис Николаевич лично сказал: нельзя допустить, чтобы от одних чиновников партсобственность переходила к другим. Но неожиданно выяснилось, что здания на Старой площади приспособлены исключительно для чиновников — столько туда напихано средств связи, оргтехники и сейфов. Цековские буфеты, соответственно, предназначены для подкармливания только ответственных работников, а цековские гаражи никак не могут принять в свои недра какие-нибудь машины, кроме «бугровозов».

А ведь возводили и перестраивали все это великолепие московские строители, а не цековские. Номенклатурные апартаменты «съели» не одну тысячу столичных квартир, не одну сотню детских садов и магазинов... Республиканский Совмин въезжает сюда за так, не намереваясь платить городу арендной платы (так же, как не платил ЦК), не собираясь даже выставить хоть часть помещений на аукцион в пользу города.

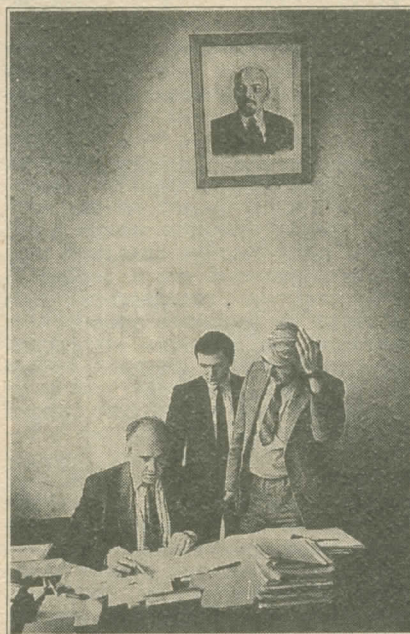
— Я думаю, мы сумеем с мэрией договориться относительно каждого здания в отдельности, — сказал председатель российской комиссии по инвентаризации и приемке имущества ЦК КПСС, он же заместитель Управляющего делами Совета министров РСФСР, Юрий Александрович Прошин. — В конце концов у нас в Совмине тоже москвичи работают. И им нужны помещения, связь, столовые. Нужны дома отдыха, поликлиники, детские сады...

Ах, действительно, чуть выше мне следовало продолжить перечисление: поликлиники ЦК будут обслуживать теперь российскую власть, цековские дома отдыха просто рассыплются в прах, если там появятся, например, рабочие ЗИЛа, а детский садик ЦК КПСС «Солнышко» не приспособлен ни для каких детей, кроме особенных. Да, кстати, у ЦК была еще и своя мебельная фабрика. Видимо, она теперь будет поставлять продукцию исключительно Совету министров РСФСР.

С мэрией, похоже, республикан-

ские чиновники действительно договорились: аппарату мэра высочайше дозволено перебраться в здание СЭВ, бывшую городскую Думу (Центральный музей В.И.Ленина) отдали Моссовету, Гавриилу Харитоновичу остается солидная резиденция на Тверской.

Российские депутаты тоже сохраняют спокойствие: Совмин перебирается на Старую площадь, и весь «Белый дом» остается в их распоряжении. При таком раскладе можно и промолчать.

«Российский» комендант ЦК А.И.Колесников и его подчиненные за работой

А нам, «кухаркиным детям», наверное, должно быть очень радостно от одной мысли, что за железными решетками и крепкими стенами Цитадели о народном счастье будут теперь заботиться не партийные функционеры, а очень-очень прогрессивные и демократичные работники. Мы по-прежнему стоим снаружи, под холодным дождичком. Из ворот, охраняемых новым караулом, вырывается черный лаковый автомобиль и везет по неотложным делам, нет, не замшелого секретаря ЦК, а Министра Свободной России. Ворота закрываются...

Здравствуй, новая жизнь?

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ.*

эстетика победителей

Чем дальше уходит в небытие перестройка, тем очевиднее гений Горбачева. Гений прежде всего эстетический или, еще точнее, лингвистический. Речь — о горбачевской способности говорить час, полтора или более и не сказать ровным счетом ничего, но так, чтобы и правые, и левые нашли в его словах свой кусочек правды и возможность прижать его к сердцу. В этой воистину грандиозной способности на языковом уровне сказывается тип русского государственного человека, который можно условно определить как пассивно-созерцательный, более всего чурающийся решительных действий и вообще какой бы то ни было определенности. Тип этот восшел Лев Толстой в образе Кутузова, как известно, избегавшего сражений и именно потому выигравшего войну.

Кутузов, разумеется, ставил перед собой достигнутую им впоследствии цель. Про Горбачева утверждать этого нельзя. Но так или иначе за шесть лет его правления самая страшная в истории человечества империя зла оказалась разрушенной. Для летописца не будет иметь первостепенного значения, хотел того вождь или не хотел, произошел крах согласно замыслам, или помимо них, или даже им вопреки: Горбачев в любом случае окажется величайшим политическим деятелем двадцатого века, чьим именем назовут нашу эпоху. Остро ненавидящие президента правые лучше понимают его значение, чем остро ненавидящие левые.

Но даже самые большие поклонники политического гения Михаила Сергеевича весь последний год пребывали в недоумении, чтоб не сказать в тупике. Слишком многое в деятельности президента было затруднительно объяснить и самой пассивной созерцательностью. Среди прочего какую-то детскую страсть Горбачева к бессмысленным словам и понятиям — социалистический выбор, коммунистическая

перспектива и т.п. С января, когда даже лидеры «Союза» охладели к такому типу риторики, горбачевскую слабость к коммунистической партии уже нельзя было назвать тактикой. Отныне тактика слишком смахивала на стратегию, то есть на глупость.

Но августовский сон в летнюю ночь, за три дня унесший могущество КПСС, заставил посмотреть на затянувшийся роман Горбачева со своей партией совсем с другой стороны. Из волшебного исчезновения КПСС, случившегося в одночасье, можно сделать два вывода. Во-первых, могучая партия была уже не такой могучей, если стучевалась по росчерку пера. Второе: с крушением партийной декорации рухнул принцип, организовывавший сценическое пространство нашей общественной жизни. Сон в летнюю ночь, налетевший вихрем, смел половину героев, перепутал роли оставшихся и посеял беспорядок, который художественным не назовешь. Так что возникает странное подозрение: роман Горбачева с коммунистической партией, кажется, имел смысл, хотя совсем не тот, что он сам в него вкладывал.

Коммунистическая партия всегда утверждала, что она единственная объединяющая сила в стране. Как выяснилось, это была чистая правда. Партия действительно объединяла — на борьбу с собой. Надо признать очевидное, пусть и с опозданием. Именно благодаря объединяющей роли партии политически оформились идеология, отличная от коммунистической, и парламентская практика, в которой она выржалась. То, что и первое, и второе хотя бы наполовину иллюзия, было понятно и раньше. Но то, что это почти полная фикция, стало ясно после переворота.

Немыслимые скрещения и фантастические метаморфозы, обесценивающие любую идеологию и потому невозможные ни в одной стране с развитой и сложной общественной жизнью, происходили

у нас и раньше. Трогательное единение монархистов и коммунистов на почве государственности, случившееся задолго до переворота, — тому лучший пример. Но в «допереворотной» жизни были полярности, которые ни при каких обстоятельствах сойтись не могли, — группа «Союз» и «так называемые демократы». В «постпереворотную» эпоху они сливаются в безумном экстазе: разницу между «союзником» Блохиным и «демократом» Оболенским нынче можно рассмотреть разве что в микроскоп.

Отдадим должное «союзникам» — им не пришлось изменять себе. Прежде они защищали коммунистическую империю, теперь за неимением коммунизма ратуют хотя бы за Союз. Изменились демократы, которые вроде бы со старым Союзом сражались, но, когда коммунизм умер, передумали это делать.

Демократы, так легко превратившиеся в империалистов, славно доказали, что столь разные типы сознания могут мирно ужиться в резиновой российской бескрайности. Впрочем, только в ней. Вообще-то они несовместимы. Одно основывается на общности, другое — на отдельности, одно исходит из заданности, другое — из переменчивости, одно принципиально синкретично, другое столь же принципиально дискретно. Одно всегда ставит государство выше личности, другое — личность выше государства.

В конце концов имперское сознание имеет такое же право на существование, как и демократическое. Но и то и другое должно все-таки считаться с реальностью. На развалинах рухнувшей империи призывы к федеративному устройству Союза выглядели малость запоздалыми. Синкретическое мышление по самой своей природе тяготеет к утопии, но не до такой же степени. Нетрадиционные «союзники» оказались обыкновенными романтиками.

В новой, «постпереворотной» ре-

альности окончательно сложился новый конфликт — между прагматиками и романтиками, и линия, их разделяющая, далеко не всегда соответствует старой линии левые — правые. Как и полагается в неразвитом, неустоявшемся обществе, конфликт этот не столько идеологический или социальный, сколько прежде всего интеллектуальный, между теми кто поумнее и кто совсем-совсем глупый.

Этот конфликт, разумеется, был и раньше, но существование общего врага — коммунистической партии — придавало ему благородный политический оттенок. «Доперево-ротный» парламент, конечно же, не был разумнее нынешнего, но он казался стройнее и, если угодно, эстетически осмысленнее. Парламентские дебаты и тогда зачастую были следствием интеллектуального недоразумения, но они хоть прикидывались политическим разногласием. И — кто знает, может быть, со временем таковыми бы стали.

Парламентов у русских, как известно, два — союзный и российский. И на их счет тоже существовало стойкое заблуждение, будто они разные, будто только один колхозный, а зато другой сильно цивилизованный. Теперь похоронена и эта иллюзия. Иллюзию радостно хоронили сами российские депутаты на своей встрече с Горбачевым. Не щадя ни достоинства президента, ни достоинства многомиллионной аудитории зрителей, ни, главное, своего достоинства, они целенаправленно и изощренно оскорбляли человека, не имеющего возможности ответить победителям. Российские депутаты унизили себя шумно, криливо, размахивая руками, союзные — наоборот, молча, сосредоточенно, одним нажатием кнопки.

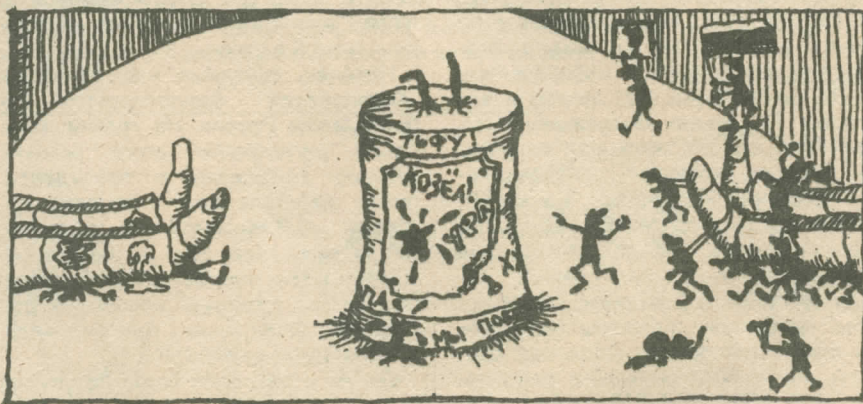
Выслушав столь же краткое, сколь невразумительное выступление Генерального прокурора СССР Трубина и не задав ему ни единого вопроса, они буквально за пять минут и практически единогласно дали санкцию на арест своего Председателя, которому всегда смотрели в рот. Аналогичную проблему с Гдяном и Ивановым решали много часов подряд и решили, как мы знаем, иначе. Тогда следствие длилось уже много месяцев. Тогда было море слов и столько же доказательств. Но одна мысль о том, что политическое преследование подменяет собой судебное, остановила тогда депутатов. Почему же сейчас они так бодро проголосовали? Нельзя даже сказать, что союзные парламентарии поверили Трубину на слово, коли через полчаса отправили его в отставку. Нельзя вообще ничего сказать. Тем более, что все наперед сказано — «ведь вчера еще, лежа на брюхе, они обожали московского

хана, а сегодня велят мужика обожать! Мне сдается, такая потребность лежать то пред тем, то пред этим на брюхе на вчерашнем основана духе».

В первой части этой статьи я писал о «Заявлении» Лукьянова как о несомненном вступительном слове к перевороту. Мне и сейчас так кажется. Но «кажется» — это не юридический термин. Ни одного внятного аргумента в пользу вины Лукьянова генеральный прокурор тогда не представил. Депутаты теперь горько жалуются на высокомерие бывшего Председателя, на его великое презрение к залу. Зря жалуются. Бедный Анатолий Иванович относился к ним гораздо, даже неизмеримо лучше, чем они того заслуживали. Он явно переоценил своих депутатов. Осторожный, он не оставил следов в

с Оболенским или Куценко, стала неожиданностью даже для съезда. Подобно этому, сама по себе оппозиция агрессивно-послушному большинству рождала иллюзию неких парламентских принципов, выстраданных и неколебимых. Ведь демократы были в первую очередь хороши не тем, что говорили, а тем, чего не говорили. Будучи постоянно гонимыми, они невольно внушили нам, что сами никогда не станут кричать «Ату его! Ату!», как это произошло на встрече Горбачева с российским парламентом.

Давление коммунистической партии, как выяснилось, было очень и очень полезным. Когда оно исчезло, общественная жизнь предстала едва ли не более безобразной, но к тому же еще и безобразной. Победители оказались людьми, мало

Рисовал А. Заяц

блаженным заблуждении, что «кажется—не кажется» — это все лирика, это из стихов Анатолия Осенева, а причастность к государственному перевороту нужно доказывать.

Депутаты Верховного Совета СССР, конечно, еще те победители. Нет оснований сомневаться, что они с той же легкостью прокомпостируют бы решение Лукьянова о ГКЧП, как прокомпостируют решение Трубина о Лукьянове. Но есть все-таки основания думать, что нашлось бы несколько человек, которые восстали бы против очевидного беззакония. Почему же они промолчали? Беда не в том, что многие примазываются к чужой победе. Беда прежде всего в том, что сами победители выступают в новой роли куда хуже, чем смотрелись в старой.

Д о переворота сама по себе оппозиция коммунистической идеологии вне зависимости от того, чем была вызвана, рождала иллюзию демократических убеждений, стройных и последовательных. Так, во всяком случае, казалось многим: метаморфоза, случившаяся

чем отличающимися от побежденных, с теми же имперскими и социалистическими предрассудками, с тем же равнодушием к праву и достоинству личности. И единственное, что у них есть, это сон в летнюю ночь, в котором они мужественно сражались с ГКЧП. И этот сон, сладостно и ностальгически вспоминаемый, обрастает небывшими подробностями, на глазах превращаясь в миф о Великом Противостоянии. И чтобы все пришло в гармонию, надо сделать еще один шаг — возвести разобранные баррикады или, следуя завету Вольтера, выдумать коммунистическую партию, коли она больше не существует.

* Первую часть статьи — «Эстетика переворота» см. в предыдущем номере журнала.

МОЙ СОСЕД ЖИРИНОВСКИЙ

Владимир Вольфович Жириновский живет на моей улице, в соседнем доме. Как и Юрий Анатольевич Прокофьев, тоже проживающий по соседству, — Жириновский мой избиратель. То есть относительно того, за или против меня голосовали эти товарищи, я не заблуждаюсь, но территориально — да, избиратели, не совру.

Впервые Владимира Вольфовича на трибуне я увидел в период избирательной кампании в Моссовет и в российский парламент, в самом начале 1990 года. Нас, кандидатов по 39-му избирательному округу, попросили встретиться с избирателями в ДК им.Русакова. Вот там-то и выступил Владимир Вольфович. Нес, конечно, ахиною, призывал вступать в образующуюся либерально-демократическую партию, а в заключение призвал голосовать за одного из кандидатов — Льва Николаевича Сапелкина, поскольку именно он, как выразился Владимир Вольфович, «выражает интересы жителей». А товарищ Сапелкин, надо вам сказать, — начальник нашего районного КГБ. Избиратели, впрочем, увещеваниям Жириновского не вняли, — Сапелкин нужного числа голосов не собрал.

Прошло несколько месяцев. Вдруг — на одной неделе — шквал сообщений о Владимире Вольфовиче. Все центральные газеты, официальный ТАСС и программа «Время» известили об учредительном съезде либерально-демократической партии. В одном из интервью Владимир Вольфович, избранный на съезде председателем этой партии, заявил, что желает въехать в Кремль на белом «мерседесе», и потребовал предоставления правлению его партии здания Всесоюзной пионерской организации, размещающейся, как известно, визави комплекса зданий КГБ на площади Дзержинского. Некоторые газеты, корреспонденты которых сумели попасть на съезд оной партии, заметили мимоходом, что мероприятие охранялось большим количеством молодых людей в штатском.

Дальше — больше. И вот уже Владимир Вольфович разъезжает по

заграницам в качестве главы делегации советских либеральных демократов. И вот он принимаем руководством нашей страны. Для его излияний благосклонно предоставляют свои страницы издания КПСС. На одном из дипломатических приемов, кажется, в венгерском посольстве, Владимир Вольфович удостоил меня кратким разговором. Подошел вихляющей походкой с бокалом шампанского в руке: «Вы, если не ошибаюсь, господин Мальгин? Я хотел бы опубликоваться в вашем журнале». И визитную карточку — мне в карман.

Наконец, звездный час: господин Жириновский баллотируется в президенты России. На третий день после регистрации этого экзотического кандидата в президенты почта принесла нам в журнал листовку: «В.В.Жириновский выступит за снижение цен на водку». И скрепочкой к листовке прикреплена все та же знакомая визитка с домашним телефоном предводителя либеральных демократов.

Ох уж и дал себе волю Владимир Вольфович во время избирательной кампании! Тут ему и экран телевидения предоставили (кажется, только в передаче «В мире животных» он не участвовал). Бедная Анэля Меркулова то и дело руками всплескивала в прямом эфире: настолько кардинальные суждения высказывал Владимир Вольфович. Республики раздавить, в экономике навести порядок жесткой рукой, соседние государства заставить работать на великую Русь...

В последнем, девятом, номере журнала «Юность» напечатана беседа с критиком Игорем Дедковым: «Лидера либеральных демократов, его манеру и само возникновение на политической карте часто сравнивают с Гитлером. Но, пожалуйста, Гитлер не руководил смехотворной карманной партией в тридцать человек. У него в момент прихода к власти была большая партия, довольно популярная в народе, были вооруженные отряды, свои идеологи. Это была сила, с которой надо было считаться».

Зря вы, Игорь Александрович, не

хотите считаться с г-ном Жириновским. Он смешон, он жалок в своей злобе ко всему, что не отвечает его представлениям о мире. Но это для нас с вами он смешон и жалок. А ведь за него на выборах проголосовали миллионы людей. Да-да, миллионы! И дело тут, я думаю, не только или не столько в обещании снизить цены на водку.

После победы над путчем демократы, как их принято у нас называть, получили определенный кредит доверия. В условиях экономического и социального кризиса этот кредит может оказаться краткосрочным. И я знаю, что скоро, гораздо раньше, чем это кажется нынешним победителям, придется платить по счетам. Мнение народа переменчиво. И пусть не Жириновский, а кто-то другой, более, может быть, тонкий, более обходительный и обаятельный, но исповедующий те же взгляды, придет и скажет: «Не верьте им. Верьте мне. Только я знаю путь к процветанию».

Этой фразой проложил себе путь Гитлер. Ее любит повторять Жириновский. Ее же (почти дословно) употребил в своей программной статье в «Московской правде» Сергей Кургиян. Примерно то же мы слышали с экрана от Александра Невзорова. Добавьте в эту компанию полковника Алксниса и кого-нибудь из нынешних литературных «патриотов»...

Пестрая компания? Возможно. Но не они проиграли в августе девяносто первого. Их час еще не настал. Так, может, пора нам прекратить отплясывать краковяк на могиле КПСС. Давайте приглядимся повнимательней к этим возможным героям завтрашнего дня. Уж они-то не упустят ни одной ошибки демократов, ни одного их неосторожного слова, непродуманного решения. Уж они-то сумеют сыграть на трудностях момента. Они — в оппозиции, а значит, их положение выгоднее.

Я уверен: мой сосед Жириновский еще не потерял надежды въехать в Кремль на белом «мерседесе».

Андрей МАЛЬГИН

ОКНО В АМЕРИКУ ПРОРУБЛЕНО

Пойманый за хлястик плаща главный управляющий компании «Алиса в Америке» Леонид Берман прямо на трапе трансатлантического лайнера дал нам микроинтервью.

— Союзную «Алису» знают все — как вызывающе лихую и предприимчивую фирму. А что ваша «овчарка» будет делать в Америке, где и без вас полно умных и энергичных людей?

— То же, что и здесь. Наша американская фирма построена на тех же принципах.

— А может, лучше переносить их принципы сюда, чем наши — туда?

— Мы будем «переносить» их товары сюда, а наши — туда. А принципы союзной частной системы бирж «Алиса» подходят для этого идеально. Американский бизнесмен приходит в наш офис в Штатах (а наши офисы есть и на Западном побережье, и на Восточном, и в центре), и в тот же день его товар появляется в СССР. Тогда как при работе с союзными внешнеторговыми ведомствами этот процесс (переписки, приглашения, утряски, поездки) длится несколько месяцев. То же самое и при продаже наших товаров в Америке: благодаря «Алисе» движение товаров в обоих направлениях стало мгновенным. Такие возможности нашим и американским бизнесменам предоставляются впервые.

— Стало быть, теперь все будут торговать, не вылезая из домашних кресел. Наконец-то освободятся места в самолетах.

— Да, можно и так. А те советские бизнесмены, которые все-таки приедут в США, смогут воспользоваться услугами наших американских офисов. Наши бизнесмены, которые за границей по своей беспомощности порой смахивают на заблудившихся детей, воспользуются нашими коммуникациями, высокопрофессиональными переводчиками и референтами. Дистрибьюционные, маркетинговые и консалтинговые услуги мы будем предоставлять по обеим сторонам океана.

— Почему вы отправились покорять Америку, не освоив Европу, которая под боком?

— Общая Европа становится опаснейшим конкурентом для США. Именно поэтому вскоре будет создана североамериканская свободная экономическая зона, включающая Мексику, США и Канаду. Возможности этой зоны нас устраивают. А позднее мы создадим всемирную систему «Алиса». Так что Европе от нас не уйти.

Дмитрий СВЕТЛОВ

**ВЫ ХОТИТЕ
ЗАРАБОТАТЬ???**

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
еженедельник
«СТОЛИЦА»
В Москве и других городах

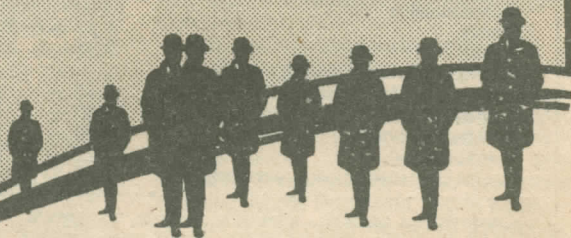
и тогда **15-20** копеек
с каждого проданного номера

ВАШИ

Обращайтесь
в редакцию

по ☎ **921-46-45**

О МАНИИ ВЕЛИЧИЯ И ЧУВСТВЕ ТАКТА

Главному редактору
журнала «Столица»
А.В.Мальгину

Уважаемый Андрей Викторович, вынужден обратиться к Вам после публикации статьи Александра Минкина «Правый полузащитник» в журнале «Столица» № 30 (36), 1991 года. Ни в коей мере не оспариваю право журнала защищать членов своей редакционной коллегии; ни в коей мере не оспариваю нежелание Александра Минкина поступиться своими принципами. Александр Минкин имеет право любить и ненавидеть по собственному усмотрению (в том числе и министра культуры СССР) и по Вашему усмотрению сообщать о своих пристрастиях читателям «Столицы». И если Вы поддерживаете суждение Александра Минкина, что он — Гамлет, а все остальные — «сукины дети», то

вы оба имеете и на это право тоже.

Вовсе не собираюсь напоминать автору статьи о том, что и как он писал до 1985 года, — хотя мне, одному из его первых редакторов по журналу «Театр», напомнить достаточно просто. Тем более не собираюсь выговаривать ему за это, как он выговаривает Михаилу Рошину, — не для этого взялся за перо. Все эти взаимные упреки стали общим местом нашей журналистики, они, как правило, не вызывают симпатий и, с моей точки зрения, не заслуживают внимания.

Ошеломлен не автором — привык! — ошеломлен редакцией, публикующей обвинение Михаилу Рошину за то, что он медленно сочинял свой ответ; мол, сначала ждал два месяца, а потом еще целых двенадцать дней писал. И автор, эдак игриво, общается, что он-то писал свой текст

наскоро: «между завтраком и ужином» 11.07.91 г.

Уж кто-кто, а хорошо информированный Александр Минкин должен знать, что для Михаила Рошина, который последние годы существует в пограничье между жизнью и смертью, бывает и строку в день написать — подвиг. И, видимо, лишь острая потребность высказаться по неким важным для него вопросам заставила отвечать на публикацию «Столицы» о Николае Губенко. Я знаю, что для отважного журналиста, которым считает себя Александр Минкин, эти соображения — ерунда. Он общается с вечностью, с высшими материями, в свете которых частная жизнь и ломаного гроша не стоит. Но все же полагаю, что «у всякого безобразия должны быть свои приличия». А здесь уж безобразие без приличий.

К тому же замечу, что и Флобер в отличие от Минкина писал всего по несколько строк в день. И не хуже автора вышеупомянутой статьи.

С надеждой на понимание,
Михаил ШВЫДКОЙ

СП «КОМПАС» предлагает контракты на поставку товаров из Тайваня, Сингапура, Гонконга, Южной Кореи, Китая.

Наши цены — самые низкие. Наше качество — мировое.

Наименование товара	Цена в долл. США за единицу товара	Миним. партия
Радиоприемники	1,80 — 7,40	700 шт.
Муз. центры	70,00 — 125,00	200 шт.
Плейеры	15,80 — 16,80	
Микроволновые печи	110,00 — ...	220 шт.
Конвекционно-микроволновые печи	200,00 — 240,00	220 шт.
Мороженицы	24,00	1100 шт.
Швейные машины	54,00 — 120,00	600 шт.
Стиральные машины	77,00 — 136,00	
Телевизоры цв. (11-74 см. диаг.)	44,00 — 650,00	200 шт.
Телефоны, радиотелефоны	3,00 — 70,00	3000 шт.
Обувь осенняя, зимняя (сапоги)	6,00 — 11,00	3000 шт.
Спортивная обувь (кроссовки)	3,50 — 17,00	3000 шт.
Джинсы-«варенки»	9,00 — 11,00	8800 шт.
«Атташе-кейсы» (из алюминия)	22,00 — 53,00	2300 шт.
Зажигалки	0,20 — 7,00	10000 шт.
Светильники	12,00 — 26,00	300 шт.
Утюги	6,10 — 29,00	3500 шт.
Фены	2,45 — 11,00	5000 шт.
Щипцы для спиральной, волно- и зигзагообразной завивки	2,30 — 5,80	8000 шт.
Кофеварки	10,80 — 29,00	1350 шт.
Фотоаппараты	2,50 — 7,50	5000 шт.
Зонты автом.	1,20 — 1,25	42000 шт.
Ткани синтетические, смесовые	1,30 — 3,50	

Спортивная одежда, женская одежда, трикотаж, холодильники и другие товары по вашим запросам.

КОМПАС

КОМПЬЮТЕРНЫЕ
АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ
СИСТЕМЫ

Наш адрес:
121165 Москва,
ул. Студенческая, 30-2,
СП «КОМПАС»
тел./факс: 249-69-27.

ЗА ВАЛЮТОЙ ОЧЕРЕДЬ НЕ ЗАНИМАЙТЕ,

даже если введут внутреннюю конвертируемость рубля

Самый простой способ превращения рубля в конвертируемую валюту известен из анекдота — для этого достаточно выдавать всем зарплату в конвертах. Проекты экономистов, к сожалению, осуществить труднее. Не случайно назначенный на 1 января будущего года переход на внутреннюю конвертируемость рубля откладывается.

Мнения экспертов на этот счет разделились: одни полагают, что провалилась блестящая идея, другие облегченно вздыхают — дескать, удалось избежать очередной авантюры в масштабах всей страны. Споры профессионалов оставляют в недоумении рядовых граждан, которым хочется понять, когда рубли будут обмениваться свободно, на доллары, марки, франки, а курс из грабительского превратится в божеский. Войдем ли мы в цивилизованный финансовый рынок или будем топтаться у порога? Об этом корреспондент «Столицы» Е. Колесникова беседует с известным в стране и за рубежом специалистом в области кредитно-денежной политики Г. АНУЛОВОЙ.

— Гюзель Наильевна, несколько лет назад вы участвовали в международном конкурсе, который был посвящен превращению рубля в конвертируемую валюту. Ваш проект получил премию, его высоко оценили зарубежные эксперты. Почему бы его не использовать сейчас как готовую программу?

— Но я выступала против внутренней конвертируемости и предлагала вводить внешнюю. В чем разница между ними? При внешней все расчеты с зарубежными партнерами ведутся в рублях. Какой бы товар они нам ни продавали — станки или колготки, — за все мы платим рублями. А партнеры обращаются в центральный банк и меняют по рыночному курсу наши дензнаки на доллары. Советские рубли становятся такой же полноценной, а значит, конвертируемой валютой, как и любая другая. При внутренней конвертируемости все расчеты идут в иностранной валюте. Значит, если советская сторона хочет торговать, она вынуждена сначала приобрести в банке за рубли валюту, а уж потом расплачиваться ею за товар. Внешняя конвертируемость — зеркальное отражение внутренней, и наоборот. А полная предусматривает обе формы.

— Почему предпочтение отдается внутренней конвертируемости?

— На мой взгляд, мы совершаем ошибку. Когда была создана группа экспертов из союзных ведомств и Акаде-

мии наук СССР, я получила приглашение работать в ней. Согласилась, искренне желала успеха делу, но с самого начала сомневалась — не обречено ли оно на провал. Хотя лечат же безнадежно больных пациентов, не оставляют их на улице. Врач обязан лечить, экономист вправе согласиться на разработку сомнительной идеи хотя бы для того, чтобы профессионально показать ее бесперспективность.

— Вы уверены, что переход невозможен?

— Попробую убедить в этом и читателей «Столицы». Суть идеи состоит в том, чтобы единственным «судьей» в вопросе приобретения конвертируемой валюты отечественными импортерами стал рынок. Нужен тебе импортный товар — иди в банк и покупай по рыночному курсу столько валюты, сколько можешь себе позволить. А потом ввози, что хочешь. Впрочем, возможно, ознакомившись с курсом, ты и вообще не захочешь импорта, поищешь замену на внутреннем, рублевом рынке. Никакого централизованного распределения валюты нет, никаких страстей вокруг валютного пирога. Народное хозяйство бурным потоком вливается в мировое, рушится монополия государства, цены выравниваются.

— ...И мы начинаем жить как люди?

— Нет, продолжаем влачить жалкое существование.

— Почему?

Рис. К. Рыбалко

— Переход к внутренней конвертируемости возможен при соблюдении трех принципиальных условий. Надо отказаться от ограничений во внешней торговле — от лицензий и квот — это первое. Отпустить цены — второе. И, наконец, строго соблюдать бюджетную дисциплину.

— И что, все три неосуществимы?

— О дисциплине, думаю, говорить не стоит — у нас ее нет, причем не только в финансовой политике. Отмена лицензий приведет к страшному хаосу на внутреннем рынке. А либерализация цен превратит практически всех советских людей в нищих. Например, нефть на внутреннем рынке стоит около 70 рублей за тонну, а на внешнем — 130 долларов. Когда цены начнут изменяться по зако-

нам рынка, а внешнеторговые потоки никем и ничем не будут ограничены, стоимость топлива, энергии подскочит в десятки раз. Эксперты называют более точную цифру — в 90 раз! И дело ведь не только в том, что платить за свет нам будет не по карману, а бензин окажется едва ли не дороже самой машины, — повышение цен на топливо и энергию автоматически вызовет скачок цен на все товары — такой скачок, по сравнению с которым «павловское» повышение покажется просто милосердным. Люди, разумеется, этого не выдержат. Возможен социальный взрыв.

— Но ведь предприятия, наверное, смогут материально поддержать своих работников?

— Смогут. Точнее, те из них, кто не обанкротится. А кто поддержит людей с фиксированными доходами? Государство? Но его возможности будут ограничены — либо включать печатный станок и провоцировать новый виток инфляции, либо выдавать раз в день по миске бесплатной похлебки. Чаще не получится.

— А если избежать скачка цен? Например, за счет кредитов Запада вливать в рынок дополнительную валюту. Тогда можно удержать курс доллара в нормальном соотношении — один к пяти—семи. И резкого вздорожания не произойдет.

— Допустим, на Западе сошли с ума и предоставили нам средства под эту концепцию. После уплаты внешних долгов у нашей страны в будущем году останется около пяти миллиардов, которые можно было бы пустить на валютный рынок. Но... как на пять рублей нынче нельзя одеться, так и на пять миллиардов нельзя «провернуть» внутреннюю конвертируемость рубля — судя по расчетам, для плавного перехода к ней требуется еще семь—десять ежегодно. Кто их доложит стране, где происходят государственные перевороты, идут международные конфликты, где политические лидеры эдак «невзначай» грозят перекроить границы, где рвутся и без того слабые экономические связи?

— Вы нарисовали столь печальную картину, что поневоле возникает подозрение — уж не враги ли навязывают нам внутреннюю конвертируемость?

— Мы и сами себе умеем навредить. Все понимали, что смысл проекта теряется при существующих ограничениях, однако разрабатывали его. Вынуждены были по приказу «сверху». Инициатива шла от правительства Павлова. Это теперь идея доведена до абсурда, а выглядела вполне заманчиво — с помощью валютного рычага перевернуть экономику, в один миг сделать ее открытой и стабильной. Экспертов, трудившихся над проектом, ни в чем винить нельзя. Это высокопрофессиональные люди, перед которыми поставили почти нерешаемую задачу. В душе они понимали обреченность мероприятия. Но в науке отрицательный результат тоже результат.

— А все же жаль, что у нас нет никакой конвертируемости, что доллары не купишь свободно...

— Но при чем тут конвертируемость? Для граждан никаких обменов и не предусматривалось.

— Как?!

— А вот так — до этого и дело не дошло. У нас вообще есть тенденция — думать об абстрактных «интересах» государства, а люди где-то на заднем плане. Мой коллега, экономист Андрей Верников, тоже работавший в этой группе, постоянно напоминал: «Надо начинать с конкретных людей, а мы думаем только о предприятиях».

— Послушайте, мы же не первые на планете свалились в такую глубокую экономическую яму, попадали в нее и другие страны, выбрались как-то.

— Позвольте не согласиться — тут мы «впереди планеты всей». Наша яма — говорю это как экономист — просто уникальна.

— Разве положение восточноевропейских стран несравнимо с нашим? Ведь мы строили один общий, социалистический дом...

— Но там первые этажи начали закладывать после войны, а у нас — гораздо раньше. Там не был до основания разрушен частный сектор, были люди, сохранившие представление о прежней жизни. Предпосылку к раскрепощению, рыночному скачку у Польши, Чехословакии, бывшей ГДР несравнимо больше. Есть такое понятие — инерционность экономических процессов. Ведь при Сталине относительное продовольственное изобилие объяснялось не только тем, что деревня, в сущности, кормила город, сама голодная, а в лагерях миллионы сидели на нищенском пайке. Есть и другая причина — люди не отвыкают от работы в один день, не прерывают экономических взаимоотношений в одночасье. При Сталине жили хорошо благодаря «царской» психологии, трудовым ресурсам того времени. Крестьянин не прекратил работать, хотя ничего не получал за свой труд. Но с годами отклонений от нормального развития у общества накопилось огромное количество. Так что параллели можно найти как между восточноевропейскими странами, так и развивающимися. Например, Эфиопией.

— Как-то не по себе становится от таких сравнений.

— Их не надо бояться — куда страшнее, что мы до сих пор не говорим правду даже сами себе. Начнем с того хотя бы, что банковская система страны просто не способна выполнять операции на международном уровне. Допустим, внутреннюю конвертируемость рубля ввели при самых благоприятных условиях. Но нет же системы связи между таможнями и банками, нет техники, обрабатывающей и передающей информацию, нет людей, умеющих профессионально вести расчеты. Нет элементарной финансовой культуры, которая есть в раз-

витых странах, где простого телефонного звонка достаточно для подтверждения сделки.

— Похоже мы оказались в положении ученика, которого вынуждают идти во все десять классов средней школы одновременно. Еще и читать толком не научились, но вынуждены осваивать стилистику, таблицу умножения не вызубрили, а приходится заниматься высшей математикой. Что делать-то? Одна программа выхода из кризиса не подходит, другая, третья...

— Еще недавно мы жаловались на отсутствие всяких программ. Пока не будет найден оптимальный вариант, поиски надо продолжать, ведь ситуация меняется и само их направление. Совсем недавно разрабатывали Союзный договор, а уже сегодня нужна программа развития совершенно иного сообщества. Несмотря на трудности и хаос, экономика не стоит на месте.

— Да, она разваливается. Как раз в то время, когда идет поиск оптимальных вариантов.

— Надо понять, что чуда не произойдет. Изобилие быстро не наступит, несколько лет придется жить, до минимума ограничив потребности. Но раскрепощение экономики начнется. Появятся собственные капиталы, пойдет в оборот. Возродится класс, который как никто другой заинтересован в стабильности. Политическая пыль уляжется, и тогда ее можно будет постепенно стирать. Ведь обещают же нам вот-вот большое количество рыночных указов.

— Хотя это утешает. А к вашей концепции внешней конвертируемости еще не поздно вернуться?

— Можно начинать даже сегодня. Суть ее, повторю, состояла в том, чтобы иностранные партнеры, открывающие дело в нашей стране, получили возможность свободно вывозить за границу рубли и обменивать их там в банках на доллары. Или конвертировать здесь, в центральном банке, по рыночному курсу. Пока же этого делать нельзя. Правда, запреты — не помеха, их обходят. Конечно, мой проект внешней конвертируемости выглядит не очень грандиозно, зато он позволяет сравнительно быстро получить результаты. Мы бы сразу привлекли в страну иностранный капитал. Значит, открылись бы новые предприятия, фирмы, кафе, магазины, гостиницы. Рынок начнет потихоньку насыщаться товарами и услугами. Почувствовав конкуренцию, зашевелились бы отечественные производители. Стало бы реально открыть меняльные конторы для граждан. Впрочем, разговор о преимуществах и недостатках моего проекта стоит вести отдельно.

Аркадий ЧЕРКАСОВ

СЕМАНТИКА ВЕЛИКОГО ПОСТА

Великий Пост в нашей жизни затянулся: прилавки пока пусты, холодильники не намного полнее, а на столе у большинства только самое необходимое для пропитания. Но не будем сетовать сегодня на мирские власти — в них только сейчас приходят нормальные люди, с которых можно спросить и которые, надеюсь, вразумительно ответят — изменится ли жизнь к лучшему, когда и как это произойдет.

А пока условия нашей жизни действительно скотские (заметим, что даже номенклатурные работники заметно уступали по уровню жизни большинству гарлемских негров). И так как нас с детства приучали видеть корень всех бед в социальных условиях среды, даже сегодня отказать в справедливости этого утверждения мы полностью не можем. Да, среда возбуждает нашу злость и, увы, когда начиная с понедельника тебя мнут в вагонах метро, в душных автобусах, в истерических очередях. Плюс вычербленный асфальт, необузданные тротуары, откровенная, издевательская ложь в новеньком дочкинском учебнике, да и программа «Время» еще не забыта... Понимаешь, что раз с тобой можно так обращаться, значит — ты полное ничтожество. А согласно стихийной «презумпции равенства», свойственной человеку при отсутствии полной информиро-

ванности, невольно начинаешь считать таким же ничтожеством и каждого встречного мужчину, и каждую женщину.

«Мужчина» и «женщина»! Вот оно — ставшее знаменитым чисто советское обращение к незнакомцу, оно употребляется только в СССР. Невозможно представить себе американца, обращающегося на улице незнакомому городу к прохожей: «Вумэн, где тут ближайший супермаркет?», или француженку в парижском метро: «Омм, у Лувра выходите?» Во всем мире любое обращение к незнакомому подспудно содержит изначальный комплимент, исходящий из той же неосознанной «презумпции равенства»: «пан», «сэр» («повелитель» — тот же корень, что в словах «сеньор» и «сильор» — «старший», «указующий»), даже сильнее — «месье» (мой повелитель), «майн герр» (мой господин), старорусское «милостивый государь», сокращенно «сударь», и т.д. Подтекст здесь такой: «лично я — благородный человек, ходячий образ Божий, меня никто не смеет обижать, я — господин; тебя я не знаю, но полагаю, что ты равен мне, пока каким-либо подлым действием не доказал обратного, значит — ты тоже господин, и именно так я к тебе для начала обращаюсь».

А «наши» (вот привязалось невзоровское словечко!), наши люди, уверившиеся в собственной нич-

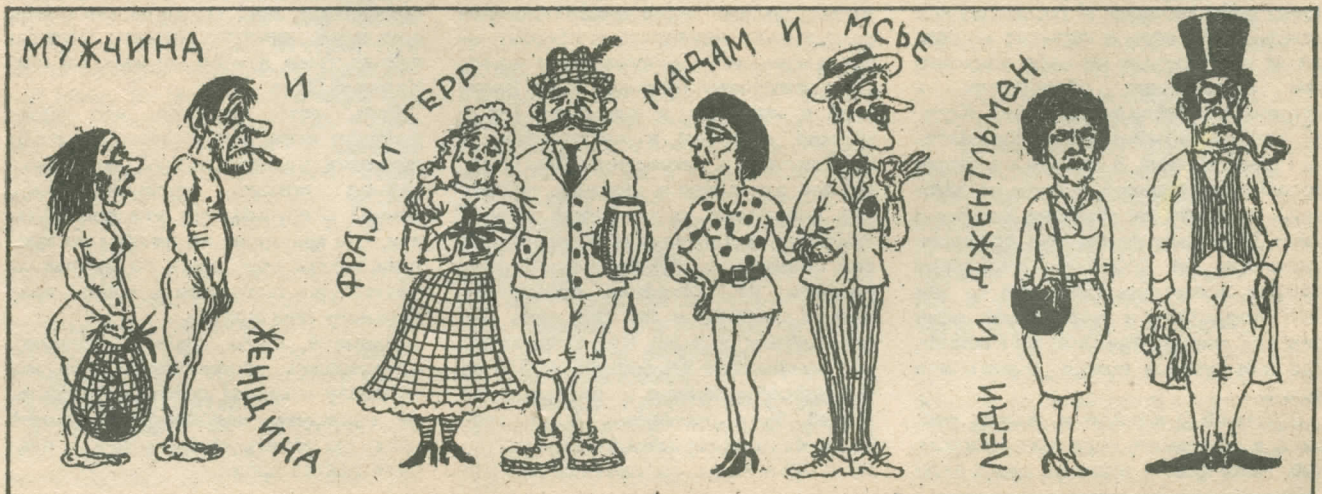
тожности и, по той же презумпции равенства, в ничтожности каждого из окружающих (пока он не докажет, что он начальник, господин, друг, товарищ или брат), долго инстинктивно искали, как его, дрянь такую, назвать, чтобы, нечаянно сделав комплимент, ненароком не возвысить над собой («я-то — точно дрянь»).

Высмеяли Солоухина с его «сударем», отказались от слащавого «товарища» и казенного «гражданина», немного задержались на «девушке» и «молодом человеке» (что-то подозрительно приязненно звучит) и, наконец, нашли точное: «мужчина!» и «женщина!»

Между прочим, уверен, что это обращение впервые появилось в Москве зимой 1977/78 года. До этого такое обращение встречалось на юге и вызывало у завезшего москвича улыбку. А теперь уже и московские старожилы (память короткая) думают, что «так говорили всегда». И выросло целое поколение, которое думает, что по-русски именно так и положено обращаться. Недавно ко мне, 45-летнему дядьке, обратилась 16-летняя девушка приличной внешности: «Мужчина...» Я ожидал, что дальше будет, по Куприну, «угостите папирской». Нет, хотела узнать, который час.

Нет, господа-товарищи, осталось еще в русском языке цивилизованное обращение к незнакомцу: «Из-

Рисовал А. Заяц

вините... (где тут метро?). Или же: «Простите...» — и далее по заготовленному тексту. За что «извините»? (Перед дрянью такой, вроде меня же, еще извиняться...) А вот за что. Вспомните, что Вы — Подобие Божие, центр Вашей Вселенной. И Ваш путь пересекается с траекторией другого центра — другой Вселенной. Он (она), как и Вы, обычно погружен в мысли о Возвышенном — о Достоевском, Бахе, судьбе русской демократии. И Вы его от этих великих мыслей отвлекли «низким» вопросом о метро или туалете. Своим извинением Вы напоминаете ему (а главное — себе) о вашем равенстве, не в нищете и задрипанности, а в Великом и Духовном. И если Вы еще и назовете его сударем (государем), то этим намекнете, что, пока не доказано обратное, Вы тоже государь. Видите, как просто?

Кто-то из наших великих юмористов — Задорнов, кажется — пустил в народ вредную поговорку: «Да посмотрите на себя в зеркало — какой ты, к черту, господин?» Я смотрел. Действительно, не похож. Но не приходило ли вам в голову, что я все-таки господин. Переодетый, или вообще не «одетый» (все как-то, знаете, недосуг, за мыслями о Бахе), как и вы, господа читатели. И потому меня, нас, вас нельзя толкать, лишать мелких радостей, морить голодом и ставить в очередь за талонами? Может, стоит начать именно с себя: «Я — господин. Ты, видимо, — тоже».

По характеру своей работы (я — географ) мне нередко приходилось встречаться с канадскими индейцами, бывать у них в поселках. Действительно, во многих — нищета, почти как в наших русских деревнях. Но при этом чуть не каждый индеец (ну, через одного) зовет себя «вождь». И держится как вождь, даже если в кармане ни гроша. И чем больше он себя уважает, тем церемоннее обращается к встречному «бледнолицему». Кстати, похожи индейцы не на киноактера Гойко Митича, а скорее на наших российских чувашей, и если не загорели, то такие же «белые», как мы с вами. Прошлым летом мне довелось выступать на собрании индейских вождей провинции Санитоба — так был представлен верховным вождем как «вождь такой-то из России». Раз они тут все вожди, значит, и я вождь.

Встречал в Канаде и многих русских, в том числе недавних эмигрантов. Также все — господа, даже если

моет посуду в ресторане «Тройка». Помоев в свою смену, переоденется и пойдет господином в соседний французский ресторан, где за ним потом другие господа будут тарелки мыть. Быть господином нетрудно, стоит только захотеть.

Но то — Канада. А на своей Родине я чувствовал себя Центром моей Вселенной, Господином и даже, простите, Товарищем — потому что это явно признавали все окружающие — только несколько раз в жизни. И, надеюсь, эти «разы» войдут в учебники истории, потому что это дни всенародных манифестаций 4 и 25 февраля, 15 июля, 16 сентября 1990 г., 20 января, 24 февраля и 10 марта 1991 г., наконец, события 19 — 22 августа, когда все мы, господа, отстаивали демократию.

Каждый раз «окружающих» были сотни тысяч, и каждый из них приходил туда же, куда, и я, по своей личной августейшей воле — сам по себе или со своими Товарищами, объединенные общим стремлением сделать «свою — нашу» жизнь полной человеческого достоинства. И впервые в густой московской толпе меня никто не толкал, не обидел и не обозвал «мужчиной!» А кое-кто с трогательным старанием пытался называть нас всех (и себя) «господами», что было наивно и забавно, потому что как раз тут-то все были на самом деле товарищи, и это чувствовалось.

Вот тут бы и поставить точку, сделав глубокомысленный вывод, что демократия рождает достоинство и вежливость, все на митинг! Ан нет, были митинги — слава Богу, не столь многолюдные, — которые напоминали «минуты ненависти» из знаменитого романа Оруэлла. Их проводили организации, членом которых делает единомышленниками одна только ненависть к общему — реальному или выдуманному врагу — к «масонам» (бедный Пьер Безухов!), к «евреям», к «русским» (не в Москве, конечно), к «нерусским», к «сионистам», к «коммунистам». Ставлю все эти слова в кавычки, потому что участники этих сборищ подразумевают под ними совсем не то, что они означают буквально. Будучи русским, от рождения православным, с детства и по сей день беспартийным, я знаю, что в заряженной ненавистью атмосфере любое из вышеперечисленных определений может быть применено и ко мне. Сколько мирных обывателей погибло в 30-е годы, «признавшись», что

они троцкисты или японские шпионы.

У нас часто любят цитировать якобы библейское: «Кто не с нами, тот против нас!» А ведь на самом-то деле Христос сказал нечто прямо противоположное: «Кто не против вас, тот за вас!» Покаюсь перед вице-президентом России А.В. Руцким. Дорогой Александр Владимирович! Во время неудачной для вас избирательной кампании 1989 года (в народные депутаты СССР, в Кунцеве) вас активно поддерживали «национал-патриоты», и я с тех пор заочно испытывал к вам острую неприязнь. Простите меня. Уже вскоре, после ваших январских выступлений в Верховном Совете — по Литве и по указу о патрулировании, — я понял то, что вы поняли гораздо раньше — истинный патриот и настоящий демократ — это одно и то же. И что народ и армия могут и должны быть едины — если в армии задавать тон будут такие командиры, как вы. А сейчас вслед за частью армии и афганских ветеранов вы спасли достоинство рядовых членов КПСС, в которой состояли и мой отец, и мой брат и которые совсем не заслужили тех плевков, что, не долетая до высокого руководства, падают на их головы.

А собратьям-демократам скажу вот что. Во-первых, недостоинно делить самих же себя, свой народ на «наших» и «не наших», пусть этим занимается захлебывающийся собственной пошлостью Невзоров. В святом деле очеловечения Руси нельзя делиться на «травкинцев», «мурашевцев», «лысенковцев» и так далее — тут «несть ни эллина, ни иудея», тут все — свои, все равны и хотят одного и того же. Не отталкивайте от себя человека, даже если вы принимаете его за «памятник» или, еще хуже, просто «совка». Хотя бы сейчас, пока длится навязанный нам Великий Пост.

Есть, есть надежда, что поражающая весь мир взаимная озлобленность русских людей, достигшая сейчас, похоже, крайней точки, начнет отступать. Но это при условии, что мы вновь не начнем по привычке бить друг друга по голове — теперь уже лозунгами о «самой правильной» демократии.

Вначале было слово... Конечно, отказавшись от некоторых слов, мы не сразу изменим действительность, не исключим неправедные деяния наши. Но начать надо с этого — вначале всегда слово.

ЕЩЕ РАЗ О МИЛОСЕРДИИ

Фото Ю. Штукина

Слева вы видите календарь-плакат, изготовленный по заказу газеты Демократического Союза «Свободное слово».

Справа — бывший юрист петропавловского завода тяжелого машиностроения (Казахстан), бывший студент-заочник юрфака Виктор Леонтьев, нынешний «химик». Он вошел в историю нарождающейся советской демократии как первый в стране обидчик президента, приговоренный в июне 91-го к двум годам исправительных работ.

Чем же провинился Леонтьев перед президентом? Тем, что продавал на Центральном рынке Петропавловска (не рисовал и не тиражировал!) 4 экземпляра означенной продукции. Не продал ни одного, то ли по причине несколько завышенной цены, то ли — верноподданических чувств горожан. Как истинный член ДС, Леонтьев на вопросы потенциальных покупателей отвечал, что считает Горбачева фашистом, а КПСС — партией фашистского толка. Это значительно упростило суду вынесение обвинительного приговора. Хотя знаменитая хулиганка Новодворская, как известно, по факту использования слова «фашист» как политического термина была оправдана.

Допрошенный же петропавловским судом в качестве специалиста некий Бургаев А.Н., член Союза ху-

дожников СССР, показал, что на плакате действительно карикатурное изображение М.С.Горбачева. В чем, впрочем, никто и не сомневался. Вот только можно ли считать безусловными синонимами «карикатуру» и «оскорбление»? Кстати, в соседнем Омске (РСФСР) торговля «антисоветскими календарями» шла куда как бойчей, но судебных прецедентов не наблюдалось. Выходит что-то вроде «не родись красивым, а родись в России»...

Мы тоже боимся тюремных камер и малокалорийной пищи, но считаем, что истина дороже, и потому воспроизводим спорный плакат. А для очередного суда на всякий случай запаслись мнениями авторитетных экспертов. Обращаем внимание читателей на тот факт, что эти люди высказали нам свои точки зрения еще до попытки смещения законного президента, и нет никаких оснований обвинять их в популизме. Просто в силу известных причин мы приостановили выход готового уже материала — лежачего не бьют. Теперь, слава Богу, президент снова на обеих ногах. Но ситуация-то осталась прежней для Виктора Леонтьева, да и закон, осудивший его, продолжает действовать.

Александр КАМЕНСКИЙ, доктор искусствоведения, председатель искусствоведческой секции Союза художников Москвы:

— Этот плакат представляет собой весьма вольную попытку истолкования политики президента СССР Горбачева. В самом изображении персоны президента я не вижу ничего, что могло бы быть расценено как оскорбление. Вопрос, стало быть, в том, является ли преступлением попытка приписать Горбачеву тенденцию стать монархом нашего государства. Можно ответить, что то колоссальное сосредоточение власти, которая находилась до последнего времени в руках президента, получившего особые полномочия, практически ничем не отличается от видов и форм власти, которыми владеет монарх.

Конечно, можно оспаривать справедливость такой точки зрения. Это и будет нормальная полемика в традициях демократического государства. Но считать создание такого произведения уголовным преступлением я оснований не вижу.

Михаил ЗЛАТКОВСКИЙ, член Союза художников СССР, лауреат 75 международных и всесоюзных премий, обладатель самой богатой и злой коллекции антигорбачевских рисунков (не судим):

— Я бы посоветовал президенту СССР: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Фигура президента — исторически любимый объект для карикатур, являющихся неотъемлемой частью культуры любой цивилизованной страны. →

УЖО ТЕБЕ, МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА?

Дежа мы все это, к сожалению, вю...

Хобби многих правителей было собирание карикатур на себя. Если де Голль не обнаруживал в утренних газетах изображения своего длинного носа, сразу же вызывал пресс-секретаря, чтобы сделать внушение: «Не рисуют, не издеваются, значит, не любят». И секретарь просто умолял художников потратить старику.

Премьер-министр Канады Малруни ежегодно оплачивает выставку карикатур на самого себя. Такая выставка была бы к чести и Горбачева — это же прекрасная косвенная реклама.

Что же здесь оскорбительного? Использование непристойных состояний, входящих в противоречие с моралью общества (например, растегивание ширинки), — нет. Обнаженного толстого мужика все привыкли видеть на пляже, в бане. Голый король? Но ведь это правда! Лидер без власти, без силы, без страны. Констатация очевидного факта.

Человек творческий имеет право прибегнуть к любой форме самовыражения — к слову, поступку, рисунку, актерской игре. Здесь — метафора, ассоциация с андерсеновским «голым королем». Интересная находка, профессионально я завидую художнику. Но продавец-то при чем?

Юрий КОСТАНОВ, начальник управления юстиции Мосгорисполкома:

— Закон у нас в этом смысле не совершенен — десять юристов будут утверждать одно, а десять — другое. Все слишком субъективно.

На мой взгляд, рисунок довольно неудачный. Но я бы не считал его оскорблением в уголовном плане, так как в нем нет ничего порнографического или непристойного. А вот в гражданском порядке я, как частное лицо, если бы художник изобразил так меня, обратился бы в суд за защитой чести и достоинства.

Защита чести и достоинства — неотъемлемое **ГРАЖДАНСКОЕ** право человека во всем мире. Честь Горбачева у нас защищают следователи. Суды определяют уголовное наказание. Вот бы спросить мнение самого **ЧАСТНОГО ЛИЦА**, которое теперь не понаслышке знает, что такое арест, хотя бы и домашний.

Не слишком ли жестоко, а, Михаил Сергеевич?

Отдел права и морали

Потянулись печальным клином из Москвы памятники.

Сколько лет я над ними издевался, а вот нате ж — жалко стало. Пусто без них будет, скучно.

Где теперь в пионеры приниматься? Цветам — возлагаться куда? Молодоженам — где фотографироваться? Тусоваться — где? И ниспровергать теперь — что?

Или настроим новых?

Коли денег не хватает, пойдем дедушкиным путем: затрем на обелиске в Александровском саду всяких марксов-прудонов-уинстэнлей и начертаем: Сахаров, Солженицын, Григоренко, Ельцин.

А потом и ставить монументы начнем: Ускорению, Перестройке, Плюрализму (вот с та-а-аким консенсусом!).

Что же все это напоминает? Наверное, это:

Я предлагаю Минина расплавить, Пожарского. Зачем им пьедестал? Довольно нам двух лавочников

славить, Их за прилавками Октябрь застал. Случайно им мы не свернули шею, Я знаю, это было бы под статью. Подумаешь, они спасли Расею! А может, лучше было не спасать?

До «лавочников», слава Богу, не добрались, но уж из «царей и их слуг» никого не забыли.

О том, как Ильич лично свергал крест великому князю Сергею Александровичу (фото 1), мы уже рассказывали. Вторым номером шел кремлевский памятник Александру II (фото 2).

Нет, памятник был, конечно, не ах. Еще когда строили, по Москве разошлась эпиграммка:

Бездарного строителя
Безумный выбран план:
Царя-освободителя
Упрятать в кегельбан!

Однако ж стоял себе спокойно, панорамы не портил, и только Советская власть обнаружила тонкий вкус, чтобы памятник снести.

Впрочем, вряд ли эстетические требования решали дело. Тем более, что только Особая комиссия Наркомпроса могла «определить, какие памятники подлежат снятию», — в соответствии с «Декретом СНК о памятниках Республики». Но поскольку между декретом и ломанием креста прошло каких-то двадцать дней, остается предположить, что единственным критерием был лично Владимир Ильич, который «вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам».

К последним относился и памятник генералу Скобелеву, освободителю Болгарии (фото 13), самочинно распиленный рабочими «Гужона», и опекушинский Александр III у храма Христа Спасителя (фото 3).

Пушкин с Федоровым (фото 4 и 5) тоже, конечно, мешали, потому их непрестанно выселяли с обжитых мест. Но снести не решались. Рука поднялась почему-то только на Гоголя: андреевского (фото 6) махнули на томского. Да еще на пьедестале написали: Николаю, мол, Васильичу от Советского правительства. Когда я заинтересовался у одного известного писателя, что бы могло появиться на этом месте под более приличествующей вывеской, например, «Советскому правительству от Николая Васильевича Гоголя», ответ был поразительно точен:

— Нос, конечно!

Впрочем, Гоголь появился уже после войны, а начало монументальному бесиву положил в 1918-м такой изысканный по стилю документ:

«Совет Народных Комиссаров 30 июля с.г., рассмотрев проект списка памятников великих деятелей социализма, революции и проч., составленный Народным комиссариатом по просвещению, постановил:

а) поставить на 1-е место постановку памятников величайшим деятелям революции — Марксу и Энгельсу;

б) внести в список писателей и поэтов наиболее великих иностранцев, например Гейне;

в) исключить Владимира Соловьева...»

Компания подобралась — просто «на брудершafft». Комиссаржевская и Брут, Каляев и Толстой, Гарибальди и Врубель, Шопен и Плеханов...

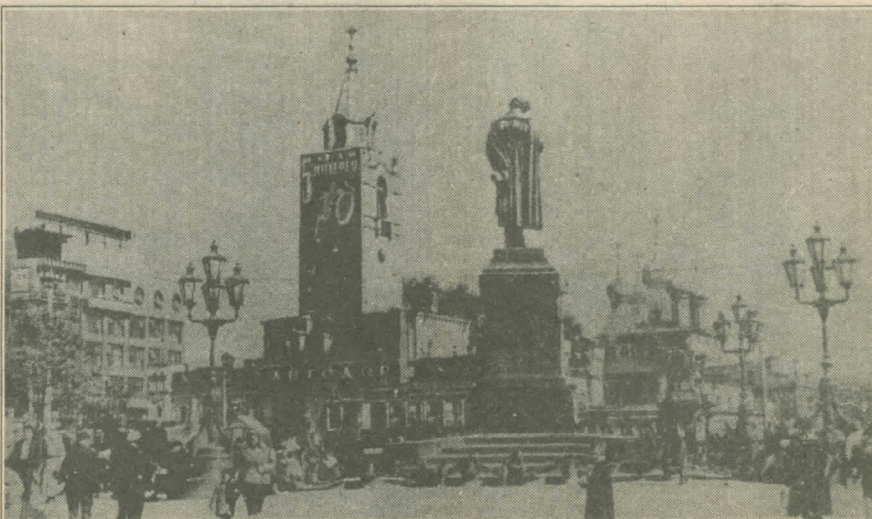
Все 66 кандидатур «огранить» не удалось, ограничились двадцатью семью. Но — гипс был хрупок (какой

6. Москва. Памятник М. Д. Скобелеву.
Илл. Д. Хромова и М. Бурлака.

Памятник Александру III и кафедральный собор Христа Спасителя. Москва.
Monument à l'Alexandre III et Cathédrale du St. Sauveur. Moscou.

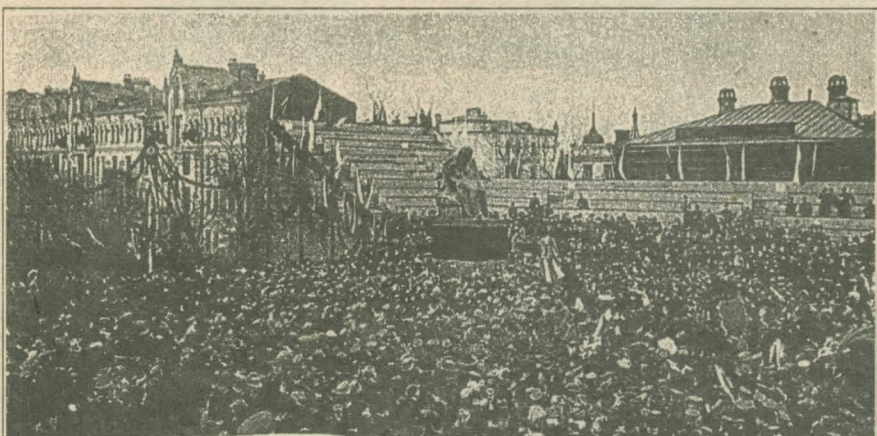
там гранит!), и памятники разваливались. Робеспьер — «ввиду неправильного расположения центра тяжести», Радищев — размок под дождем (фото 7), а «изувеченный» Королевым Бакунин (фото 8) так и не был открыт, поскольку Ленин не любил футуризма.

Из 27 сохранилось 5. На смену им пришли девушки с веслами, павлики морозовы, ну и, конечно, — вожди. Самый грандиозный, меркуровский, встал на Выставке достижений, у павильона механизации (фото 9), чуть помельче — перед Третьяковкой, сменив на посту Ильича. И только совсем недавно здесь появился тот, кто по праву заслуживает памятника, — основатель галереи Павел Третьяков (фото 10, 11, 12).

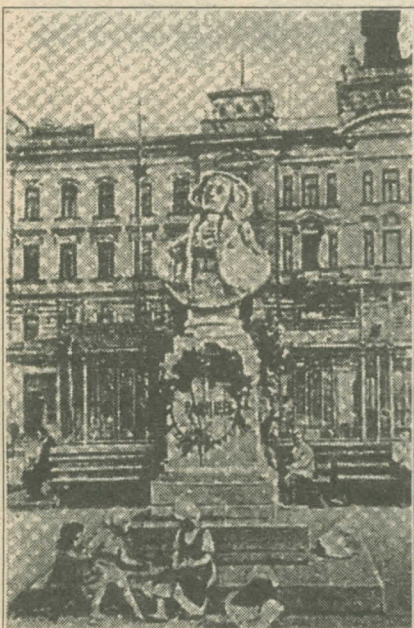
Такую же тройную смену караула претерпела Советская площадь. Памятник Свободе (свободе?) исчез с площади накануне войны, и уже 37 лет здесь гарцует Юрий Долгорукий (фото 14, 15). «Я видел скульптуру Фидия, — говорил Илья Эренбург, — и каждое утро вижу скульптуру Долгорукого. Если это прогресс, то я готов выбраться из окна».

Что было дальше — мы видели. А потом у нас вдруг открылись глаза: памятники, мол, невысоких художественных достоинств — и мы их сносим.

Сносим, потому что революция. Сносим, потому что кипит, потому что страшно. Снести, пока не ут-

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА Н. В. ГОГОЛЮ.
Москва, 26 Апрель 1909 г.

ряслось. Снести, чтоб не перевернулось. В залог демократии.

Но поскольку не это решает судьбу революции, выглядит такое ниспровержение пошло. Не там ищем дракона.

Чего мы боимся в своей истории?

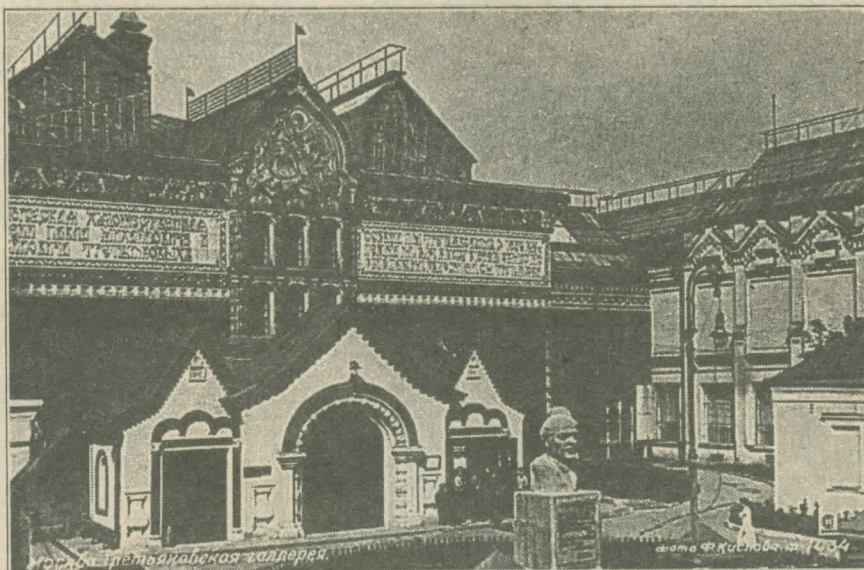
Плевали мы на эти монументы сорок лет — будем плевать и дальше. И выше. Тем более, что воспитательного значения в памятниках — пшик. Еще Петр Васильевич Шумахер по поводу памятника Крылову сочинил такой стишок

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся вокруг него
ребята,
И думает себе: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»

Подумаем, ведь Дзержинский в мирном, веселом, правовом государстве — это же писк, это как пикантно, как забавно, как, наконец, великодушно и беспечно! Ведь именно это и говорило бы о том, что мы ни хрена не боимся...

Оставьте их. Будьте великодушны. И если вам не дает покоя бронзы многопудье, то пусть нам лучше общим памятником будет — низвергнутый в боях социализм...

**Владимир ДРИБИНСКИЙ,
Николай МАЛИНИН**
Фото из коллекции Владимира Дрибинского

ОТ РЕДАКЦИИ: Когда материал готовился к печати, пришло грустное известие — Владимир Артурович Дрибинский ушел из жизни. В его фотоаппарате осталась пленка с пустым постаментом из-под Калинина...

Король Кузнецкого моста

Старая Москва оставила нам свои особняки, гигантские здания доходных домов, бульвары, заасфальтированные булыжные мостовые. Цивилизация недвижимости, в которой живет уже другое племя.

Потопом нового мира были смыты со старых московских улиц и целые цивилизации ремесел. Цирюльники из Зарядья, вездесущие торговцы-говорунуны с их фольклором: «Теща околела — язык продать велела», выносливые трактирные половые, китайцы-прачки, ассирийцы-чистильщики обуви.

Вы обращали внимание — в кабинках «Ремонт обуви» на вокзалах и у станций метро в центре сидят мужчины и полные женщины с похожими носами и одинаково кивают: «Нет гуталина, нет. Фабрика не дает,

нет». (Гуталина, действительно, нет. И ботинки почистят не везде.)

На Кузнецком мосту напротив «Внешэкономбанка» еще одна кабинка. И у хозяина нос похожий.

— Чистите?

— Нет гуталина, нет. Не чищу я.

— А давно нет?

— Давно, давно. Раньше отцы наши сами варили. И все было.

— А отцы ваши — кто были?

— Как кто — ассирийцы...

Вот так мы и познакомились. Значит, ассирийцы-чистильщики не пропали. Отец шестидесятичетырехлетнего Ваню (для меня — дядя Ваню), Вард Мурза, попал в Москву перед первой мировой войной вместе с сотнями других ассирийцев, которые спасались от турок, устроивших резню. Языка русского они не знали,

кормить семью надо было. Мамы-ассирийцы завели тогда в которых носили нехитрые и инструменты чистильщиков обуви. Они дали рецепты, и сами варили сходный гуталин.

Стали ходить по городу. Крам, ресторанам, магазинам. Там стами показывали, что могут стирать обувь.

Многие из них поселились на мотечной улице в доме № 3. Четырехэтажный «ассирийский» дом на мотече. Дядя Ваню говорит, что жили кучно.

— Если комната метров пятьдесят, наверняка жило в ней четверо-двенадцать. Приходили, предлагали расселиться. «Не надо, — говорили ассирийцы. — Нам хорошо, мы выкли».

Дядя Ваню стал помогать отцу с десяти лет: ходил с ним и носил его ящик. Матери уже не было в живых. Сыновья должны были наследовать отцовское ремесло.

— А сколько, дядя Ваню, будок в Москве?

— Да пятьсот — шестьсот будет.

— И все ассирийцы — чистильщиками?

— Должно быть. У нас места по наследству передавались.

Дядя Ваню на Кузнецком мосту почти тридцать лет работает. Великий Ваню, король Кузнецкого моста. Все старожилы знают его.

— В ящике гуталин носили, черный и коричневый, щетки, бархоточки для блеска. Коричневые-то были не у всех. Они какими-то джентльменами удачи считались, которые в коричневых. И парусиновые туфли все носили, белые и серые. Порошок «Альбин» разведешь с водой и зубной щеткой подкрашиваешь, подмазываешь, дня на три хватало.

— Дядя Ваню, а когда работали, вы приговаривали что-нибудь?

— А как же! Когда как говорили...

«Я чистильщик самый лучший, Знает весь Кавказ.

Подходи — удобный случай Посмотреть на нас».

— А еще, дядя Ваню?

— «Чистим кремом, гуталином, Чистим в две руки,

На каблук кладем резину, Вешаем шнурки».

Дядя Ваню сидит теперь в кабинке на месте клиента. Рядом всегда кто-нибудь из его знакомых. Сегодня я вместо знакомого. Дядя Ваню ящик, на который клиент должен ставить ботинок, выкинул. Стельки, шнурки продает...

— Дядя Ваню, плохо видите?

— Совсем ничего не вижу...

Дядя Ваню если не шутит, то все равно говорит шутливо. Заметить, что он слепой, трудно. Стельки выбирает, продает. Когда говоришь с ним, смотрит как зрячий. Но шнурки просит брать самим и сдачу забирать.

Сидим, слушаем, как люди ходят по старой мостовой. Женщины перестукиваются каблуками.

— Вчера, дядя Ваню, стелек больше брали...

— ...А сегодня меньше.

На работу и с работы его провожает жена. Эта будка фабрики службы быта записана на нее. Кто же слепого дядю Ваню на работу взял бы? План шнурков и стелек — двести рублей в месяц. Пять рублей стельки и рубль шнурки. Но дядя Ваню хитрый, сколько зарабатывает сам, так и не сказал.

— А про других ассирийцев вы что знаете?

— А ничего не знаю. Так знаем мы друг друга все, кто умирает, знаем...

Все об ассирийцах-чистильщиках, по словам дяди Ваню, знает Арам, который работает на Колхозной площади. Арам — уважаемый среди ассирийцев человек: воевал, архитектором работал. Кстати, он двоюродный брат жены Ваню. Но все знает об ассирийцах-чистильщиках, по словам дяди Арама, только Андрей. Который работает у Лермонтовской...

Константин ЖУРОМСКИЙ

Фото В. Шишова

Мужчи-
ящики,
инстру-
Доста-
и прево-

К теат-
ам. Же-
ут почи-

ь на Са-
Четыре-
м на Са-
что жи-

пятнад-
человек
едлагали
говорили
мы при-

«ЖИВИ НЕ ЛОЖЬЮ — ВСЕ БУДЕТ ПО БОЖЬЮ»

Секретарь Германской Епархии Русской Зарубежной Церкви священник Николай АРТЕМОВ отвечает на вопросы обозревателя «Столицы» Михаила ПОЗДНЯЕВА

Фото Э. Кудрявицкого

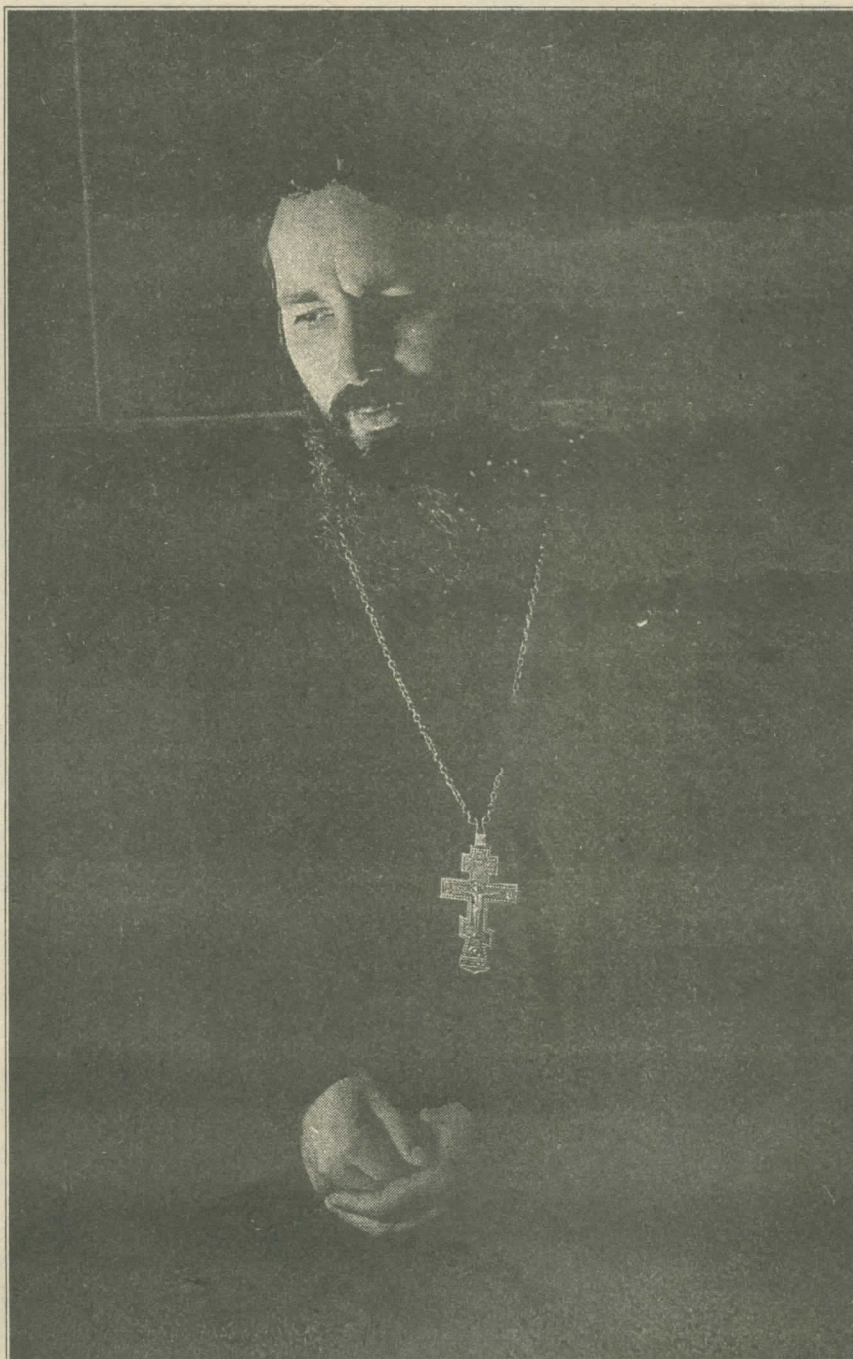
О том, как отец Николай — русский по крови, уроженец Германии, подданный Франции — оказался во дни путча в самой гуще событий в Москве, мы рассказали в № 33. Но все это было «вне программы» его приезда в Россию. Что же до программы — одним из ее пунктов значился визит в редакцию «Столицы».

Вот фрагменты нашей долгой беседы. Мы вели ее 14 августа, в первый день Успенского поста. Спустя несколько дней случилось то, что случилось; перечитывая еще через две недели расшифровку интервью, я поначалу думал о каких-то дополнениях и уточнениях, с оглядкой на события. Но, вчитываясь в текст, понял: нет, пусть будет все как есть. Некоторые акценты, сделанные о. Николаем, сегодня звучат даже острее и убедительнее, нежели тогда, 14-го числа.

И это — лишнее доказательство важности самой темы разговора...

— Первый раз я приехал в Россию в мае по приглашению музея Достоевского в Старой Руссе, на международные чтения, шестые по счету. О Достоевском я в университете еще работу писал, это моя филологическая стезя была, и я наработал достаточно, чтобы говорить такие вещи, которые могут интересовать русских людей сейчас. Церковность у Достоевского — очень серьезная и неразработанная тема, о чем именно я и читал доклады, сперва в Старой Руссе, потом в Питере.

Но, не скрою, приехал я и по другим причинам. Я все-таки священник, у нашей Зарубежной Церкви сейчас развилось активное общение с Цер-

ковью, бывшей полвека в катакомбах, о чем советские люди практически ничего не знают; теперь многие из «катакомбников» выходят на поверхность и заявляют о своем переходе под омофор нашей Церкви. Об этом процессе у вас пишут, но все как-то путано, и не только атеистам, но и православным людям попросту неясно, о чем речь...

В те дни, что я был в Питере, там собрался всероссийский съезд... ну, это слово такое громкое — «съезд», но действительно съехались около тридцати священнослужителей нашей Церкви из приходов, заявивших о себе в последний год.

Вспоминая два дня съезда, скажу: то было очень важное для меня событие. Я чувствовал себя в этом общении д о м а. Русская Церковь, конечно, — везде Церковь, и русские есть русские; но мне было любопытно посмотреть на некоторых священнослужителей, которых я бы просто записал в старых эмигрантов (отец Андроник из Крыма, к примеру, орденоносец второй мировой войны, занимавший довольно высокое положение), — и мы понимаем друг друга без оговорок.

— Не есть ли это сугубо психологический эффект — просто оттого, что все кругом говорят по-русски?

— Ну, во-первых, наша языковая изоляция вне России вовсе не такая жесткая, мы и служим в храмах по-церковно-славянски, и общаемся на родном языке с прихожанами. Нет, тут было главное — то отрадное, что хотелось бы видеть в общении всей Русской Православной Церкви. Обсуждение главных, больных вопросов без лукавства и умолчаний. Мы ведь не говорим, будто Русских Православных Церквей несколько. Это одна Церковь. При всем, что разделяет нас, «иже в рассеянии сущих», и Московскую Патриархию, в главном мы неразделимы: это судьба России, судьбы миллионов наших соотечественников, — все переплетено. Расплести это сумело только Ленинградское телевидение, которое взяло у меня интервью — и потом вырезало все, что только можно. Создавалось впечатление, совершенно беззубое, что, вот, еще один эмигрант приехал погостить и что-то там про эмиграцию рассказывает...

— Знаете, отец Николай, таких «беззубых» историй уже довольно набирается; и рассказ о Свято-Троицком монастыре в Джордан-

вилле, в США, прошедший по Центральному ТВ, и интервью с отцом Виктором Потаповым, ведущим религиозных передач «Голоса Америки», в официальном органе Московской Патриархии — газете «Церковный вестник». Все это — самая настоящая цензура, если не сказать «шулерство».

— Я с этим в России сталкиваюсь на каждом шагу. Вот я сейчас приезжаю во второй раз. И мне сообщают, что я делегат «Конгресса соотечественников». Но ведь наша Церковь, приглашенные на «Конгресс» ее священники объяснили: увы, мы не можем участвовать в заседаниях под эгидой Московской Патриархии.

Я хотел бы так это понимать, что вышло недоразумение. У нас, еще в первый мой приезд, зашел в Моссовете разговор о некоем свободном «круглом столе» с участием наших священников и московских, с обсуждением наших общих проблем. Но я подчеркнул: только не под эгидой церковного руководства, а в качестве частных лиц. Вы меня поймите: если я сяду за такой стол в Свято-Даниловом монастыре или в Троице-Сергиевой Лавре, моментально кем-то из собеседников, а еще хуже — в печати, будет создано ложное впечатление. Я настолько мал и бессилён, что даже не смогу опротестовать сообщенное. Я уже научен горестным опытом и слишком вижу, что все совершается очень целенаправленно. Приходится быть жестче, чем хотелось бы... Мне скажут: но ведь это в ущерб делу! Да, выходит так. Но отвечать за ложные ситуации должен тот, кто их создает.

— Отец Николай, в течение последнего года Святейший Патриарх Алексий II в многочисленных интервью, опубликованных миллионными тиражами, подробно останавливался на сути конфликта с Зарубежной Церковью, как он представляется Его Святейшеству. Получается такая картина. В СССР полным ходом идет демократизация. Церковь, бывшая в опале, ныне в чести; люди тянутся к вере, возрождаются храмы, открываются «воскресные школы». Патриархия активно занимается делами милосердия, всю зиму и весну распределяла приходящие из-за границы посылки с продуктами и одеждой. И в это же время — уж простите меня, но я почти дословно цитирую, — Зарубежная Церковь встала на путь раскола,

выдвигает различные ультиматумы, требует от Патриарха публичного покаяния, от Патриархии — прекращения международного сотрудничества, от пастырей Московской Патриархии — проповеди антисоветизма... ну и так далее, вы это все сами читали.

С другой стороны, явно симпатизирующая вам демократическая пресса сводит предмет такого вот заочного «диалога» ваших и наших иерархов к «личностям и количествам» — поискам «компромата» на то или иное видное лицо из окружения Патриарха, да и на него самого...

Как бы вы оценили отношения Зарубежной Церкви и Московской Патриархии (или их отсутствие) в контексте того, что мы называем «гласностью»?

— Я обратил внимание на то, что в совершенно искренних дискуссиях со священниками Московской Патриархии, которых я знаю и уважаю, аргументы воспринимаются чаще всего именно, как вы выразились, в плоскости «личностей и количеств». И очень трудно воспринимаются собеседниками принципиальные церковные вопросы. Это странно: ведь священник — не журналист, он призван это в первую очередь различать. Ересь, предположим, — одно дело, а еретик — совсем другое дело. Или покаяние: смешивается личное («Я с КГБ не сотрудничал») и общецерковное, а именно позиция, которую исповедовали здесь десятки лет, искали ей оправдания, даже и у святых отцов, даже и в Евангелии — то есть идея на подлог...

Твое счастье, если ты родился после сталинских репрессий, допустим. Но ты — священник, ты служишь, соучаствуешь в этом организме, и ложная позиция, служившая в оправдание и террора, и много чего еще, — она ложится и на твои плечи. Это — не политический, это — вероучительный момент, момент церковный, «во ушию всех» высказанный, — и он требует церковного же и разрешения.

Вот Алексий II в «Литературной газете» 28 ноября прошлого года заявляет: да, мы брали на себя грех неправды, но мы перед народом не виноваты, а перед Богом — всегда калялись... И очень многие говорят: вот оно, покаяние, о котором просили «зарубежники»!

Но личное покаяние Алексия II — это элемент его келейной жизни. А высказанная перед народом «неп-

равда» — то есть л о ж ь — это, простите меня, соблазн. Соблазн «малых сих». И если ты его не исправляешь — ты не снимаешь с «повестки дня» ложный принцип, высказанный одним из твоих предшественников в 27-м году от лица Церкви.

Представьте какой-нибудь приход где-то в провинции, и вот батюшка собрал всех и говорит: «Я, знаете, дорогие мои, вам лгал. Но вас не касается, в чем именно эта моя ложь, потому что перед Богом я покаяться. Так что давайте теперь дальше жить и строить наш приход!»

Мне это кажется нестерпимым — а чувствую, что многие люди этого как будто не сознают.

Вы спрашиваете: как вы выглядим мы, Зарубежная Церковь, в советской официальной печати, если отрешиться и просто глянуть со стороны? Это — совершенно четко могу сказать — «образ врага». Про нас чего-чего не пишут: и «раскольники», и «захватчики», и «пособники ЦРУ»...

— А в церковной среде еще и считают, что вас содержит КГБ, которому выгодно таким образом подорвать нынешний престиж Церкви...

— Ну вот, видите, также и это...

Я родился в 1950 году, когда сталинщина лила на эмиграцию помой уже лет тридцать, и прожил в этой обогланной эмиграции сорок лет. Я все это с младенчества испытал — и меня ничем не удивил. Вот сейчас Солженицына опубликовали, слава Богу, — но ведь что было двадцать лет назад?! «Литературный власовец», «предатель», «государственный преступник!» Это не 70 — это 20 лет назад. И я там 20 лет назад был, в Цюрихе, когда Солженицына выслали, я его там видел и с ним разговаривал. То есть мне все эти обманы привычны. Но сейчас они вдвойне неприятны. Потому что, во-первых, они никому не нужны, не идут на пользу. И, во-вторых, потому что это опять идет от лица Церкви. Этого лица я у Церкви никогда не признаю!

Сразу после избрания Алексиса II, я помню, было сообщение агентства «Новости», будто бы наш Синод требует от Московской Патриархии прекращения всех международных контактов, потом — нечто похожее в интервью главы Московской Патриархии газете «Русская мысль», потом в каком-то кенигсбергском молодежном журнальчике заявление владыки Кирилла (Гундяева), тоже такого характера. И когда все это и еще многое другое собирается, видишь: это — не оговорки. Это умысел.

Нас обзывают упрямыми, а позицию нашу представляют неконструктивной. В этой связи я вам еще пример приведу. В первые дни своего нового назначения Алексис II заявил: «зарубежники» — обманчики,

они нам обещали не вторгаться на нашу территорию, а теперь изменили данному слову и начали экспансию. Я страшно был заинтригован: а когда же и где же мы могли такое обещать? Я уже обыскался — но нашел. Однажды, в интервью «Голосу Америки», наш первоиерарх митрополит Виталий сказал следующее. Для нас, говорил он, важно не открытие своих приходов в России... причем владыка Виталий не говорил о «территории Московской Патриархии» — ведь это монополия сомнительного происхождения... мы не стремимся, говорил он, к созданию «параллельных приходов», мы только хотим, чтобы Московская Патриархия отказалась от ереси «сергианства» и признала Святых Новомучеников. И это было бы путем к нашему соединению, потому что Московская Патриархия тем самым отказалась бы от лжи в пользу Истины. Я неточно цитирую, но смысл именно такой. Сказано было так. А сделано из этих слов — совсем другое.

Но еще до того, как я нашел эту цитату, мне было ясно, почему владыка Виталий никак не мог обещать Московской Патриархии не образовывать в России приходов. Ведь мы знали, что существуют катакомбные приходы в СССР, существуют давно, у них есть достойный епископ, и так сложилось исторически, что у нас с ними было евхаристическое общение, поэтому сказать, что свободных приходов в России не будет, значило бы предать всех этих людей. Они есть. Сегодня они открылись, вышли из катакомб. И это обстоятельство на всех нас за рубежом налагает сугубую ответственность.

Именно эти люди явили сонм новомучеников, они в тюрьмах и лагерях совершали Божественную Литургию, за отсутствием Святаго Престола, на груди того из них, епископа или священника, кому назавтра идти на этап или на казнь. И мы, и Московская Патриархия должны свидетельствовать об Истине не только пред Лицом Божиим, но и перед этими святыми людьми.

— Простите, но теперь я хотел бы уяснить несколько вопросов, весьма щекотливых. Задаю их отчасти и потому, что в последнее время именно на них делается упор в официальных документах Московской Патриархии... Говорят, например, что Зарубежная Церковь покровительствует «Памяти», активно внедряет в массы идею «жидомасонского заговора».

— В отношении «Памяти» владыка Марк, правящий архиерей Германской Епархии, высказался еще тогда,

когда в Москве об этом не заикались: отношение должно быть осторожным, налицо безусловно правильные ценностные стремления русских людей к восстановлению наследия, но похоже, что это уже используется другими силами. Уже тогда, кажется, намечался раскол в «Памяти» — и мы это видели и анализировали. Стало ясно, что патриотическое движение в России тянется в самые разные стороны.

Отрицать существование масонства и его участие в событиях русской истории, по-моему, не стоит. Так же как и развивать параною об их всеисилии — да и о всеисилии вообще ко-го бы то ни было, кроме Бога. Я встречал людей, у которых на эту тему буквально мания преследования развилась. Этого надо опасаться, потому что это совсем не православный подход.

Масоны вредны главным образом тем, что их существование может довести человека до состояния, когда он будет думать о масонах больше, чем о Христе. Знаете, я вчера был в Троице-Сергиевой Лавре, и мне там один из насельников заявляет: «Вы служите жидомасонам», — исходя из того, что мы там, на Западе, поминаем власти, а власти там, как он думает, — сплошь иудео-масонские! Я подумал: что-то знакомое. И вспомнил: это же мотив одного из интервью Алексиса II «Комсомольской правде», что мы, дескать, здесь насаждаем миф о масонах, а сами им служим; призываем Московскую Патриархию отказаться от союза с коммунистами, а сами отчего-то не анафематствовали масона президента США!

Ходишь среди всего этого и думаешь: «А в каком я мире живу?»

Православный человек должен знать, что анафема — отлучению от Таинств Церковных — подлежат лишь православные, и причем лишь те, кто находится именно в твоём духовном руководстве. Отлучить президента США от причастия в нашем храме... ну, это было бы затруднительно даже чисто абстрактно, да?

Но вот и в Лавре, в православном монастыре, священнослужитель мне заявляет: «А вот почему вы не анафематствуете масонов?»

Я вскинулся: «Как так?!» Ведь на Торжество Православия, вы, наверное, знаете, читаются в Соборных храмах так называемые «анафематизмы» — и среди них есть формула, включенная нашим Собором еще в тридцатые годы, об отлучении, которому подлежат теософы, масоны и прочие маги нового времени. Зачем это было сделано? Чтобы наша паства знала: это вещи, несовместимые с Православной верой. Только и всего.

Точно так же, кстати, есть у нас анафема на экуменизм — то, что на языке Московской Патриархии на-

зывается «международными контактами». Может быть, ее мне поставят в упрек? Но что в этой анафеме выказывается? Там четко заявлено: учение, будто Церковь разделилась на ветви и должна быть каким-то образом собрана воедино (пресловутая «branch theory»), — это лжеучение. Ересь. И когда мы в Послании к 1000-летию Крещения Руси с сожалением отказались от участия в торжествах, мы, наряду с проблемой «сергианства», компромисса с безбожной, богоборческой властью, называли причиной нашего отказа все эти «совместные моления».

И такая позиция — раскольничество?

Я видел в одном журнале фотографию: стоит идол, индейский тотем, и перед ним, вместе с колдуном в уборе из перьев, — протестантский пастор, потом чуть ли не кришнаит и... православный священник! Если Московская Патриархия заявляет, что она таким образом «свидетельствует всему миру о чистоте Православной веры», то я, увы, не могу с этим согласиться. Но если кто-то из этого сделает вывод, что я готов сейчас откусить голову протестанту, — простите, я у них читаю доклады. Я недавно был на приеме у католического епископа Баварского — там были и греки, и сербы, и сирийцы, и другие православные священники, и я вместе с ними обсуждал самые разные вопросы, в том числе весьма спорные, например, о женском священстве... ну и что? Разговаривать я готов... почти с каждым, но совсем другое дело — совместные моления.

Увы, об этом мало говорится сегодня в России, лишь года полтора назад были опубликованы рассекреченные документы, свидетельствующие, что идея экуменизма внедрена была в Московскую Патриархию в 1961 году из КПСС и КГБ — эти «моления» нужны были этим органам как ширма для своих дел в самых разных краях мира. Есть давняя традиция в этом подкопе под Церковь. Мы ее знаем. И стараемся... не поддакивать.

— Еще вопрос — опять-таки, не мною придуманный, так что простите. На ваш упрек Московской Патриархии в союзе со Сталиным в ряде газет последовал упрек, обращенный к Зарубежной Церкви, в союзе с Гитлером...

— Ну, что же можно сказать. Действительно, когда началась война, были выступления отдельных священнослужителей. Это понятно: война. Не будем вспоминать, что творилось в СССР на оккупированных территориях, где германские власти тотчас открывали закрытые Сталиным храмы. Войны — страшное испытание как для народов, так

Фото В.Ванина

21 августа, полдень, Москва.
Балкон «Белого дома».
Молебен Святым Новомученикам Российским
служит о.Николай АРТЕМОВ

и для каждой личности... Но что я обязан, отвечая вам, подчеркнуть: наш Синод такой позиции не благоволил четко. Наш тогдашний первоиерарх митрополит Анастасий был человек очень ясной духовной позиции. Это он, между прочим, писал сан интронизации св. Патриарха Тихона; и опять-таки, для тех, кто считает, что наша церковь изоляционистская, никем не признается, никакого общения не имеет, — владыка Анастасий рукополагал в Иерусалиме епископа Тимофея, который впоследствии стал Вселенским Патриархом... Но это — особая тема.

Так вот — о войне. Наш Синод запретил какие бы то ни было моления в пользу немцев и повелел молиться только о спасении России. Такая молитва читалась и до войны, читается и сейчас, она печаталась в газете «Путь» Анищенко и Аксютчица, христианских демократов и народных депутатов. В этой молитве есть слова о желаемом освобождении Отечества нашего «от лютых безбожников и власти их», но нет ни слова о суде над ними, мести или каре. Напротив — есть слова: «Отступившим от Тебе, Господи, и Тебе нищущим явлен буди, во еже ни единому от них погнубити, но всем спастися и в разум истины прийти...» То есть я как православный человек не

могу примириться с тем, чтобы процветала безбожная власть. Но это не вопрос уничтожения людей. Это вопрос их прозрения. Их обращения к Истине.

Вот эту молитву наци иерархи и пастыри и творили во дни войны.

Немцы произвели два обыска у владыки Анастасия. Его архивы бесследно исчезли. Ему предлагали открыто поддержать восточный поход Гитлера. Он наотрез отказался. И это что-то да значило.

Ну и наконец. В документах Московской Патриархии, упрекающих нас в пособничестве фашистам, умышленно сделана подтасовка: Германская Епархия смешана со всею Зарубежной Церковью. В Германской Епархии тогда было 25 приходов. А всего по миру — и в Америке, и в Сербии, и на Дальнем Востоке — около тысячи! То есть речь может идти всего лишь о двух процентах...

Я могу привести, кстати, столь же убедительные факты и из жизни Германской Епархии, но и без того вам должно быть ясно, что мы имеем дело не с чем иным, как с недобросовестностью. В самых грубых формах.

— Теперь еще такой вопрос — из тех же первоисточников. О праве обличать Церковь-мученицу —

имеют ли его те, кто пребывал весь наш век в безопасности и комфорте?

— Вы знаете, мы ведь все-таки в эмиграции не перестали быть русскими. Беженцами. И нашей родной считаем не ФРГ, не США — но Россию. Комфорт? Бытовые условия наших архиереев — аскетические, в сравнении с тем, как живет нормальный советский архиерей. О бедности наших приходов я вообще умолчу. Безопасность? Да, в России за Веру Христову погибли миллионы, и среди них — немало наших родственников, наших близких, да и наконец все они — наши братья и сестры. Но, поверьте, многие и очень многие из нас чувствовали себя подчас ничуть не в большей безопасности, чем, допустим, в Патриаршей резиденции в Чистом переулке.

Я помню, мне было лет пять, когда моя матушка крепко меня отчитала за то, что я взял у незнакомого дяди на улице конфетку: она могла оказаться отравленной. Я помню, после того, как в 400 метрах от нашего дома взорвалась бомба, на нашего хозяина посыпались анонимки: «С твоим домом будет то же самое, если не выживешь Артемовых!» И он стал нас выживать. С этими органами моя семья знакома не понаслышке. Дед мой по материнской линии, Редлих, сидел на Соловках, и Пешкова, как известно, многих спасшая по линии Красного Креста, уговорила какого-то богатого немца, он заплатил баснословную сумму — и дед с бабкой и их семеро детей выехали в Германию. Так моя мама в 1933 году, сделав свой вклад в индустриализацию Страны Советов, попала от Сталина к Гитлеру. Отец мой, Зайцев (Артемов — его псевдоним), был офицером, ходил занимать Польшу; на фронте, в Прибалтике, попал в окружение, пытался выйти — не смог, попал в плен. Его история — драматическая, долгая, ее нельзя пересказывать вскользь... Власовец — для вашего уха звучит ужасно, так? Но вам ведь еще ничего о Власове не известно. Для жителей Праги он сегодня уже освободитель (и это правда: власовская армия выбила эсэсовцев из Праги), а в Москве времена еще, как видно, не подошли для такого разговора. Но факты таковы, что отец пришел к Власову из соображений идейных, выношенных, стал автором Власовского Манифеста в его 14 пунктах. Как-то во всеуслышание он заявил, что народная демократия, к которой мы все стремимся, не должна давать шансов прихода к власти ни недоучившемуся семинаристу, ни ефрейтору... Его спешно пришлось тайными путями вывозить в Данию. Власовское движение всегда отличалось независимостью, почему Гитлер его и не

допускал до настоящего дела... В самом конце войны на отца готовилось покушение, его предупредили, он опять бежал — в Альпы.

Когда история всерьез займется такими судьбами, многое выяснится, многое станет нам понятно. И мы, наверно, не возьмемся с легкостью рассуждать, кому безопаснее жить в нашем веке.

— Ваш отец жив?

— Да, он четыре десятка лет поработал в издательстве «Посев», много написал, и о нем немало написано. Он и сейчас трудится, выходят его статьи.

— Вы — русский человек. И ваше возвращение в Россию естественно — хотя вы мне и сказали на днях, что не думали когда-нибудь здесь очутиться. Вы не разочарованы? Как вы смотрите в будущее — уже, по-видимому, не мысля себе разлуки с обретенной родиной?

— Конечно, я жил этим и только с этим связывал свое будущее. Поэтому и окончил Франкфуртский университет по славистике и восточно-европейской истории, защитил магистерскую диссертацию о Достоевском. Спустя год возник вопрос: не учиться ли мне на священника. По благословию митрополита Филарета и старца нашего владыки Андрея — он еще соборовал старца Нектария Оптинского, был его последним посетителем в ссылке — я встал на это поприще. Нынче справил десятилетие своего священства.

Зачем же это все было со мною, если не для того, чтобы быть с Россией?..

Нас наши оппоненты укоряют в изоляционизме. Но это смешное обвинение. Так говорить могут лишь люди, не видящие кругом себя перемен. Они гордятся своими трудами по распределению посылок к Рождеству, присланных из Германии. Но они, конечно же, молчат о том, как, воспользовавшись услугами КГБ, задержали грузовики с продуктами, отправленные мною, с указанием человека, которому мы доверяем эти посылки в России распределять. Как назвать такой поступок? И те же люди, которые двигали этой операцией, называют нас «расколниками»!

И вот какое я вижу здесь общество, таким оно сегодня нам предстает и там, в Германии. В новой волне эмиграции, действительно, много мусора, корыстных дельцов. Но с ними как раз мы сталкиваемся меньше всего. А общаемся — с детьми, больными «лучевкой», лежащими в наших госпиталях. Их надо крестить, причащать и, к прискорбию, хоронить. Наша русская паства в Германии — это и их матери, нуждающиеся в утешении. Это и солдаты-дезертиры, которых отлавливают специальные команды по лесам. Я

знаю мальчишек, живших в ноябре в лесу в одних рубашках. Потом они залезли в заколоченную дачу, их там «накрыли», они угодили в тюрьму. Я их там навещал. Что с ними будет дальше, если они попадут в руки военной прокуратуры, не знаю. Не могу исключить такой беды. Хотя и пытаюсь им помочь...

Нам говорят, что мы принимаем под свой омофор недостойных священников. Наверное, в семье не без урода. Могу, однако ж, сказать, что в Зарубежной Церкви такие дела решаются строго по канонам. Но ведь люди не возникают из ничего. Я до сих пор не могу понять, каким образом одним из архиереев-кандидатов на выборах Патриарха выступал человек, аттестованный в печати как «добрый семьянин»! И это правда. И об этом знают все. Как же он может рукополагать священников?

У нас недавно запросил священника один советский священник-турист. Приехал всей семьей: матушка, четверо детей. Я ему говорю: «Знаете, я не советую. У нас все священнослужители, чтобы не голодать, еще где-то трудятся. Что вы будете здесь делать?» — «Нет, я решил! Пути назад нет». — «Хорошо, — говорю, — а сам вдруг спрашиваю его супругицу: Матушка, а ведь ваши два сына от первого брака?» Оказалось: да! Я оторопел: священнику воспрещено жениться дважды и брать в жены разведенную. Я ему говорю: «Отец мой, как же так?!» — «А я, если что, развестись могу, я ведь с нею не венчан. Мне архиерей разрешил. Обвенчать вас, говорит, нельзя, распишитесь в ЗАГСе и живите так!» Я ему тогда сказал: «Знаешь что, иди — и постарайся быть добрым отцом хотя бы детям твоим». — Он машет рукой: «Да никто меня сана не лишит!» — «Ты перед Богом сана лишен».

Он меня, кажется, так и не понял. Я вам этот случай вот для чего рассказал.

Вот, представим, наконец, будут прославлены Новомученики — к тому идет. Удастся выйти из-под опеки КГБ. Что-то такое решится с «Советом Церквей» — этим распадником экуменизма. Слава Богу! Но — что далее? Ведь тогда только все самое важное для нашей Церкви и начнется.

Ложь просто так не изживешь. «Единожды солгавши — кто тебе поверит?» — сказано. Стало быть, нужно изживать ложь до конца. Всякие отсрочки здесь губительны. Нельзя более так обращаться с верующим народом.

И я свято верую, что народ, услышав всю правду, нисколько не соблазнится о ней, не смутится и не опечалится ею — но вздохнет наконец свободно.

Ф. СП-1

Открыта подписка на журнал «СТОЛИЦА» на 1992 год!

Подписка принимается во всех отделениях связи страны.

(Это значит, что для подписчиков экземпляр журнала обойдется в 1 р.; для сравнения: цена в розницу — 1р. 30к.)

Стоимость подписки: на три месяца — 13 рублей, на шесть месяцев — 26 рублей, на год — 52 рубля.

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

газету **73746**
на журнал (индекс издания)
ЖУРНАЛ «СТОЛИЦА»
(наименование издания)

Количество комплектов: _____

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ТВ _____ место _____ ли-тер _____ на газету журнал **73746**
(индекс издания)
ЖУРНАЛ «СТОЛИЦА»
(наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	_____ руб. _____ коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы)

Специально для подписчиков «Столицы» редакция подготовила большое количество призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1992 г. будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Пинская тип.

✂

Вырежьте купон, правильно заполните его и вышлите в конверте на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлению квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Импортные
видеомагнитофоны,
импортные и
советские
телевизоры, часы и
будильники,
фотоаппараты,
электрические
самовары,
электросветильники,
изделия из хохломы,
альбомы для
фотографий, книги,
наборы
мельхиоровых
ложек,
денежные призы —
все это вы
можете выиграть,
отправив по адресу
редакции
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

СВ: 250 м
(1206 кГц)

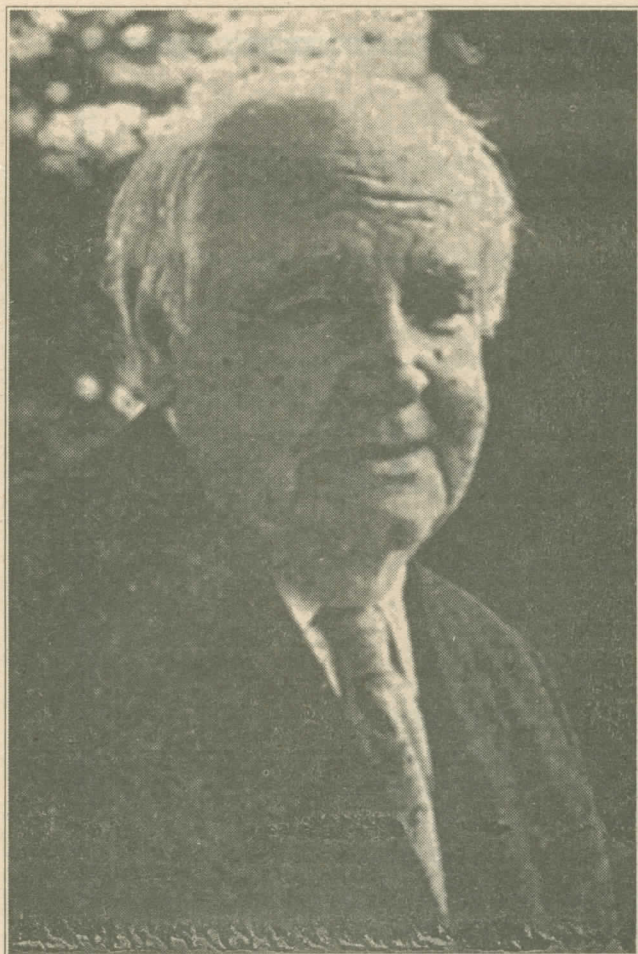
КВ: 49 м
(6165 кГц)

прорыв
в свободный эфир

Телефон для коммерческих
контактов:

191 91 51

МИРОСЛАВ КРЛЕЖА

НА ДАЛЕКОМ СЕВЕРЕ

Этот отрывок — впервые публикуемая на русском языке глава из путевого дневника югославского писателя Мирослава Крлежи (1893—1981), изданного в оригинале под названием «Пбездка в Россию. 1925 год». В наших литературно-политических кругах «Поездка» считалась сочинением крамольным и цитировалась только в отрывках, преподносивших ее смысл в искаженном, «правоверном» виде.

Сам Крлежа, хорват, большую часть жизни проживший в Загребе, — один из тех литераторов Югославии, чье творчество способствовало органическому вхождению этой страны в европейскую культуру XX века. Он интересен нам сегодня как тонкий наблюдатель человеческой природы, насмешливый памфлетист, обличитель каких угодно мифов: милитаристских, национал-патриотических, разоблачитель политических иллюзий и сословных предрассудков. К мифам, развеянным с помощью таланта и интеллекта М.Крлежи, относится и насаждавшийся в 20—30-е годы культ невежества и грубой силы. «Поездка в

Россию. 1925 год» развенчивает легенду о скоропалительном решении и разрешении всех человеческих проблем в Советской России. Как многие европейские интеллигенты — ровесники Крлежи, он искренне увлекался идеями социализма. Одно время был членом Коммунистической партии Югославии, но потом догматики исключили из своих рядов «еретика». От дальнейшей расправы писателя спасло вмешательство ставшего в те годы во главе КПЮ Иосипа Броз Тито, который понял, что столь крупную личность выгоднее иметь сторонником, чем врагом или жертвой. Рассказ М.Крлежи о жизни нашей страны в 1925 году — текст настолько яркий и образный, что он не нуждается в комментариях. Читатель оценит и его литературные достоинства, и гуманистическую направленность, и вольно или невольно прорывающуюся иронию в адрес как тех, чье время прошло, так и «новых хозяев жизни», не сумевших управиться с «обобществленными» богатствами.

Н.ВАГАПОВА,
кандидат искусствоведения

Это произошло в одном из северных губернских городов, где жителей было тысяч сорок. Если бы с грязного железнодорожного вокзала не доносились гудки паровозов, никто не удивился бы появлению в конце улицы Чичикова на его знаменитой тройке. Деревянные заборы, покосившиеся керосиновые фонари, телеграфные столбы с сидящими на проводах воронами; настоящий русский «бидермайер» с деревянными колбнами перед двухэтажными домами и шторами в пестрый цветочек. В гостинице «Эрмитаж» официант в белом фартуке с мягкими византийскими манерами объясняет иностранцам, что этот губернский город был резиденцией Ивана Грозного и что средневековый женский монастырь превращен в клуб кавалерийского полка имени гениального Бакунина. Лозунг Бакунина «дух разрушающий есть дух созидующий» был начертан на знамени этого славного полка, отличившегося в революционных войнах в боях под Пермью на Урале, под Архангельском и под Варшавой. Длинные аллеи снежных сугробов, красные кирпичи только что выстроенной электростанции, а в глубоком русле замерзшей реки виднелись крестьяне, откалывающие зеленые глыбы льда и нагружающие их на розвальни... Замерзшие, почерневшие от дегтя баржи и пароходы, над которыми струился легкий дымок. Эти бледные прямые ключья дыма создавали иллюзию, будто пароходы стоят под парами и вот-вот отчалят.

Мы оказались в этом далеком северном губернском городке в обществе господина Дифенбаха, промышленника и главного акционера экспортной торговой фирмы «Карл Дифенбах АГ» из Гамбурга... Этот господин был миллионером, главой международной фирмы, занимавшейся экспортом изделий деревообрабатывающей промышленности в Индию, Левант и средиземноморские страны. Он приобрел у русского торгового треста «Госэкс» («Государственный экспорт») несколько тысяч изделий из древесины; поскольку ценность их превышала несколько миллионов золотых марок, а его чистый доход должен был составить много тысяч долларов, то он решил посмотреть своими глазами его собственный товар перед погрузкой на корабли и, возможно, купить еще некоторое количество обработанной древесины и после этой инспекционной поездки заключить с Москвой дальнейшие сделки. <...>

Среди сопровождавших господина из Гамбурга был начальник «Госэкса» Андреевский. Он еще студентом провел три года где-то в Сибири и с тех пор стал профессиональным революционером. Во время революционных войн он командовал целыми соединениями, брал города от Екатеринбурга до Одессы, а теперь вершил делами государственного треста «Госэкс» и твердо оборонял партийные позиции точно так же, как раньше на батарее под градом снарядов. «Легче было воевать с браунингом, — говорил Андреевский. — Либо ты стрелял, либо в тебя стреляли. А теперь опасности подстерегают человека со всех сторон.

Тут тебе и балет, тут тебе и карты, и ипподром, а все мы живые люди. Вот, например, недели три назад застрелился мой близкий друг, человек, который двадцать пять лучших лет своей жизни отдал делу партии! А застрелился он из-за кассы. Он руководил банком, ну и... женщины, жулики, доллары, шампанское... ну и хрясть!»

С Андреевским и господином Дифенбахом я приехал в эту далекую бывшую резиденцию Ивана Грозного, и весь день мы инспектировали лесопильню... а на ужин нас пригласили к бухгалтеру филиала «Госэкса» господина Алексеву...

Весь комплекс лесопилен в районе «Красный север» (теперь он носит имя революционера восьмидесятых годов прошлого века Степана Халтурина, повешенного в Одессе) до Октябрьской революции принадлежал старому Николаю Алексеву, крупнейшему предпринимателю-деревообработчику, одному из богатейших людей в губернии. У Алексеевых был свой дворец на Невском; по полгода они проводили за границей. После краха старшему сыну Алексеевых — Павлу Николаевичу удалось добиться места главного бухгалтера в конторе своего обобщественного предприятия. Господин из Гамбурга до четырнадцатого года был одним из крупнейших партнеров старика Алексева. Сам старик Алексей был крестным старшей дочери господина Дифенбаха — Алисы, а господин Дифенбах был кумом старшего сына Павла Николаевича — Алеши, умершего от тифа во время революции. Господин Дифенбах, таким образом, был связан с семьей Алексеевых помимо деловых еще и близкими родственными узами (и в довоенное время он объездил все их огромные лесные владения)...

Теперь же Алексевы жили на втором этаже ветхого и грязного двухэтажного дома; эта квартира была им выделена жилищным распределителем, поскольку их бывшая вилла на окраине города была превращена в детский дом. Комната, в которой мы ужинали, была перегородена шкапами и превращена при помощи занавесок в три помещения. В одном углу стояла железная кровать; другое помещенье с синеватыми креслами, судя по всему, служило салоном или передней, а третье было приспособлено под своего рода гостиную. Везде была невероятная теснота, пахло керосином и свечами, а задние доски шкафа были занавешены коврами, на которых висели фотографии их петербургского дворца и здешней виллы. За столом, «в первом ряду», сидели я, господин из Гамбурга, Алексей Николаевич — младший брат нашего хозяина, жена которого лежала в родах и который пришел лишь в знак особого уважения и симпатии к господину Дифенбаху. Рядом с Алексеем Николаевичем разместился начальник «Госэкса» Андреевский, потом сидел Евгений Георгиевич Бертенсон, инженер треста «Красный север». На левом краю стола сидел начальник лесопильни Васильев, на предприятие которого нам предстояло еще идти. Рядом со мной во главе стола находилась хозяйка, Анна Игнатьевна, а по другую сторону — хозяин, Павел Николаевич. За ним один за другим расселись три члена партии, представлявшие трест, и человек, которого все называли «товарищ бухгалтер». Тринадцатым за столом был некий Кузьма, что-то вроде дворецкого...

Супруга Павла Николаевича, Анна Игнатьевна, была дамой лет тридцати, обладательницей хриплого, простуженного алта и дорогих старинных украшений. Она была красивой женщиной с немного рябоватой кожей. Замазанные кремом и засыпанные пудрой оспинки на ее лице придавали ее необычному живому лицу особый шарм. И движения, и голос Анны Игнатьевны выдавали ее бурный и необузданный темперамент. Она во всем превосходила своего мужа. Этот бледный анемичный рыжий невзрастик бросал на нее с другого конца стола робкие собачьи взгляды...

Все началось довольно тихо и спокойно...

За вторым жарким, к которому никто не притронулся, потому что все были сыты, Павел Николаевич, как хозяин, взял в руки бокал и произнес тост в честь своего дорогого гостя, друга и крестного господина Карла Дифен-

бах... Он вспоминал, как мосье Дифенбах был последний раз в имени Алексеевых и что это были за времена, которые сейчас лишь сняты и воспринимаются как роман. О каком-то удивительном лунном свете на озерах; о шампанском, которое они пили в лесу под выстрелы охотников, о том времени, когда Анна Игнатьевна еще была его невестой. Как потом, возвращаясь из свадебного путешествия по Испании, они с Анной Игнатьевной гостили в имени господина Дифенбаха близ Гамбурга и что все это исчезло как сон и ничего этого больше нет. Он поднимает свой бокал и приветствует своего гостя без комментариев! Вот и все, что он может сейчас сказать!

Вслед за ним поднялся младший брат Павла Николаевича, Алеша, дегенерат с сильно выступающей челюстью, который целый год был практикантом торгового дома «Карл Дифенбах АГ» и честно приходил в гости к господину «Карлу Людвиговичу». Он произнес здравицу в честь прелестной и симпатичной мадам Дифенбах, прекрасной теннисистки и автомобилистки, детей «Карла Людвиговича», его прелестных доченек и за его семейное счастье. Он говорил что-то о какой-то солнечной гамбургской террасе, на которой они обычно пили кофе и на которой как-то раз покойный папа Алексеев расстрогался до слез, когда мадам Дифенбах сыграла на рояле «Волга-Волга, мать родная...». «Карлу Людвиговичу» становилось все более и более неловко. Он чувствовал, какая пропасть лежит между господами Алексеевыми и их коммунистическим окружением, но он приехал сюда вместе с нынешними хозяевами «Эс-Эс-Эс-Эр-а»; его нынешние доходы зависели от этих молчаливых людей в русских косоворотках, а не от этих отчаявшихся банкротов. Он встал и заговорил о том, что ему очень грустно, что он не застал в живых своего крестника, мальчика Алешу! Но слава Господу Богу, который подарил родителям еще одного сына, прекрасное дитя, необычайно умное, который еще порадует своих родителей. Он еще станет кавалеристом, революционным офицером, маленьким Бонапартом и принесет своей родине величие и славу!

— Да лучше я его задушу своими собственными руками, чем он превратится в такого выродка! — резко и как-то дико оборвала говорившего Анна Игнатьевна. Она демонстративно встала и отошла к кофеварке. Повернувшись к нам всем спиной, она нервно перелила в нее спирт; сине-желтое пламя высоко взметнулось, осветив всю ее фигуру, точно она сама вся была объята пламенем.

— Анна Игнатьевна, я умоляю вас, еще загоритесь! — обратился к своей жене робко и осторожно Павел Николаевич.

— Велика жалость, если загорится! Может, оно и к лучшему?

Наступила тишина.

Начальник «Госэкса», революционный генерал, взявший пятьдесят городов, сидел спокойно и совершенно невозмутимо, пил водку и курил. Он жалел, что ему пришлось уехать из Москвы и от своего автомобиля, и от карт, что вместо этого он всю ночь вынужден будет тащиться с каким-то нудным миллионером в открытых санях. А его ревматизму это вовсе не на пользу! К чертовой матери эту революцию, если она человека превращает в торговца! Куда как лучше командовать полком, чем пилить бревно!

Начальник лесопилки Васильев молча сидел за столом и смотрел на Анну Игнатьевну с такой индифферен-

тностью, точно она была восковой фигурой. Во взгляде этого человека я не мог уловить ни малейшей искорки того эротического волнения, которое эта женщина разжигала во всех нас, начиная от «товарища бухгалтера» и кончая полоумным Кузьмой. Этот Васильев был рабочим, тринадцать лет простоял он у пилорамы, подо Львовом был почти смертельно ранен, а во время революционной войны командовал какой-то кавалерийской бригадой. «...»

Больше всех разволновался инженер Евгений Георгиевич Бертенсон, человек чрезвычайно симпатичный и близорукий настолько, что его взгляд расплывался за толстыми стеклами пенсне. Это был невзрачный, типичный русский недотепа конца XIX века. Сбитый с толку поверхностным эстетским беллетристическим восприятием культуры, он, подобно многим русским интеллигентам, и хождение в народ воспринял с чисто внешней стороны, как какое-то движение. Это поколение неопределившихся скептиков, последователей Туган-Барановского, прочитавших Маркса еще в гимназии, первые же марксистские инъекции перенесли в литературно-беллетристической форме с высокой температурой. Когда же дело дошло до последствий, они выбрали какое-то туманное славянство, западную демократию, «оборонительную войну» и интервенцию.

«Стенька! Микитка! Пожалуйста, будьте добры, пожертвуйте на алтарь западной демократии вашу руку, вашу ногу! Пожалуйста, помогите!»

А когда Стенька с Микиткой по-марксистски помогли и повернули приклады против западноевропейских демократических интервентов, тогда для этих марксистов — читателей либеральных статей наступил хаос и они потеряли ориентир... Естественно, они носили внутри себя невысказанный панический страх перед революцией и не могли осознать ее катастрофическую силу. Они оправдывали пертурбации, выступали за конструктивность, за ленинскую концепцию электрификации, но не могли понять, почему же теперь всю русскую интеллигенцию отшвырнули ногой и систематически бойкотируют.

— Дорогой мой Евгений Георгиевич, вы ловите шапкой ветер, — иронически усмехаясь, замечал ему революционный генерал Андреевский. — Шапкой ветер. Все это ветряные мельницы, дорогой мой, которые крутятся в вашей голове. Кто это и где отшвырнул «эту русскую интеллигенцию»? Разве я не «русский интеллигент»? И кто это меня отшвырнул? А разве вы не «русский интеллигент»? Все это глупости!

— Боже мой, но ведь не каждому же дано родиться на свет с такими бонапартистскими способностями, как у вас, товарищ Андреевский! Но огромное большинство, девяносто восемь процентов, отшвырнули.

— Ну-ну! Давайте конкретно! Вот вы, например, беспартийный. А получили полномочия большие, чем когда-либо в своей жизни. И в три раза большую по сравнению с моей зарплату! Почему же вы чувствуете себя отверженным? — спросил Андреевский Бертенсона убедительно и спокойно.

— Но речь идет вовсе не о рублях! Речь идет о том, что нас морально растоптали!

— Правильно! Bravo! Bravo! Вот это правильно! Мы морально растоптаны. Мы были сами себе хозяева, а теперь стали цыганскими отрепьями! — взволнованно подержал Бертенсона Павел Николаевич.

— Ну так в этом, дорогой мой, вы сами виноваты! Если бы интеллигенция не была абсолютно реакционна и нежизнеспособна, никто бы вас не отшвырнул!

— Да кто нас спрашивал? Да никто нас и не спрашивал! — почти бешено вскричал Павел Николаевич. — Нас просто взяли, переломили пополам и вышвырнули на улицу. Нас разорили! Нас погубили! Да всю страну погубили, а не только нас! Он прибавил: — Всю Россию погубили! Два миллиона русских голодают и попрошайничают по всей Европе! Вся русская интеллигенция!

— Да оставьте вы, пожалуйста, всю Россию! Эта Россия доказала уже, что она может обойтись без этих европейских проходимцев! Вот всю бы эту банду из пулеметов!

— Да у вас только одна мудрость — пулеметы! Пулеметы ничего не решают!

— Нет, Павел Николаевич, тогда вам и этим заграничным господам надо было бы разрешить нас без пулеметов искрошить в фарш! Так что ли? И к чему впустую тратить слова? Вы чудесный человек, Павел Николаевич, но полны мещанских предрассудков! Я поднимаю этот бокал за здоровье нашего хозяина, Павла Николаевича, самого лучшего и самого симпатичного мещанина во всей нашей губернии! Да здравствует Павел Николаевич! Ваше здоровье! Пейте! До дна! Еще раз! До дна!

Так мы выпили трижды за здоровье Павла Николаевича и дважды — за здоровье мосье Дифенбаха, который имел возможность лично убедиться, что здесь не съедают заживо людей и что в СССР пилят дерево и составляют высококачественные изделия точно так же, как и во всех торговых и промышленных странах во всем мире.

— С каждым днем все становится лучше и лучше! Мосье Дифенбах имел сегодня возможность убедиться, что крестьянин превращается в потребителя. Крестьяне покупают на лесопилках доски, а это значит, что у крестьян есть деньги. Это значит, что деньги находятся в обороте, что внутренний рынок реально существует!

— Это вовсе не означает, что у крестьян есть деньги! — опять взбунтовался Павел Николаевич.

— А что же?

— Это означает, что крестьяне грузили доски в вагоны! Это были государственные доски, а вовсе не крестьянские!

— Это неправда! Что это были за доски, Евгений Георгиевич?

— Это были бревна для строительства нового паровозостроительного завода.

— А кто строит этот завод? Разве «русская отброшенная интеллигенция»? Эта русская интеллигенция ничего не строит, она занята только сотрясанием воздуха! Когда мы говорим, что крестьянин превращается в потребителя, что у него есть деньги, «русская интеллигенция» твердит, что это неправда, что у него нет денег! Мы устраиваем диспансер, а вы твердите, что это вторжение в чужой дом! Мы организуем клуб, а вы возмущаетесь, что это церковь! И так далее! Давайте выпьем за здоровье «отвергнутой русской интеллигенции», которая всегда говорит правду! За здоровье господина Дифенбаха, который завтра увидит триста тысяч распиленных бревен, упакованной первоклассной древесины, желтой, как масло!»

— Когда Алексеевы управляли, по реке ежегодно сплавляли миллион триста тысяч бревен!

— Правда, но тогда эта река сплавляла миллион триста тысяч бревен в карман Алексеевых. А теперь, в двадцать седьмом году, она сплавляет два миллиона бревен помимо вас прямо в карман СССР!

— А кто это сказал, что Алексеевым было много проку от этого? Было ли это все исключительно лично на-

шим? Нет, это все было общим, нас и рабочих! Тогда всем было хорошо!

— Очень точно! Очень точно! — одобрил Павла Николаевича мосье из Гамбурга Павел Людвигович. — И мы у себя в Германии, когда ведем дела, считаем себя только **временными управляющими народным имуществом!**

— Я поднимаю этот бокал за здоровье мосье Дифенбаха и желаю, чтобы он как можно скорее получил возможность в качестве **«временного управляющего народным имуществом»** приветствовать нас на своих обобщественных лесопильнях в Гамбурге! Да здравствует русско-германский СССР!

— Колоссально! Очень точно! Я не имел бы ничего против! Мы там себя считаем лишь временными управляющими народным имуществом. Bravo!

— А вы, Анна Игнатьевна, не желаете ли чокнуться с нами? — спросил с издевательским кокетством Андреевский госпожу Алексееву.

— Я ни в коем случае не пожелала бы господину Дифенбаху пережить то, что мы пережили! Если бы я ему это пожелала, это означало бы, что я его ненавижу, что он мой смертельный враг!

— Анна Игнатьевна, пожалуйста! — робко вскрикнул Павел Николаевич. По тому, как он встал с бокалом в руке, по его жестам, по налитым кровью глазам было видно, что он сильно пьян.

Андреевский опроверг Анну Игнатьевну резко и твердо.

— Уж у вас-то, дорогая моя Анна Игнатьевна, меньше всего оснований для волнений! Вы живете в теплой комнате, за вами ухаживает прислуга. Уж вам-то хорошо!

— Хорошо? Это мне-то хорошо? Ха-ха-ха! — засмеялась через силу госпожа Алексеева. Этот искусственный смех был похож на звук разбитого стекла. — Мы все потеряли, мы упали на дно. Что со мной еще может случиться? Ну поглядите же вы, где мы живем, как мы живем! Да вот мосье Дифенбах, он лучше всех знает, как было раньше!

— Как живете? А как я живу? Разве живет кто-то лучше вас, милая моя? Вы несправедливы! — резко парировал начальник «Госэкса» генерал Андреевский. Его реплика прозвучала неожиданно резко и энергично.

— А что мне до справедливости? Я никогда не забочусь о других, и мне нет дела до того, как живут другие! Я погибла! Со мной покончено! Мы все живем как скоты!

— Вы живете как скоты потому, что на Кузьме нет ливреи, так что ли? Если он сидит с вами за одним столом, так вы превратились в скотов? А в том же самом городе, где вы произносите такие речи, тысячи и тысячи женщин, которые только во сне могут мечтать о том, чтобы жить, как вы! Да вам бы постоять каждый день по восемь часов за пилорамой...

— Мне нет дела до всего человечества! Я не думаю обо всем человечестве. У вас полон рот пустых фраз. Вы только говорите, говорите, говорите, захлебываетесь словами, а все это ложь! Проститутки с улицы вы прогнали, а в бордель превратили всю Россию! Все женщины ваши, как при татарах! Ха-ха-ха! И вы еще говорите о человечестве. Как будто я не знаю, какое это человечество!

— Анна Игнатьевна, я вас не понимаю, — поднялся побледневший Андреевский и отошел от стола. — **Что вы хотите этим сказать?** <...> Анна Игнатьевна тоже встала из-за стола. Выглядело это так, будто она хочет

еще что-то сказать, что-то тяжкое и роковое, но в этот момент в комнату вбежала Шура — прислуживавшая девочка лет шестнадцати — и позвала Алексея Николаевича, сказав, что его зовут домой, потому что его жене плохо. «...»

Господин Дифенбах с самыми лучшими намерениями, чтобы разрядить невыносимую атмосферу и перевести разговор на другую тему, достал из кожаного портфеля целую пачку фотографий своего гамбургского имения, где он чувствовал себя «временным управляющим». На них были сняты двухэтажная мраморная вилла на берегу озера, парк с белыми статуями в стиле модерн, пруд с фонтаном, голые загорелые дети господина Дифенбаха, ухоженные хозяйственные постройки, интерьер салона, теннисная площадка и все прочие удобства этого маленького барского угодка. «...»

Анна Игнатьевна перебирала эти фотографии и разглядывала образцовое имение господина Дифенбаха... Эту знаменитую террасу, на которой они одиннадцать лет назад пили кофе, бронзовые статуэтки и подсвечники... ее взгляд впился в эти апартаменты, в которых и по сей день проживал господин Дифенбах... Это были фотографии жизни, которая где-то еще реально существовала, жизни, которой в действительности жил господин Дифенбах, человек одного с ней круга, который и сегодня торгует ее собственным лесом; эта реминисценция всего того, что таким ужасным образом погибло, до такой степени разожгла Анну Игнатьевну, что она громко, как ребенок, заплакала навзрыд.

— Анна Игнатьевна, я вас Христом Богом прошу! Пожалуйста, Анна Игнатьевна! — направился к ней супруг и стал униженно целовать ей руки. Она его с силой оттолкнула.

— Оставьте меня! Даже поплакать нельзя! Все у нас отняли, выбросили на улицу, оплевали — и даже выпла-

каться не дают! Нельзя поплакать за своим собственным столом — и здесь надзор. И здесь политика! За собственным столом в тарелку плюют! Отняли у меня детей! Алешу убили, а Пьера затащили в пионеры, в политику! Что это за политика для детей? Разве можно вбивать детям в голову, что Бога нет? И еще тебе же доказывают, что все хорошо, что ты счастлива, что ты несправедлива, что у тебя сердце не болит за все человечество! О, Господи, Господи... «...»

Все вскочили, и никто не знал, что предпринять. Андреевский побежал со стаканом чая и с салфеткой в руке, Шура выбежала за снегом, Павел Николаевич наливал в бокал вино, а Анна Игнатьевна, словно раненый, беспомощно захлебывалась в слезах.

— Откройте окно! Здесь дышать нечем!

Один из «делегатов» открыл форточку, и сквозь небольшое отверстие к нам в комнату ворвалась струя ночного зимнего воздуха... С улицы доносилась песня. Веселая, энергичная, в ритме марша.

— Комсомольцы! — произнес радостно один из «делегатов» и прильнул к окну, чтобы посмотреть на молодежь, которая с песней возвращалась из вечерней школы. А Анна Игнатьевна все плакала и плакала, мяла в руках скатерть и кричала, что она больше так не может. Что она сойдет с ума! Что она так больше не может! Она в истерике затыкала уши салфеткой, чтобы не слышать этой песни, потому что она с ума сойдет от этой песни и от всего этого!

Васильев, все это время молчавший, сказал энергично: «Уже поздно! Пора идти!» «...»

В саях я сел рядом с Васильевым, начальником лесопильни. Он только что возвратился из Англии и говорил об этой стране трезво критически. «...»

Перевод с хорватско-сербского
С.РОМАНЕНКО

ВНИМАНИЮ БРОКЕРОВ ТОВАРНЫХ БИРЖ!

**Чикагская товарная биржа
и фирма Chicago Business International
Corporation совместно с фирмой «БИКО»
организуют учебу брокеров в ЧИКАГО.
Продолжительность обучения 16 дней.**

Предусмотрены деловые контакты, культурная программа.

По окончании обучения выдается сертификат.

Знание языка необязательно — группы обеспечиваются переводчиками.

Проживание в комфортабельной гостинице в центре Чикаго на берегу озера Мичиган.

Стоимость поездки — 3900 долларов плюс 7 тысяч рублей или эквивалентная сумма в рублях по курсу ниже биржевого.

Слушателям выдается 600 долларов на карманные расходы.

За справками обращаться в фирму «БИКО».

Адрес: 103031, Москва, Рождественский б-р, 22/23 — 5

Телефон: 925-97-35. Факс: 925-97-35

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

Акционерное общество "Российская техническая биржа" спешит уведомить Вас о начале своей биржевой деятельности. Еженедельно по средам с 16 октября мы проводим торги. На них представляются:

ОБОРУДОВАНИЕ — холодильное, мясо-молочное, торгово-технологическое, фасовочное;
ЗАВОДЫ — колбасные, молочные, сыродельные, кирпичные;
ПРИБОРЫ — связи, автоматики, охранно-пожарной сигнализации;
ЗАПЧАСТИ

Мы оказываем услуги по транспортировке и складированию грузов, по монтажу и обслуживанию реализуемого оборудования.

Спешите приобрести брокерские места на нашей бирже и начать активное сотрудничество с ее учредителями:

- Ассоциацией "Росторгтехника"
- НПО "Антей"
- ПО "Марихолодмаш"
- А.О. "Морена"
- Московским машиностроительным заводом молочного оборудования
- Московским специализированным комбинатом холодильного оборудования
- Московским заводом торгового машиностроения
- Фирмой "Интерсвязь"
- Фирмой "Интертранссервис"
- Мосгорторгом
- Мособщепитом
- СП "Совиталпродмаш"
- Фирм "ГРУПФИБОСА С.А." (Испания)

В целях ознакомления с работой биржи, Вы можете приобрести одноразовый входной билет стоимостью 500 рублей для юридического лица и 50 рублей для физического.

Акционерное общество "Российская техническая биржа" ждет вас!

Москва, Старомарьинское шоссе, д. 57, НИИ "ПОЛИНОМ"

☎ 208-59-85
208-49-81
208-48-57 (по вопросам приобретения брокерских мест)

*Желаем Вам счастливых торгов на
Российской технической бирже!*

Николай САМОНОВ

ПОСЛЕДНИЙ СТИЛЬ УШЕДШЕЙ РОССИИ

На Крымском валу, в тарном ящике под названием Центральный Дом художника, развернута выставка «Русский модерн». Дорого яичко ко Христову дню, хотел было сказать я, — ведь страсти по модерну лет десять как отшумели, но нет, возражают мне, модерн — любимый стиль нашего народа.

Помню еще то время, когда вы, будучи учащимся художественного заведения, могли получить двойку «за вкус», если ваша курсовая работа хоть чем-то напоминала ненавистный стиль, когда ваша классная дама, с яркой и благородной, стянутой на затылке сединой над габардиновыми плечами, тихо, но решительно объясняла вам вашу в этом отношении ущербность и глаза ее сияли потаенным светом правды. Но прически ваших подруг, валиком завернутые вокруг головы, их длинные, четками до колена свисающие бусы, стоячий воротник свободно развевающейся блузки или же узкий носок высокого ботинка — все говорило о том, что художественное сообщество бредит модерном.

Последний стиль ушедшей России, он вызывал раздражение теоретиков и практиков новой соцреальной школы самим названием: арт нуво, югендстиль или даже стиль либерти... Авангардному конструктивизму, утверждавшему полную свою самостоятельность, он казался пошлым, как кажется дурным все старомодное. Ордерному и орденскому стилю империи он претил именно своим либерти-

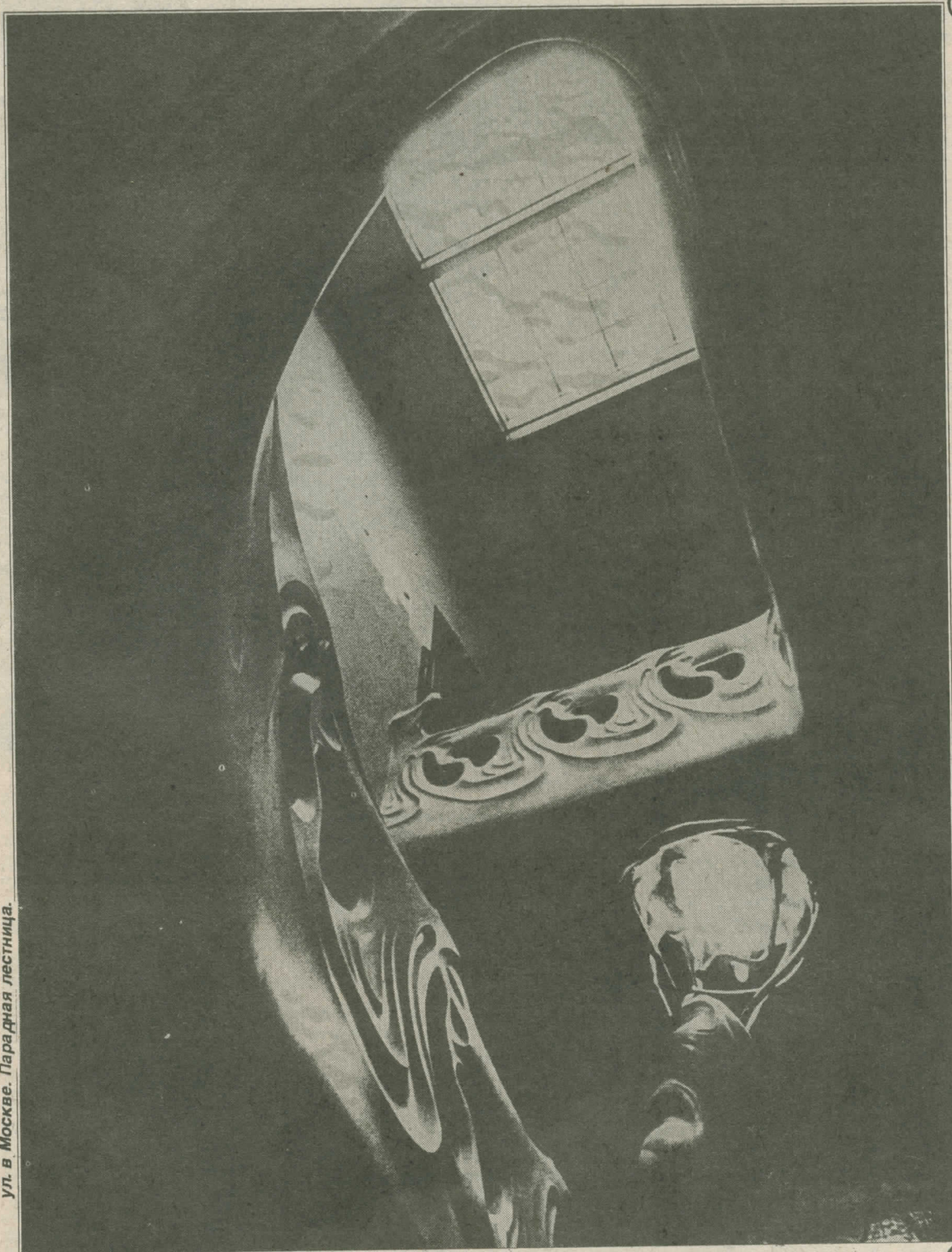

Л. С. Бакст. «Ужин». 1902 г.

рианством, всей этой волнообразной текучестью, причудливой необязательностью, когда, по прихоти автора, не согласованной с генподрядчиком и здравым

смыслом, фасад доходного дома мог в каком угодно месте быть развернут огромным зеркалом окна, захватившего два этажа, и тут же собран вспучившимся

Ф. О. Шехтель. Особняк
С. П. Рябушинского на М. Никитской
ул. в Москве. Парадная лестница.

мелко- и узкооконным эркером, крыша плясала, как штандарт на ветру, подъезды разевали рты весьма разнообразно, и лестницы зыбко, словно дым, возносили свои чугунные перила.

Последний стиль ушедшей России, он будоражит чувства проснувшейся буржуазии, воспрянувшей не то чтоб из хрустального гроба, королевичем не целованной, тщетно и страстно желающей «спокойствия и света», — чтобы плотный короткоостый бобер надежно согревал горло, снег неслышно летел из-под полозьев неслышно бегущих санок, пар стоял бы в трактире, встречающем свежезаваренным чаем, и там, на втором этаже, в «чистом» отделении, — тихий разноязыкий говор, тихий серебряный звон ложки о стакан, крахмальное ребро скатерти, стылое озеро витрины, все в жарких искрах ликерных бутылок, и выше — белый рельеф бордюра: упругие стебли, цветы и пониклые листья.

И выставка модерна как поиски благого состояния. Она разнообразна и претендует на всеохватность. Здесь представлены вещи от высококлассных до базарных, здесь соседствуют интеллектуальный эстетизм Сомова с простодушным эстетством Феофилактова, аристократическая космогония Кандинского и сумеречная бесчеловечность Филонова — с какими-то бурными холщовыми калляками типа тех, что и сейчас можно найти или даже купить на Арбате.

Она очень московская, эта выставка: голая терракотовая женщина (выпивши) задом и боками елозит по спине куда-то бредущего козла, крепко держится за шерсть руками (как бы не упасть-то). Нежная коричневая розоватость местами тронута болотно-зеленым и белилами — «Вакханка», скульптор Андреев.

Выставка представляет модерн как эпоху: говорят, многие авторы обиделись бы, узнав, что им оказан такой почет — быть представителями. Именно этого стиля. На мой взгляд, это совершенно правильно, ибо при всем кажущемся прихотливом фейерверке художественных манер общность времени оказывается существенней.

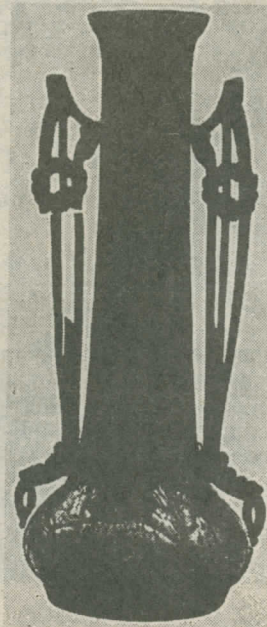

Неизвестный Художник. Обложка нот «Танца Апашей».

Стеклянная ваза с бронзовыми ручками. 1900-е годы.

Выставка очень любопытна: она представляет эпоху как лабораторию, где зарождаются и зреют основные, вплоть до нежных завязей соцреализма, художественные течения «некалендарного» XX века.

Посредством фотографии сделана попытка представить модерн последним актом драмы. Фотопортрет Феликса Юсупова как добра молодца — нежно и холодно из-под собольей шапки светится взор, холодно и тонко розовеет румянец русского Дориана, анилиново желтеет золотой аксамитовый камзол (сюда бы подпись: «Я убил Распутина»). Юсупова-мать. Боярыней. Стильная фотография царской

семьи запросто. Так сказать, в интерьере. Фотопортрет старца Григория. И, будто под занавес, россыпь видовых фотографий: ничего этого в Москве больше нет. Есть лишь истоптанный серо-багровый пупырчатый палас гостеприимного Дома художника, младое-знакомое племя его скульптурных заграждений, частых, словно противотанковые ежи, тупых и старательных, а также снова поднявшие голову на лужайке перед ЦДХ повергнутые идола тоталитарного режима. Ну и парад русского модерна на виды уже повидавших стенах.

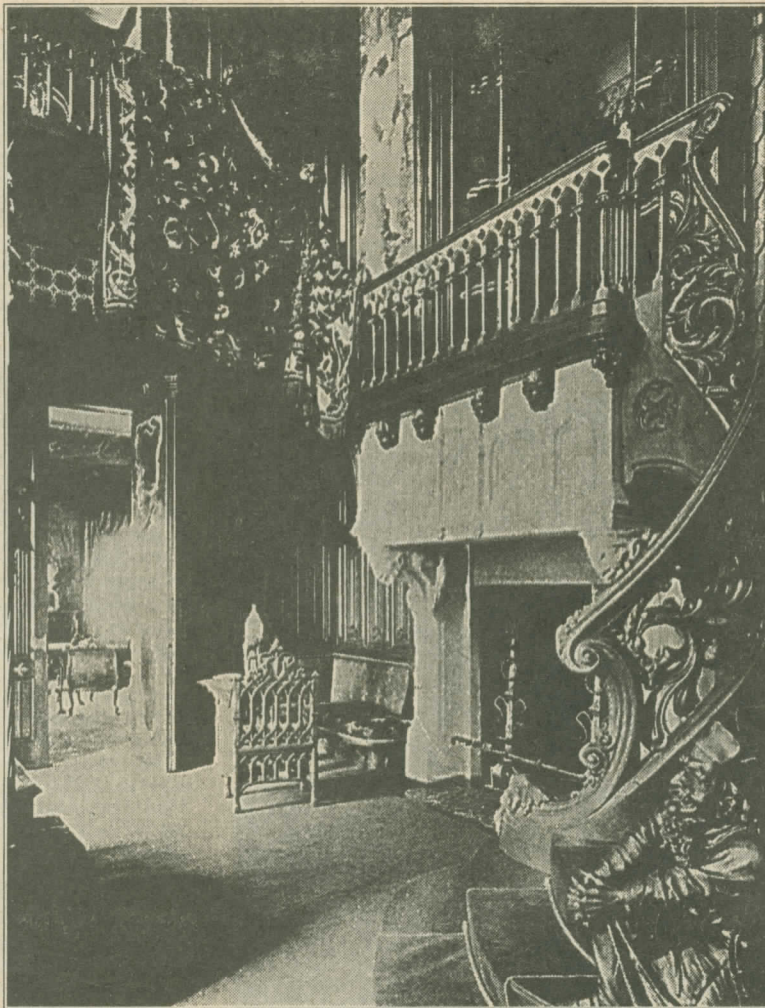
Неожиданно актуальным вдруг оказывается Сомов. Казалось бы, с пережитым уж увлечением «Миром искусства» он должен был укрыться в почетную полутень полузабвения, но трепетный экспрессионизм его индивидуальности волнует неожиданно остро и в злато-лиловых вечерних переливах «Дамы у пруда», где и вода, и лебедь, и шёлка кажутся одной зыблемой материей, и в чутких фетовских сумерках «Дамы в голубом платье» (Я тебе, мол, ничего не скажу, я тебя не встревожу ничуть...), и в горчайшей добротнейшей, как бы старинной живописи сцены «В лесу», где так пронзительно зеленеют молодые елочки, и кавалер в желтых ботинках, и хочется и колется в прямом смысле.

Притягивает томщая путаница светотени у Сапунова и его неожиданно смачнейшее «Чаепитие», этот гимн русскому бидермайеру, «кувшинному рылу» и гусю, птице, как известно, неудобной, ибо на двоих — мало, одному — стыдно.

Очень хорош женский портрет Кустодиева, такой цельный: розовый жемчуг тела в черном шелку футляра, крепкие деревенские сливки, сольфеджио, удачный генетический отбор.

Довольно-таки дрянная картинка гениального Кандинского (кто это придумал выпятить его фигуратив?), и знаменитая картина Филонова, убедительная, как церебральный паралич.

Анна Карловна Бенуа собирается элегантно поужинать: выпьет шампанского, занюхает апельсином — картина Бакста, гармония черного с белым.

Ф. О. Шехтель. Особняк А.В. Морозова во Введенском пер. в Москве.

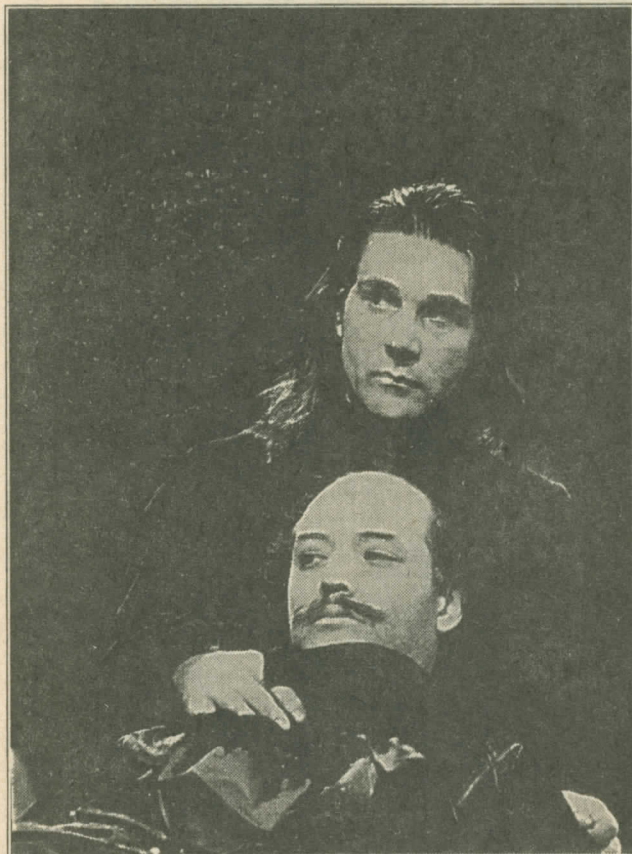
Колченогие голыши прут куда-то за горизонт. Как странно, Борисов-Мусатов, «Дафнис и Хлоя».

Какие-то маки, какие-то лилии, неподражаемые головинские эскизы декораций, глазурированные фаянсовые дамы, полированный мебельный гарнитур, Вера Федоровна Комиссаржевская, которой почему-то не было, программки, художественные адреса и чуть ли не меню, рекламная афиша «скетинг-ринка», так всех пленившие «ночные блины», Федор Иванович Шаляпин, гордость русской сцены, жирным благотворительным обедом улещает призываемых сирот, ветер гуляет на Девичьем поле, снег слепит глаза душным московским летом, ЦДХ, страшный в своем убожестве памятник архитектуры сгнившего со-

циализма, предлагает антологию русского модерна, этого последнего «незамазанного» русского стиля.

Голос телевизионного диктора произносит: «Новый художественный фильм «Сестрички либерти» режиссера Грамматикова рассказывает историю о том, как две простые пэтушницы превратились в девочек стиля либерти». На экране вихрь мимолетностей: девочки боком, девочки раком, и вот, чудесное видение, — фасом. Убранные в ярко-блестящие траурные шелка, обиженно-надменно взирают на нас новообращенные либерти. Отвали на полквартила. Что же такое желтый кожаный несессер с никелированными заклепками, хотелось бы выяснить, уважаемые товарищи.

Дневник И.

НА «КОРОННУЮ» ТЕМУ

«Государь ты наш,
батюшка...»

**Театр им.
Евг.Вахтангова,
реж. П.Фоменко**

Похоже, что «императорская» тема становится «коронной» для Петра Фоменко. После выпущенного в прошлом году «Калигулы» он решил приблизиться к нам и во времени, и в пространстве — в новом спектакле речь идет о Петре I и царевиче Алексее. Шутке о том, что у нашей страны непредсказуемое прошлое, все уже давно отсмеялись. Оказалось, что все гораздо печальнее — прошлое безнадежно. Фридриху Горенштейну это стало понятно на несколько

десятилетий раньше всех остальных, именно поэтому автор пьесы «Детоубийца», положенной в основу спектакля, — давний эмигрант. Честно говоря, спектакль получился скучным. Массовые сцены и прямые обращения в зал — на тему тяжкой доли народа при любых правителях — пятнадцать лет назад на Таганке прошли бы на «ура», а сегодня, соединенные со своеобразной манерой игры вахтанговцев, утомляют. Да и всеобщие кладбищенские ассоциации, возникающие в конце спектакля, вряд ли можно считать достаточной художественной компенсацией, полученной в обмен на осознание безысходности минувшего.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

ПРИВЕТ ОТ ХАРАТЬЯНА!

«И черт с нами»

**Одесская студия, реж.
А.Павловский**

Эта шутка — посильнее «Клопа» Маяковского. Ну, подумаешь, заморозил пролетарский поэт какого-то ординарного жлоба, какого-то Присыпкина, всего-навсего члена профсоюза! Наши кинематографисты берут выше: они самого Сталина в 53-м году усыпили летаргическим сном, а сегодня заставили проснуться. И что характерно, в фильме «И черт с нами» мало кто всему этому удивился, а иные даже и обрадовались — те, кто стосковался по железной руке, физкультурным парадам и прочим радостям тоталитарного режима. Зрители, думается, тоже мало чему тут удивятся. А вот насчет того, что они обрадуются этому фильму, — сомнения есть (полчища юных поклонниц Дмитрия Харатьяна, разумеется, не в счет: их неумная страсть, кажется, не будет поколеблена даже тем невзрачным существом, каким выглядит их кумир в этой картине). Новая вариация на тему «Сталин с нами», задуманная, надо полагать, как веселая фантазмагория, вышла на деле каким-то унылым плакатом, весьма к тому же топорно исполненным и не очень свежим по мысли. Ибо мысль эта, помнится, еще лет пять тому назад прозвучала в одном знаменитом фильме — помните, там, где труп все выкалывали из могилы? То-то.

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ АНЕКДОТЫ

**Д.Липскеров. «Семья
уродов»**

**Журнал «Современная
драматургия»**

Главные действующие лица новой пьесы Д.Липскерова — горбун-гробкопатель с черными от земли руками, гермафродит и, наконец, сямские близнецы, один из которых — олигофрен. Историю о том, как гермафродит «оказалось беременно», а у сямских близнецов начала расти четвертая нога, которая к концу пьесы и оторвалась, Д.Липскеров преподносит как историю трагически гротескную и кошмарную во всех отношениях. Здесь все «не просто так», все — метафоры разные да символы: и в церковь-то героев не пускают, и рождает-то гермафродит дьявола, и в печке-то его сжигает. А драматург как бы недвусмысленно кивает в сторону читателя — это я, дескать, про вас написал, видали? Видали. И не единожды. Потому что мнение, что 135 уродов трагичнее одного уродца в 135 раз, — мнение расхожее. Но только количество, благополучно перерастая в качество, превращает апокалиптические ужасы в анекдот из черновильской серии. А последний, надо сказать, в гораздо большей степени «про нас», нежели все аллегорические уроды, вместе взятые.

Ольга БОГОМОЛОВА

Юлия НЕЙМАН

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

Об Арсении Тарковском

Есть особые ворота и особые дома,
Есть особая примета, точно молодость сама.

Арсений Тарковский

«Арсик» — так его тогда называли. Было ему тогда — восемнадцать. 1925 год. Осень.

Это — время действия... Место?.. Скажешь: «Москва. Литературные курсы» — и ничего не выразишь. Кто теперь вспомнит окраску и запахи тех лет? К тому же наши Литкурсы существовали так недолго! Несвоевременность, призрачность этого учебного заведения угадывалась с самого начала: незадолго перед тем был ликвидирован, видимо за ненадобностью, «Брюсовский» литературный институт... И все-таки, едва сообщение о Литкурсах где-то появилось, в Дом Герцена, где тогда приютилась курсовая канцелярия, побежали девушки и юноши, как теперь сказали бы — абитуриенты, с документами и дерзким желанием посвятить свою жизнь литературе.

То были по большей части отпрыски «бывших» или хотя бы попросту интеллигентских семей — те, кому ход в «рабоче-крестьянские» вузы тех лет был заказан. Не то чтобы вполне «чуждые», но и не «свои». По крайней мере не «свои в доску» — ходила тогда такая формула!

Кто поступал к нам на курсы?.. Чуть раньше — Даня, Даниил Андреев, чьи мистические стихи теперь уже многим известны. Чуть позже — Юрий Домбровский: это имя говорит само за себя.

И те, кто учил нас — наши прекрасные профессора, — тоже не принадлежали к числу «баловней» эпохи. Достаточно назвать Густава Густавовича Шпета. Или же читавшего у нас древнегреческую литературу профессора Соловьева — родственника того самого Владимира Соловьева... Можно вспомнить еще нескольких блестящих эрудитов, чья судьба трагически оборвалась.

Помещения у Литкурсов не было. На птичьих правах мы находили приют в различных школах, когда кончались уроки. Здесь, сидя за одной из детских парт, я и познакомилась с Арсиком — Арсением Тарковским.

Что он красив, мы, первокурсницы, заметили сразу. Но своеобразие, особенность этой черно-белой красоты осознавалась позднее и постепенно. Первый взгляд ухватывал только то, что могло быть присуще любому красивому brunetu: черные крылья бровей на очень белом лбу. И яркий рот. Такой яркий, что я не удержалась от вопроса:

— Тарковский! Вы красите губы?

Тут нужна «сноска». Юноши с накрашенными губами в те годы были в Москве не такой уж редкостью. И мы, литкурсанты, относились к ним терпимо. Короче, своим вопросом я не хотела обидеть нового знакомца.

И все-таки он обиделся. И стал изо всех сил тереть губы рукавом своей черной рубашки.

— Вот, глядите! Глядите!

Я глядела... Отпечатков помады на черном не появилось. А губы стали еще ярче.

Мы оба посмеялись. Обида его прошла. Он пересел

ко мне на парту (помнится, она была в левом от него ряду) и быстренько нарисовал в мою приготовленную для записей тетрадь — почему-то свинку. Условный рисунок был неплох. Автор явно умел рисовать.

Домой мы шли вместе. Кодексы «рыцарской» чести гласил: «даму» надо проводить, где бы она ни жила. «Дама» — то есть я — жила достаточно далеко. За время пути он успел рассказать мне о своем родном городе Елизаветграде — он его называл с добродушной шутливостью — «Елдабеш». Тогда же я запомнила имена его лучших друзей — Коля Станиславский, Миша Хароманский, Юрка Никитин... Четвертым был он, Арсик. Эти веселые друзья взяли себе, скорей всего из духа противоречия эпохе, громкие титулы — «князя», «графа», «маркиза». Арсик именовался князем, хотя тогда он, кажется, не знал (во всяком случае не говорил никогда), что родоначальниками Тарковских и правда были князья — дагестанские князья Тархи.

Тогда же, в первый вечер, он спел мне «великосветскую» песенку друзей:

*Что же князя нет?
Что же я не с ним?
Шли бы пять Мюэт
В ресторан «Максим»!*

Под этот игривый мотив мы подошли — хоть и не к «Максиму», но к моему подъезду. По причине позднего времени подъезд был заперт. Приходилось идти к воротам — будить дворника, за что полагался по крайней мере гривенник. Такой суммы не оказалось ни у меня, ни у моего «сиятельного» спутника.

Да и откуда было взяться лишней монете у мальчика, который, в сущности, не так давно написал свое первое, такое ликующее стихотворение:

*Из картошки в воскресенье
Мама испекла печенье!*

Конечно, это было сказано в годы «военного коммунизма», но и в более сытые времена Арсику Тарковскому не всегда удавалось забыть, что такое голод.

«Неунывающий неудачник» — так определила бы я теперь его жизненную позицию. Арсик был твердо убежден, что судьба задалась целью подсовывать ему «сюрпризы», каких не бывает «у людей», то есть у всех остальных. Он отвечал судьбе смехом, подчас немного горьким.

Как-то в день, когда он опять «не успел» пообедать, мы с ним вечером купили у уличной торговки булку — они тогда назывались «французскими», — Арсик взял булку своей вообще-то очень цепкой, сноровистой рукой... Но тут что-то случилось — «как будто кто-то подтолкнул руку!» — и булка полетела на тротуар.

— Конечно, — спокойно резюмировал он, — у людей булка падает на самое сухое место. У меня булка падает в лужу.

Говоря о булке, он, возможно, немного преувеличил. Но вечер был дождливый, и тротуар поблескивал то здесь, то там... Арсик подумал-подумал, махнул рукой и поднял булку.

В один из первых вечеров нашего знакомства Арсик по моей просьбе прочитал мне свои стихи. И они меня несказанно удивили. Изысканная его внешность заставляла предполагать, что он пишет в духе Сологуба или Михаила Кузмина — поэтов, о которых мы, в отличие от вузовцев тех лет, все же имели некоторое представление. Но вдруг я услышала то, что казалось мне мертвечиной, нечто совершенно архаическое — гекзаметр:

*Юноше дал Аполлон великую душу поэта,
Юноша в мире живет на утешенье богам.*

Или еще того чище: «Петух троекратно пропел о паденье прекрасной Ахайи!»

Музыка этих строк радовала слух... И все же гекзаметры мне не нравились. Главное, я не ощущала в их медном бряцании самого Арсика Тарковского, который нравился мне все больше.

Гораздо ближе моему слуху и сердцу показались стихи, которые он сам читал нехотя, считая их давно пройденным этапом, «детской» забавой:

*Сегодня приходит ко мне мама:
— Арсик, какой у тебя вид!
Ну как я скажу ей простыми словами,
Что у меня ничего не болит?
Когда вас увижу? Завтра? Во вторник?
Ну что еще вам надо? Каких еще слов?!
Ведь любовь моя это — только сборник
Никому ненужных стихов!*

В этих строчках мне все было понятно. К тому же в них звучала и горькая правда! Лирика, со всеми гекзаметрами включительно, тогда и вправду казалась чем-то никому не нужным. А в особенности тем, кто редактировал журналы. Мы знали: любой редактор скорее напечатает в своем органе неуклюжие вирши нашего доброго Аниканова — крестьянского поэта, пришедшего к нам на курсы уже в довольно солидном возрасте.

Кстати, об Аниканове... Не могу не вспомнить, что именно Тарковский — наш эстет и сноб — относился к его наивному творчеству милостивее, чем мы все. Ведь именно к нему чаще, чем к кому бы то ни было, старый крестьянин обращался с застенчивой просьбой:

— Арс Александрович! А я еще туалет написал!

И «Арс Александрович» выслушивал новое творение Аниканова без тени обычной своей иронии. Возможно, он считал, что бесхитростные вирши Аниканова приятней слушу Аполлона, чем гладкопись тогдашней журнальной поэзии. А может быть, в этом отношении к «человеку из народа» сказывалось что-то унаследованное от отца — старого народовольца.

Нам Арсений о своем отце никогда не рассказывал, может быть, считая, что «дамам» это неинтересно. А ведь дружил он у нас на курсах именно с нами — «дамами»: со мной, с Марусей Петровых.

Первым другом-мужчиною у Тарковского на моей памяти стал Аркадий.

Аркадий Штейнберг с женою Норой приехал из Одессы. И веселый отблеск этого южного города ощущался на всем его облике, на рисунках, на стихах. Стихи эти, отнюдь не похожие на стихи Тарковского, тоже не годились для тогдашней печати. И Аркадий занялся переводом. На этой почве он и познакомился с Арсиком...

Арсений — Аркадий! «Аяксы», как мы тогда их звали. Непохожие друг на друга, но равно молодые, брызжущие юмором — они потянулись друг к другу и скоро стали неразлучными. Было такое время, когда у них все было общим — даже ящик, куда они складывали свои жидкие гонорары. Блестяще владея даром версификации, оба наперегонки переводили национальных поэтов тех лет. Вдвоем взялись за перевод сербского поэта Радуле Стиенского, жившего тогда в России.

Передо мной лежит оранжевая, порядком выцветшая книжка с заголовком: Радуле М. Стиенский «Партизаны на Дурмиторе». Фамилий переводчиков на обложке, конечно, нет. Они — под обложкой, правда, на титуле. Там значатся две фамилии: «Арсений Тарковский, Аркадий Штейнберг».

Не могу не сказать, что и тут, в этой первой книге, судьба не преминула сделать Арсику насмешливую гримасу: посреди фамилии «Тарковский» зияла опечатка. «У людей первая книга — это радость, если выпускаю книгу я, превращаюсь в Тарковского».

На книге, которая сейчас лежит передо мной, — дарственная надпись Арсения, блистающая «романскими ассонансами», то есть ассонансами с разными спорными гласными. Вот эта надпись с некоторыми купюрами:

*Мы всегда танцуем от печки.
Вот разбитые строчки:
Юле Нейман
Кимвалы бряцающие.
Здесь каждый пойман
В строки танцующие.*

И в этот том
Попал там-там,
Жених и невеста,
Жена и муж.
Все выглядит просто —
За поясом нож,
За спиной — горы,
Перед лицом — Дурмитор,
В небе — гагары,
На Канатчиковой —
Изолятор.
Не сердись на такие вирши.
Хрен редко не горше.
Что такое — переводчик?
Это — подрядчик
Или маляр заправский.

Тарковский

В этих шуточных строчках — уже не шуточная горечь. Арсений писал все лучше, значительнее, все полнее выражая себя. Но знали об этом только друзья. О том, что стихи Тарковского могут дойти до широкого читателя, тогда и мысли не было.

Помню один его рассказ. Какой-то (вернее, какая-то) редактор расхвалила его стихотворение и сказала, что немедленно сдает в печать.

— Она уже написала на стихах «в набор», — рассказывал он. — И вдруг спрашивает: «А кто — автор?.. С какого это языка?» — «Ни с какого, — говорю. — С русского. Это — мои стихи...» У нее отвалилась нижняя челюсть.

Пройдет еще немало лет, пока читатель получит первую книгу стихов Арсения Тарковского — «Перед снегом».

Но возвращаюсь к нашей с Арсиком дружбе. О молодой любви написаны тома, ей посвящена почти вся мировая поэзия. О молодой дружбе как-то не принято говорить. А ведь это совсем особое чувство, горячее, трепетное. Чуть-чуть похожее на любовь. И все-таки — не любовь. Но, как всякое настоящее чувство, оно должно пройти через испытания.

Серьезным испытанием для нас обоих стала женитьба Арсения. Женится он на чудесной девушке с тяжелыми белокурыми волосами — Марусе Вишняковой. Она училась у нас же, на младшем курсе. Но мы как-то мало встречались...

Помню, с каким волнением шла я в первый раз в квартиру на Гороховской, где поселились молодые. «Как теперь все у нас будет? Поймет ли Маруся — жена, какие мы с ее мужем душевные друзья?..»

И Арсик тоже, как я теперь понимаю, ждал меня не без тревоги. И как только я вошла в их длинный темный двор, он бросился мне навстречу и на руках внес меня в комнату, оклеенную ковровыми обоями... Был тогда такой нищенский шик!

И тут оказалось, что все наши опасения — напрасны. Маруся от всего своего чистого и смелого сердца обрадовалась мне. Вместе с прочими чудачествами своего не совсем обычного мужа она безоговорочно приняла и меня...

Потом появился «Дрилка» — Андрей. Маруся родила его в Завражье, у своих родных. Беленький мальчик засыпал, когда в коммуналке стихали шумы. И никто из нас не думал тогда, что это спит будущий замечательный режиссер, создатель нового киноязыка... Засыпала и Маруся, усталая от своей трудной, «взрослой» жизни. А мы с Арсиком допоздна читали стихи или прозу, чаще всего — Гофмана. И вместе с нами слушал гофмановские сказки деревянный Щелкунчик, сжимая свои могучие челюсти.

Так шли дни, месяцы... Появилась на свет Марина.

Нашу крошку звать Марина.
Наша крошка — балерина, —

напевал «папа Ася», глядя на гибкие движенья крохотной дочурки, казалось, он — счастлив. Ведь он издавна мечтал о девочке — «с бантом в волосах и платье колокольчиком»... Сколько раз я слышала эту фразу! Ничто не предвещало катастрофы. А между тем судьба, как в стихах Тарковского, шла следом за всеми нами, как сумасшедший с бритвою в руке...

В тот вечер мы как-то особенно беспечно, не по возрасту даже, веселились. Маруся, конечно, оставалась дома, с детьми. А мы с Арсением (и кто-то еще был тогда с нами) бродили по ночной Москве, и все нас ужасно смешило.

Зашли мы в Парк культуры, в «комнату смеха», где раньше не бывали. Кривые зеркала чудовищно искажали наши молодые лица. И мы, глядя на старых уродцев, кривлявшихся в зеркальных рамах, покатывались со смеху...

А на другой день Арсений свалился с высокой температурой. У него оказалась стрептококковая ангина. («Если у людей — ангина, у меня — стрептококковая») Маруся нежно ухаживала за ним. И вдруг (ох, как часто наступало это «вдруг!»), вдруг он понял, что разлюбил Марусю. А раз это случилось — он должен уйти.

И он ушел. От Маруси. И от детей, которых как будто нежно любил. Да он и Марусю любил. Сердце у него разрывалось от жгучей жалости. Позже он писал:

*Отнятая у меня. Ночами
Плакавшая обо мне. В нестрогом
Черном платье с детскими плечами,
Лучший дар, не возвращенный Богом.
Заклинаю прошлым, настоящим,
Крепче спи, не вздрагивай спросонок,
Не следи за мной зрачком косящим,
Ангел, олененок, соколенок...*

«Отнятая у меня», — писал он. Но кто же ее у него отнял?.. Разве что все она же — насмешница-судьба?

Я жила тогда в Покровском-Стрешневе. Он приехал ко мне, пытаясь объяснить, что произошло. Пытаясь оправдаться... Скорей всего — перед самим собой.

— Она все поняла. (Говорил он о Марусе.) Я ничего не могу поделать. Мы оба плакали.

Конечно, мы, друзья, осуждали его за уход. Но, по правде сказать, не слишком строго. Может, он и правда «ничего не мог поделать». Он ведь был поэтом, а поэты, как сказала потом Ахматова, «ни в чем не виновны — ни в том и ни в этом»... И сын его — Андрей, — глубоко понимавший отца, оправдал его позднее в своем «Зеркале»...

Судили мы Арсения главным образом за то, что он мало помогал семье... А чем, в сущности, он мог тогда помочь? Переводчик, без определенного заработка?.. К чести его надо сказать, что, уходя, он оставил Марусе единственную ценность, какая у него была, — книги. Книжки, которые он любовно подбирал, покупая на последние гроши на «развалках», каких тогда много стояло вдоль Китайской стены.

Он ушел, потому что в нем что-то оборвалось. Кончилась полоса жизни.

А вместе с ней кончилась и наша дружба.

Помню, как-то темным вечером, когда я уходила от них домой и Арсений, как всегда, провожал меня, осторожно переводя мимо луж своей неожиданно сильной рукой, он сказал мне:

— Знаешь, вот мы с тобой будем старенькими-старенькими и будем вот так же рядом ходить...

Как смеялась, должно быть, тогда судьба! Старенькими мы действительно стали, но рядом ходили все реже и реже. А там наши пути и совсем разошлись.

Мы еще виделись. Мы как будто даже радовались друг другу... Но все это было уже не то. Дружба кончилась, умерла, как умирает все живое.

И все же наши души еще раз соприкоснулись.

Было это уже во время войны. Арсений приехал в Москву с фронта. Тогда это был недалекий путь. Он читал в Доме литераторов новые стихи. Я запоздала и вошла в зал, когда он читал стихотворение, посвященное второй его жене — Тоне: «Чего ты не делала только, чтоб видиться тайно со мною»...

На другой день он возвращался в часть, и я попросила его перед отъездом записать мне несколько новых стихов, в том числе и это — пронзительное.

Прошло, по-моему, всего несколько дней. Я зачем-то достала листки с его стихами. И стала перечитывать, хотя помнила все почти что наизусть.

Я читала закливающие строки. «Приснись мне», — читала я...

Я знала, я отлично помнила эти строки. Но, восхищаясь ими, я воспринимала их довольно спокойно. А тут у меня вдруг сжало горло. И я заплакала. И следом за тем раздался телефонный звонок. Звонила Маруся Петровых. По ее голосу я поняла: что-то стряслось.

— Случилось что-нибудь? — спросила я.

— Да.

— С Арсением?

— Да... Ты уже знаешь?

Нет, я еще ничего не знала. Маруся первая сказала мне, что Арсений тяжело ранен. Лежит в госпитале.

О том, что у него отняли ногу, я узнала поздней.

Повторяю, мы с ним еще встречались. Одно время да-

же работали вместе. Но той, прежней дружбы не было. Изредка ощущались еще какие-то слабые всплески. А как-то вечером, в Голицыне, он повел меня показывать свои любимые Пляды — тогда он уже увлекался астрономией. Мы стояли вдвоем в теплой ночи, глядя в небо, словно со всех сторон окруженные звездами, и он вдруг произнес прежние добрые, забытые нами слова...

— Но ведь ты меня уже не помнишь, Арсик, — отрезвляюще сказала я.

— Нет, помню, — слабо возразил он. И добавил удивленно: — Оказывается, помню.

Такие всплески случались все реже. А там и совсем прекратились. А в ушах у меня и сейчас звучат строчки, которые я так и не успела ему прочитать:

*Мы оба с тобою умерли
Давным-давно. Так давно,
Что, может быть, вдруг и встретимся,
И, может быть, вдруг опустится,
Светясь над потоком Вечности,
Мерцающее пятно,
Где кружатся наши юности —
Сквозистые две капустницы...*

Целиком воспоминания Ю. Нейман публикуются в будущих номерах журнала «Вопросы литературы».

МЫ ОБЛЕГЧАЕМ ВАМ ЖИЗНЬ

Самый короткий путь на Российскую товарно-сырьевую биржу предлагает Вам
Брокерская фирма ОПТИМУМ.

Руководитель фирмы Ундра Виктор Евгеньевич рассказывает:

— Дата нашего рождения — апрель 1991 г. Мы еще молоды, но уже опытные. Выбирая ОПТИМУМ, вы экономите время.

Биржа — сложный экономический организм, новичку там легко заблудиться. Весь груз Ваших проблем по купле-продаже вашей продукции, сырья, оборудования — мы, брокеры, берем на себя.

ПОМНИТЕ:

— На торги допускаются лица, имеющие брокерские места на бирже. У Вас их нет? Не беда — обращайтесь в ОПТИМУМ.

— Вы заключаете с нами договор на Ваших условиях — и мы действуем на бирже от Вашего имени.

— Ваши интересы стали нашими. Мы — Ваши помощники и опора на бирже.

— За выполненные услуги мы получаем от Вас брокерское вознаграждение, но только после завершения сделки.

ЧТО МЫ ПРОДАЕМ И ЧТО ПОКУПАЕМ?

Мы готовы рассмотреть любые Ваши предложения независимо от конъюнктуры рынка на предлагаемые товары, но в настоящее время мы добились наибольших успехов:

— в купле-продаже леса, лесоматериалов, бумаги, нефти, металлов;

— особое место в нашей деятельности занимает купля-продажа автомобилей, начиная с советской фирмы ВАЗ и, конечно, самыми шикарными импортными моделями VOLVO-460; VOLVO-740; VOLVO-940 (здесь мы можем предложить клиенту некоторые дополнительные услуги);

— в сделках с ценными бумагами, поскольку на рынке это тоже товар. Фондовые операции — неразработанный Клондайк нарождающегося рынка, за ними — будущее. Но какие акции стоит приобретать? В этих вопросах мы даем клиентам обширные консультации, помогаем выбрать верный курс в море бизнеса.

СЛАГАЕМЫЕ НАШЕГО, А ЗНАЧИТ, И ВАШЕГО УСПЕХА:

— Команда квалифицированных брокеров. Это милые, приятные люди, все они молоды и активны. Надеюсь, что те, кто сотрудничает с нашей фирмой, не имеют причин усомниться в умении наших брокеров работать в интересах клиента.

— Наши помощники — агенты. Это ноги, глаза и уши фирмы. Поиск клиентов — дело не для ленивых, но оно хорошо оплачивается. Агент представляет лицо фирмы, а фирма заботится о нем. Чем больше сеть агентов — тем лучше для фирмы.

— **ШИРОКИЕ ДЕЛОВЫЕ СВЯЗИ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ. НАШИ ПАРТНЕРЫ — ПРЕДПРИЯТИЯ И БИРЖИ ТАКИХ ГОРОДОВ, КАК СУРГУТ, ВЛАДИВОСТОК, ЧЕЛЯБИНСК, КАРАГАНДА, ТОЛЬЯТТИ, НИЖНИЙ НОВГОРОД, ЯРОСЛАВЛЬ.**

— Наш девиз: «Работать нечестно — невыгодно». Мы располагаем информацией о товарах и ценах на вчера, сегодня и завтра. Мы ищем возможность помочь клиентам в самых нетрадиционных вопросах. Чем больше знает мой клиент, тем вероятнее, что он придет ко мне в следующий раз.

Итак, мы ждем Вас, чтобы решить Ваши проблемы!

АДРЕС: 125315, Москва, ул. Самеда Вургуня, 5.

Телефон (факс): 151-13-91.

Михаил РОЦИН

Еще и о проститутках

«МАРИЯ МАГДАЛИНА» — в своем роде фильм-шедевр, апофеоз всей той пошлости, которая кочует теперь из картины в картину. Начиная со спекулянтского завлекательного названия (которое в сочетании со знаком студии им.Горького тут же наводит на мысль: ну не иначе как про проститутку!). И тут же первые, не менее спекулятивные кадры: лицо библейской Марии Магдалины, бегущая с дреколем толпа, нечеловеческий крик девушки — крик боли и горя, — неужели про настоящую Магдалину, про святую сделали картину на студии Горького?.. Нет, конечно, нет. Сделали про с о в р е м е н н у ю Машу по прозвищу Магдалина из города Одессы, которая вроде бы и проститутка, но и не совсем, одна с ребенком молодая женщина (муж, моряк, погиб — чего тут особенно затрудняться в драматургии!), гулящая, скажем так, не страдальца. Автор сценария и он же режиссер Г.Воронин словно бы задался целью: вот сделали люди «Маленькую Веру», и я сделаю маленькую Марию Магдалину. И все у меня будет: равнодушный, жестокий и бесчеловечный город, набитый жлобами; город, ужасный (вместо завода) механический порт, красивое море; тупая милиция, бар с растленной лампадой, преступными барменами и рэкетирами; лярва-подруга — вымогательница денег; маленькая дочка, которая без памяти любит свою паскудную мать и должна заражать своей любовью зрителей, бить на жалость. Героиня же, конечно, жертва легкомысленной жизни, агнец невинный. Спаситель является ей уже прямо в сутане священника, в образе местного батюшки, — чего тут долго-то думать, если теперь можно напрямую: свечку в руку и на исповедь. «Ну все

собрали!» — охнула в этом месте сидевшая рядом зрительница. И в самом деле все: библию и ножи, чак-ек и закаты, голые груди и такие же задницы, пьянь и рвань, деньги, деньги, жалкий юморок какой-нибудь мороженщицы, которая высказывается про президента Буша. А когда иссякает набор штампов и чужих клише, автор фильма приводит нас в психбольницу, чтобы с помощью местного бедолага-дурачка, опекаемого героиней, опять-таки уверить нас в ее человечности и чистом сердце. Господи! Товарищи! Братья по ремеслу! Да помилуйте! Да до каких же пор? Неужели сами не видите и не ведаете, что творите? Привлекательная и одаренная молодая актриса Лариса Гузеева по вашей милости должна волочить себя по этой длинной и в конце концов скучной ленте, из кадра в кадр лишь позоря свое лицо, тело, ноги-руки, изнемогая от бессилия оправдать и сыграть всю эту лабуду, уже измочаленную по десяткам таких же преподлейших (пардон) картин. Жалко. Честное слово, жалко, в который раз. Людей, денег, актеров, времени, понятия «советское кино». И зрителей, разумеется.

Зритель уже опух от проституток, злодеев-барменов, выкидных ножей, милицейских фуражек, жигулевских багажников с «расчлененкой», вздыбленных женских ног, каратистских «хэ!», ну и так далее.

А разгадка всего этого, между прочим, очень проста. Хочется в Канны, в Венецию, в... куда там еще? Хочется, чтобы как «Ночи Кабирии» или чтобы как у Пазолини. Но... про настоящую Марию Магдалину снять кино на студии Горького **очень трудно**. Это понятно. Потому что это так же трудно, как на АЗЛК начать делать «вольво» или завалить уни-

версам в Солнцево тем же, чем завален супермаркет в Лос-Анджелесе. Тяжело. Не потянуть. Пупок развяжется, как говорит простой советский кинозритель.

Конечно, легче снять милиционеров, чем легионеров, море и обрыв на 16-й станции, а не в Иерусалиме, проститутку на коврик в павильоне, а не в своей вилле под Стамбулом, ну и так далее. Конечно, и проще, и легче, и привычнее. Но, может быть, тогда и не штамповать по драным и столь же бездарным, как сами ленты, афишам, священные и святые имена?

Чтобы настоящую «Магдалину» снять, надо настоящий сценарий написать, надо в святую землю ехать, надо думать много, надо Ларису Гузееву маленько похолить, дать ей пожить по-человечески, повозить, показать кое-что, поучить маленько. Ну и так далее, тут программа небольшая, конечно, и каждый может мне на это сказать: хорошо тебе говорить, а ты сам попробуй.

А я отвечаю: пробовал. Пробовал, и когда понимал, что п о н а с т о я щ е м у не выйдет, то и не брался. Потому что мы, авторы, всегда прекрасно знаем: доедет это колесо до Москвы или нет. И если знаем, что — нет, то, может, не показывать его никому? Как говорил Николай Васильевич Гоголь в ответ одному автору: «Ну, я-то сжег!»

В самом деле, свобода-то свобода, а кто отвечать будет?..

ПОХОЖЕ, КЛЮЧИ ОТ СЧАСТЬЯ ЖЕНСКОГО НАШЛИСЬ—

ОНИ В РУКАХ У СП «АС»

ТО, ЧТО МЫ ВАМ ПРЕДЛАГАЕМ,

— УЖЕ НЕ НОВОСТЬ НА ЗАПАДЕ, НО ЕЩЕ ЧУДО У НАС.

Совместное советско-швейцарское предприятие «АС» образовано два года назад. Одним из учредителей его стал НИИ морфологии человека АМН СССР. За это время нашими сотрудниками накоплен большой опыт работы в области биотехнологии и, в частности, иммуноферментной диагностики. Сегодня мы специализируемся на производстве универсальной тест-системы «ХГЧ-ЭКО-ТЕСТ». Эта оригинальная методика определения беременности на самых ранних сроках разработана в лаборатории доктора медицинских наук профессора Михаила Шнейеровича Вербицкого, одного из выдающихся иммунологов мира. Используемый им бескровный метод диагностики предельно прост, не требует никакого специального оборудования и дает максимально точные результаты. Время теста — 40 минут. «ХГЧ-ЭКО-ТЕСТ» успешно апробирован у нас в стране и за рубежом. Его уникальность в том, что по всем своим характеристикам он не уступает ни

одному западному аналогу, а производится у нас и продается за рубли.

В случае если установленная беременность нежелательна, СП «АС» рекомендует наиболее щадящий способ ее прерывания без хирургического вмешательства. От всех проблем, возникающих в подобной ситуации, вас избавит магнитофорный колпачок, с помощью которого даже в домашних условиях можно прервать нежелательную беременность сроком до трех недель.

Мы рискнем утверждать: наш метод самый гуманный и безболезненный.

СДЕЛАЙТЕ ВМЕСТЕ С НАМИ ЕЩЕ ОДИН ШАГ К ЦИВИЛИЗАЦИИ!

СП «АС» приглашает всех заинтересованных лиц и организации к заключению дистрибутивных договоров о распространении своей продукции на территории СССР.

☎: 368-07-80

Тел/факс:

468-93-78

Адрес:

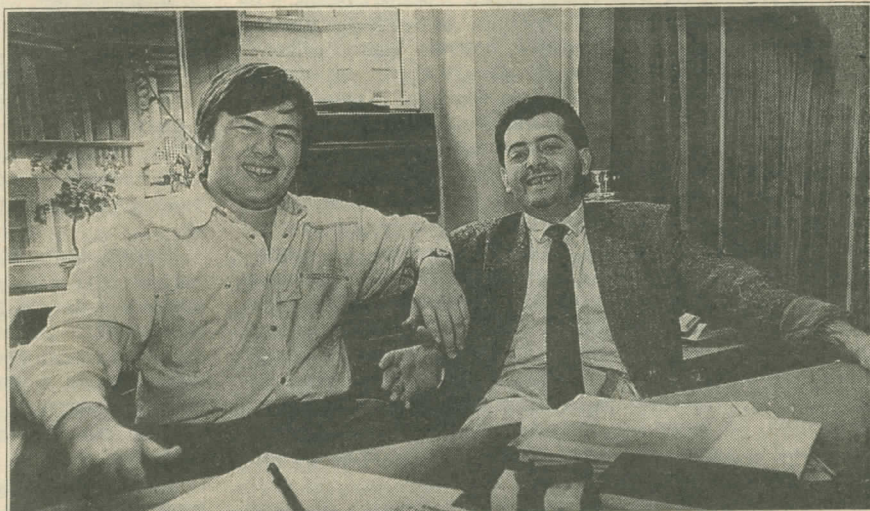
129010,

Москва,

а/я 77.

Павел Незнанов

Самвел Акопов

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

СОЧИНЕНИЕ

В детстве я был тимуровцем. Мы предлагали одиноким пенсионерам свою посильную помощь, а они в ответ гладили нас по головам и угощали зелеными яблоками из своих буйно разросшихся садов.

Зона нашей деятельности приходилась на частный сектор, и от всех остальных тимуровцев мы отличались стойким расстройством желудков. Мы «столбили» свою территорию красными звездами, а также перечнем фамилий, дабы какой-нибудь залетный или уж вовсе дикий помощник-шатун не вздумал по глупости «протимурить» наших пенсионеров. Территории закреплялись навечно, и нарушителей сильно били. Пенсионеры же попадались разные, но в основном это были люди доброжелательные, с пониманием относящиеся к нашей нелегкой миссии. Один из них, высокий и сухой старик, вызывал у меня особую симпатию. В нем было скорбное благородство ушедшего на покой быллинного богатыря, из-под длинных рукавов всегда чистой холщовой рубахи выглядывали белые прозрачные пальцы, он был очень стар, он угощал нас замечательными конфетками «подушечка» за 11 копеек 100 г, и, пока мы их ели, закусывая разнообразными дарами щедрой тогда природы, грустно смотрел на нас и тихо приговаривал, почти уже синими вялыми губами: «Детки, детки... Растите большими... Дай вам Бог...» Иногда я приходил к нему вечером и читал газеты. Он уже плохо видел и, невесомо касаясь моей макушки рукой, внимательно вслушивался в каждое слово. Его звали Кириллом. У меня не было родных бабушек и дедушек, они погибли в войну. И я его, наверно, любил.

Ко Дню освобождения города в нашем классе была запланирована беседа с ветераном войны, и, хотя дедушка Кирилл никогда не делился с нами воспоминаниями о своем боевом прошлом, мы были уверены, что это именно он донес наше Красное знамя Победы до самого Берлина, на нашу просьбу старик высоко взмахнул холщовыми крыльями и наотрез отказался.

Что ж, решили мы, скромность только украшает героя, и на беседу был приглашен другой ветеран, дальний родственник Танечки Савицкой, самой красивой девочки класса, которая ходила в короткой плиссированной юбочке и в белых гольфах на стройных загорелых ножках и в которую, как я теперь полагаю, я влюблен не был. Она была аккуратной и вдумчивой школьницей, с одинаковым почтением вслушивающейся в загадочные окончания неправильных английских глаголов и в хриплый фальшивый голос учителя пения, на «бис» исполняющего замечательную песню о «четырех Иванах». Она сидела впереди меня, картинка из школьной наглядной агитации, — «осанка пионера», в то время как ее одноклассник, тайный «вольтерьянец» и неразоблаченный онанист, спустившись на корточки, пластмассовой логарифмической линейкой медленно, но верно приподнимал вверх, почти к самому основанию ее тонкой спины, подол плиссированной юбки и, радостно хихикая, пытался обратить внимание своего друга Васи Луцюка, по кличке Барбаросса, на интимные подробности Танечкиного туалета. «Ну и че-е, — протяжно шептал друг, — фишка какая-я...» Барбаросса был позднего созревания.

За все время этих наблюдений, продолжавшихся не менее года (в седьмом классе Танечка сидела уже позади меня, да

и вообще несколько сменились приоритеты), она даже не показала виду, что ее тревожит «нечто», происходящее за спиной, ее русая головка ни разу не вздрогнула от моих неловких движений, а через четыре с половиной года она вышла замуж за бородатого вертолетчика, унесшего ее в неведомые пространства, навсегда оставив мне неразрешимую загадку: отчего, когда я, на корточках, с линейкой в вытянутой руке, в гробовой тишине предвкушающего скандал класса, был «застукан» на месте преступления учителем математики, она спокойно, даже не вставая с места, заметила, что не видит ничего дурного в том, что кто-то, тут она мне кивнула, по ее просьбе подаст оброненную ею же линейку. И мило улынулась кончиками губ. Вечного тебе счастья, Танечка!

Приглашенный в класс ее родственник-ветеран лихо махал воображаемой шашкой, громко гудел, как танк, расшвыривал в разные стороны толпы немецких захватчиков и, воспламеняясь от горящих взглядов будущих защитников Родины и самоотверженных медсестер, страшно стучал кулаком по столу. Когда же наступило время вопросов и тихая двоюродница Финкильштейн, уехавшая впоследствии в Израиль, спросила ветерана дрожащим голосом, видел ли он Буденного (наша школа носила его имя, во время войны здесь находилась немецкая конюшня), то ветеран, пристально и неодобрительно посмотрев на нее, будто предчувствуя грядущее предательство, тихо ответил, вытянув длань вперед: «Вот как тебя...» Потрясенная Финкильштейн села.

После подобных бесед процент травматизма в школе обычно резко подскакивал вверх. Мы, воинственные, не знали компромиссов; и на большой перемене, «засветив» в глаз младшему мальчику-монголу по кличке Цеденбал, влекомый за ухо учителем пения к директорскому кабинету, я оказался лицом к лицу с Долорес Рубеновной...

О, Долорес Рубеновна! О, страшный ужас моих детских кошмаров! О, Великий Магистр допросов, не понаслышке знающий психику обвиняемых, за тридцать лет бесменного директорства научившийся мягко носить лет большое тело по толстому выцветшему ковру с райскими птичками и, не задавая вопросов, цепко смотреть на приговоренного металлическим взглядом до той самой поры, пока в глазах нарушителя не меркли последние огоньки сопротивления и он, проглатывая буквы, не выдавливал из себя либо совсем тихо (тогда следовала команда — повторять громко! еще громче!), либо с искренним плачем облегченного раскаяния: «Больше не буду-у-у!»

Учитель пения, кивнув на меня директрисе, но почему-то ничего не объясняя, тихо затворил за собой дверь, и я, пригрозившись к долгой осаде, быстро, но безнадежно проговорил: он первый!.. Я рассматривал до боли знакомый мне стол с белым телефоном, птичек, толстую щиколотку в сером перекрученном чулке, я хорошо представлял последствия этого звонка, после которого должны были последовать мамины слезы, папины выкрики, существительное «выродок» и домашний арест без права на прогулку. В моей голове мелькнула бодрящая мысль о геометрии, которая теперь уж точно начнется без меня, и, чтобы хоть как-то утешиться, я попытался представить свое опустевшее место, а рядом согбенные спины соклас-

Рисовал А. Заяц

сников, таящих во взорах тяжелую ненависть к равнобедренным треугольникам. Я только успел уцепиться за эту мысль, как директриса оборвала мою маленькую радость и произнесла: «Островский!.. Островский!» — и я икнул.. Она не выдержала паузы, она поломала сценарий, она смотрела на меня с нескрываемым любопытством.

— Скажи мне, Островский, ты слушаешь Би-Би-Си или «Голос Америки»?

Я не знал, что это такое, и благоразумно промолчал. Я готовился к худшему.

— Может быть, э т о м у тебя учат взрослые? А?

— Нет, — твердо сказал я, еще не совсем понимая, что значит «этому», но интуитивно чувствуя, что «этому» взрослые меня учить не должны.

— А кто ты по национальности, ты знаешь?

Она задала мне смешной вопрос. Еще в глубоком детстве мне все очень подробно растолковал взрослый уголовник — сосед Вица, раскачивая четырехлетнего детсадовца на протезе ноги и ласково напевая про неких «маланцев-молодцов», которые бодро бродят по свету «с обрезанными писцами». К сожалению, по теперешнему положению вещей, то бишь в связи с внезапно объявившейся исторической родиной, мне «писец» не обрезали, и вплоть до двенадцати лет я отчаянно отказывался встать в нестройные ряды избранного народа. Особенно после того случая, когда, возвращаясь из гостей на плечах еще совсем молодого отца, слышал и видел, как нас оскорбляли долго шедшие следом несколько пьяных мужчин. Они кричали нам: «Жид с жиденком!» — но папа не оборачивался и,

крепко обхватив мои колени, рассказывал какую-то веселую историю про Аб-дул-Аб-стула и Аб-стул-Аб-дула, и я чувствовал, как от каждого выкрика напрягалась его спина. Я рвался из его рук. Я хотел вцепиться в их глотки, но папа ласково шептал: «Ничего, сыночек, ничего. Дяди пьяные... Они не понимают...» Даже он не смог меня защитить, и я отказался быть евреем... Я стал поляком. И на несколько лет настолько свихся со своей шляхетской родословной, что, с удовольствием выкрикивая в своем польском кругу (благо нас, поляков, было много): «Еще Польша не сгинела от мора до мора!» — нагло провоцировал своих новых друзей на вопрос — уж не еврей ли я?

— Что ты... — говорили они мне. — Островский — это польская фамилия.

— Но, Островский, — с явной тревогой продолжала Долорес Рубеновна, — нации, я надеюсь, у нас равны?

— Конечно, — немедленно успокоил я ее и, с тоской вспоминая о монголе, добавил, — но он первый.

— Кто? — недоуменно спросила Долорес Рубеновна.

— Монгол, — сказал я, — Цеденбал.

— Цеденбал? — задумчиво повторила Долорес Рубеновна и, закусив усатую губу, села, — это потом... потом. Ты ведь хороший тимуровец, Островский?

— Пусть люди скажут, — я застенчиво улыбнулся.

— А Кирилл Анопко... он... Ты вообще частенько к нему заходишь? Допоздна... говорят?..

— Читаем газеты, — настороженно сказал я.

— Газеты это хорошо, — сказала Долорес Рубеновна и замолчала... Она долго молчала, перебирая на столе какие-то бумаги, а потом кивком головы указала мне на дверь. И уже в спину мне, так ничего и не понявшему, но счастливому от мысли, что папины руки не будут рвать из брюк так никогда и не снявшийся ремень, что не будет подступать к горлу странная, несыновья к нему жалость, она сказала: «Анопко служил в полиции... Он многих выдал... И детей, в том числе... еврейских, я имею в виду...»

— Что? — спросил я и обернулся...

— Ну-ну, Островский, — сказала Долорес Рубеновна после паузы. — Ступай... вижу, что не знал, ступай... Иди. И я ушел...

А дедушка Кирилл сидел в саду и станком, который ему купил я, соскребал с лица жесткую седую щетину.

— Это ты? — спросил он, подняв голову на скрип калитки. — Хорошо, что ты пришел. Сейчас будем есть арбуз. А потом пойдем удить рыбу. Ты же любишь рыбу?

— Нет, — сказал я.

— Словим, а мама сделает, — не расслышал меня старик.

— Фашист, — сказал я, — сволочь!

Он медленно опустил станок вниз, судорожно дернул острым кадыком и обреченно сказал: «Ну вот...»

Он молчал, а я стоял рядом и сжимал в кулаке камень.

— Не уходи, — сказал он и зашарил рукой по скамейке. — Очки потерял...

— Фашист! — закричал я. — Сейчас ты сдохнешь!

— Подожди, мальчик, — попросил он. И то ли защищаясь, то ли чтобы коснуться меня, вытянул вперед руку... Он шел ко мне, забывшему от страха, где находится выход, и, прижимая ладонь к рассеченному до крови лбу, громко повторял: «Подожди, мальчик... Не плачь... Подожди...»

Остаток того дня я провел на городском пляже, бессмысленно считая всплески от брошенных в воду камней и тупо повторяя про себя: «Мало дал... Мало дал...» А потом, стрельнув у наглого «продленщика», отбившегося от группы, жирный бычок «Бородино», впервые в своей жизни глубоко затянулся его горьким дымом, от которого меня чуть не вывернуло наружу...

Через несколько дней старик ждал меня у школы. Я еще из дверей увидел его высокую фигуру с залепленной пластырем бровью и сказал Барбароссе: «Я, пожалуй, останусь. Есть дела...»

Я заглянул в замочную скважину спортзала, где два старшеклассника, сопя и мешая друг другу, больно тискали за тощие груди молодую техничку Паню, которую в школе все любили за то, что, уступив чьей-то страстной просьбе, она могла, например, поторопить звонок... Паня, поочередно наклоняя голову то к одному, то к другому, удивленно повторяла: «Ай, чего это вы? Ай, чего это вы?..»

В раздевалке мне посчастливилось узреть первоклассника, и, сурово выкрикнув: «Фамилия?», я наслаждался его первобытным ужасом.

— Кузнец, — пискнул готовый умереть первоклассник.

— Хорошо, — одобрительно сказал я и жестом руки отпустил его жить.

Со стен пустых коридоров на меня смотрели портреты школьных чемпионов по прыжкам в высоту — веселые дети ГТО; трудолюбивое гражданское население в противогазах, оптимистически встречающее голубую зарю ядерных взрывов; все эти таблицы, правила и картины, не меняющиеся с первого дня моей школьной жизни, в то время как я сам менялся, взрослел, меня ждала старость и смерть; мне было отчаянно тоскливо наедине с этой вечностью, с ее бессмертными коровами, зачисленными в ряды домашних животных вместе с обслуживающим персоналом, румяными горнистами и длинными змеевидными трещинами на потолке... Из окна третьего этажа мне был хорошо виден школьный двор, древний туалет с прогнившими досками, к которому, покачиваясь на опухших ногах, грузно прошествовала Вера Ивановна, моя первая учительница (которую мы были обязаны любить до последнего дня своей жизни), девочки, играющие в классики, угол жилого дома, на котором был изображен мощный отросток с двумя окружностями у основания, более, впрочем, похожий на противотанковую гаубицу. И чтобы не возникало сомнений в предмете изображения, рядом было начертано: «Лепя!» Я был солидарен с неизвестным автором... Я звал этого Лепу. Этому Лепе я был должен рубль, проигранный в «пожар», сегодня я мог отыграть-ся, мне хотелось есть, но старик по-прежнему стоял у школьного забора с каким-то синим кулком в руке, он не собирался уходить, и я «плюнул»... Я вышел, остановился перед ним и спросил:

— Тебе мало, да? Еще хочешь?

Мне потом долго будут снится эти рассыпанные по земле карамельки и его жалкая улыбка, с которой он их протягивал... А тогда я просто толкнул его в грудь и, не оглядываясь, пошел прочь...

Беспощадные тимуровцы во главе с комсомольской лидершей, чью фамилию мне уже не вспомнить, разбили в его доме стекла и ночью попытались сжечь ворота... Старик повесился в конце холодного октября. Его тело, висящее в саду, обнаружил почтальон Зусманович, в чью дочь впоследствии безрезультатно был влюблен Барбаросса. Ему не везло с женщинами. Он погиб под Гератом в мае 80-го и, судя по единственному письму, которое я от него получил, так и не стал мужчиной.

— Хороших нет... — писал Барбаросса. — Да и откуда им тут взяться... Сам рассуди...

Через много лет, в старой ростовской бане, я рассказал историю о полицаях и мальчишке одному человеку, который оказался бывшим раввином, изгнанным из синагоги за разбазаривание народных средств. Деньги шли на ее ремонт, длившийся вечно, — у раввина была большая семья. Мы медленно допивали холодное пиво, и, задумчиво глядя на вымытые блестящие задницы, раввин сказал: «Бедный мальчик Мотл... Мой дядя служил в ГБ. Он убил столько людей, сколько ты за всю жизнь не заработал по рублю». Он пожевал губами и добавил: «А если других проблем у тебя нет — купи себе козу».

Я купил себе козу...

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ПИТЕР МАКС, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ

Фото Э. Кудрявицкого

Сначала — цитаты. Все три принадлежат американским художникам, которые могут быть отнесены, в широком смысле, к постмодернистам. Все трое говорили примерно об одном и том же. Разница в тоне и угле зрения. Один из них — наш бывший соотечественник — отличился еще и широтой взгляда.

Начнем с героя этих заметок. Его точка зрения, как и положено, героическая. «По-моему, Америка — творческое общество, смесь всего, Мекка мира... Мы самая творческая культура на планете... мы изобрели современную реальность». Питер Макс.

Вторая цитата — аналитическая. Слова художника, который помимо поп-арта был творцом бутылки для

кока-колы, банки для супа «Кембел» и тому подобных предметов. «Настоящее величие страны состоит в том, что Америка первой создала традицию, согласно которой самый богатый потребитель покупает в основном те же самые вещи, что и покупатель самый бедный». Энди Уорхол. Третье суждение — компаративное. Александру Косолапову, ныне видному представителю «ню-йоркской школы» соц-арта, сам Бог велел делать сравнительные умозаключения. «Россия и Америка — очень похожие страны, их культуры одинаковы, особенно массовые культуры. Обе культуры обращаются к тому уровню сознания, где мы не проверяем, а верим».

В высшей степени, чрезвычайно, совершенно и вполне — все эти переводы латинского слова «*maxime*» слабы и недостаточны, чтобы оценить меру события — к нам приехал Питер Макс. Мету заметности рекламных щитов на Пушкинском, Арбате, Кропоткинской — далее везде. Мету шока чопорных муз в стиснутых коринфскими колоннами углах Выставочного зала Академии художеств и меру возбуждения публики, его заполнившей. Мету скорости мелькания телероликов: Макс дает интервью, Макс мечется среди скопища баночек с красками, Макс в лесу наблюдает природу, Макс энергично орудует кистью... Макс и все созданное Максом: от клипов рок-групп до инсталляции «40 Горби». Это он «изменил изобразительное искусство в 60-е точно так же, как «The Beatles» изменили музыку». Это он, проведя детство в Шанхае и на Тибете, напившись ритуалами буддистских каллиграфов, сикхскими песнопениями и прочим карнавальным бытом Востока, одним из первых впрыснул в кипящую кровь молодежи инъекцию йоги и медитации. Это он работал с «The Beatles» над «Yellow Submarine» и делал дизайн знаменитого фестиваля в Вудстоке в 1969 году. Это он создал организацию «Global Works Foundation» и своим участием в ее работе и еще сотнях подобных проектов способствовал внедрению в сознание миллионов понятия «глобальной проблемы» — от охраны окружающей среды до защиты прав наших братьев меньших. Это он «расписал Америку», посвятив 50 картин 50 штатам и сотворив 235 гигантских фресок на щитах вдоль ее границ. Это он был объявлен Национальной академией звукозаписи своим официальным художником и

создал плакаты для премии «Грэмми». Это он через 20 лет после Вудстока расписал «самую большую в мире» сцену Московского музыкального фестиваля мира, объединив в дизайне советскую символику, виды православных церквей и экспрессивный силуэт Джимми Хендрикса собственной работы. Это его картины и плакаты (числом 65) висят в кабинетах Белого дома и здания исполнительного кабинета, в домах бывших президентов Картера и Форда и над супружеским ложем четырех Буш. Это его картина «Синий мыслитель» доставлена в дар президенту нашей страны, и Макс не видит причин, почему бы не повторить прецедент с опочивальной.

Макс — одна из легенд лукавого постиндустриального общества, которое плодит легенды на конвейере с той же легкостью, с какой выставляет их затем на улицы в полиэтиленовых мешках. Нам сложно было впустить этот мир в наше ревнивое сознание. Но теперь лучи звезды «Питер Макс», доходившие до нас в виде конвертов с альбомами светочей рока и полуподпольных просмотров знаменитого мультфильма, могут полноправно сиять в каждом советском доме.

Макс приехал, и мы, полузадушенные сбывшимися надеждами, вправе уже смотреть на его работы так, как смотреть на них следует: с восторгом и несколько ватным умилением. Почему? Потому что эта расписанная Питером Максом Америка и есть, кроме шуток, наш осуществленный идеал. Небывалое единение со страной, где «на четверть бывший наш народ», испытываемое нами на полпути от ресторана «McDonalds» к киоску «Pizza Hat» с «ножками Буша» в руках, есть свершившийся факт. Питер Макс с его выставкой — еще одна лопата цемента в замес прочного фундамента нашего единства.

Макс поражает для начала количеством: на выставке можно было ходить с арифмометром и складывать 25 кругов с цветными аппликациями и игрушечными часовыми стрелками; 16 одинаковых «кадров» «Нью-Йоркского телефонного справочника»; 120 значков, воспроизводящих работы Макса в уменьшенном «калейдоскопическом» виде («Антикварные пуговицы»); 5 вариантов «Конверта к первому дню выпуска марок»; 9 «Флагов с сердцем»; 5 изображений головы статуи Свободы — крупных, 4 — по-

мельче; 24 мелких изображения той же статуи в полный рост, 14 — побольше. Повторяемость излюбленных образов Макса не поддается учету — помимо чисто живописных вариаций образы эти вживляются художником во все продукты своей многообразной деятельности. Принципиально в его работе отнюдь не качество: и рисунок Макса, и интенсивные «неофовистические» цвета его поздней живописи, и продукция его «космического» периода, где слово «космос», по правде говоря, замещает слово «комикс», — все это весьма профессионально само по себе, и не более того. Более самого себя Макс становится в тот момент, когда отказывается от искусства как вещи и даже от искусства как жеста, превращая искусство в калейдоскоп вещей и жестов, где все имеет цену только в массе, в серии, на потоке. А возникающая при этом ценность не имеет конкретного источника: картина ли вышла из-под кисти Макса или несколько мимолетных штрихов — это равно работает на украшение мира равных возможностей. Доведенное до автоматизма не только в исполнении, но и в восприятии, «повторение пройденного» попросту присваивает количеству субстанцию качества. Очарованный в свое время Америкой комиксов и реклам, Макс скрестил свое искусство с конвейером, и вид тысяч будильников, шарфов, галстуков, календарей, на каждом из которых стоит его имя, потрясал поначалу и его самого. Имя, каллиграфическое имя, значащееся на любом прикосновении кисти Макса, стало для него единственным «знаком индивидуальности», «identification card» исчезнувшей личности. Вместе с артефактом Макс дезавуировал и себя как творца, оставив зрителю только подпись и собственные (собственные ли?) слова о безграничных возможностях человеческого разума.

Макс — гений симуляции: он симулирует вечность, напрямую изображая ее и утверждая, что именно это изображение адекватно; он симулирует индивидуальность, нанося небрежные мазки на фотографии рок-певцов и подписывая свое имя на этих «портретах»; он симулирует мысль, «приобщая» (и освящая тем самым) к своему искусству расхожие сентенции (от «Человек должен ходить по Луне» до «Жизнь так прекрасна»).

Макс — романтик клише: он отво-

дит место себе и своему искусству в реальности жестких штампов и пластмассовых кажимостей. Эту реальность он украшает своими «космическими бегунами» и «космическими летунами», ее он «изобретает», ставя на службу ей времени и пространства, в нее он пылко и счастливо влюблен вот уже 30 лет. Реальность Макса — это реальность американского идеала, ежесекундно продуцируемого пульсирующей «коллективной плотью» супердержавы. Это удивительно близко сейчас нам, недавно отказавшимся от урегулированности соцреализма, но остро нуждающимся в новом, не уступающем старому по глобальности культурном менталитете.

...«Ночью мне приснилась Америка!» И если приснишься, то сделай это в несуществующем облике Питера Макса. Человека, от которого, как от того кота, осталась одна «улыбка» — мелькающий там и сям «товарный знак», — ряд несокрушимых американских зубов на фоне все того же аккуратно выписанного имени. Улыбка эта превратилась в товар, покупаемый равно «богатыми» и «бедными», что их и объединяет. Наконец-то мы удостоверились в том, что найдена идеальная форма для любой идеологии, подорвать которую невозможно, не поставив себя вне жизни, которая прекрасна. Найдена она не нами, но будто для нас.

Нам надоели рефлектирующие европейски ориентированные маргиналы (их по привычке зовут «интеллигентами»), мучимые недугом анализа (то есть расчленения), который в ситуации разложения питательного фантома «Союза нерушимого» оборачивается не то копро, не то некрофагией. Нам хочется не думать о завтра, а покупать сегодня.

Питер Макс глядел на нас с витрин и афиш, с ветровых стекол и лотков, с нахлопек на штанах и бретелок для ключей. Наши нечастые улыбки — это его постоянная, наше будущее — это его настоящее. Он не приезжал и не уезжал. Он всегда с нами — Питер Макс, человек, который изобрел нам реальность.

Человек Дега, 1989.

Питер МАКС.

Автопортрет, 1969.

Три мудреца, 1967.

